Агата Кристи

… и в трещинах зеркальный круг

В жизни маленького городка Сент-Мери-Мид – событие! Знаменитый режиссер и его супруга-кинозвезда приобрели здесь особняк. Однако, прием в честь новоселья оказался омрачен: в бокал добропорядочной местной жительнице подсыпан яд. Когда полиция оказывается бессильна, на сцену выходит несравненная мисс Марпл – только ее острый ум и знание человеческой природы способны помочь раскрыть убийство.

Агата Кристи
… И в трещинах зеркальный круг
На паутине взмыл паук,

И в трещинах зеркальный круг.

Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг

Леди из Шалотта.[1]

Альфред Теннисон
Действующие лица
Джейн Марпл. Состояние здоровья и возраст не позволяли ей вести активный образ жизни, и она полагала, что все преступления на своем веку она уже раскрыла. Но на сей раз убийство произошло, можно сказать, у дверей ее дома.

Мисс Найт. Занудная компаньонка Джейн, человек вроде бы и неплохой, но в больших дозах несколько опасна.

Хитер Бэдкок. Встретившись со знаменитой кинозвездой

Мариной Грегг впервые, она получила ее автограф. В их следующую встречу она получила ее коктейль – и результат оказался трагическим.

Артур Бэдкок. Тихий, исстрадавшийся муж Хитер. Может, ему в конце концов надоела жена, которая всегда и все знала лучше других – и не делала из этого тайны?

Миссис Бэнтри. Связующее звено между мисс Марпл и деревней, авторитет во всем, что касается личной жизни кинозвезд.

Доктор Хейдок. Прописал мисс Марпл симпатичненькое и смачненькое убийство. Знал бы он, что это снадобье не заставит себя ждать!

Марина Грегг. Увядающая, но все еще очаровательная кинозвезда. Что же такое она все-таки увидела, когда давала прием в своем новом жилище? Отчего застыла, будто ей явилась ее судьба?

Джейсон Радд. Знаменитый кинорежиссер. Последний и самый преданный муж Марины. Или нет?

Элла Зелински. Секретарша Джейсона. Ей довелось на собственном опыте испытать, что даже чих иногда оказывается роковым.

Хейли Престон. Подтянутый молодой человек, в чьи обязанности входило охранять Марину от персон нон грата. Но как только произошло убийство, пожелал выйти из

игры.

Главный инспектор Крэддок. Профи из Скотленд-Ярда, которому пришлось подавить гордыню и обратиться за помощью к 80-летней любительнице, а именно к Джейн Марпл.

Доктор Гилкрист. Личный доктор Марины. Пациентка просила его молчать. Как быть – уважить эту просьбу или сказать полиции, что ее жизнь все еще в опасности?

Лола Брюстер. Породнилась с Мариной благодаря браку. Была второй женой третьего мужа Марины – или наоборот.

Ардуик Фенн. Идет по жизни рука об руку с удачей, привык получать желаемое. Но Марина его отвергла. Может быть, до сих пор саднит старая рана?

Марго Бенс. Фотограф, специалистка по светской хронике. Это ее камера запечатлела застывший взгляд Марины, будто той явилась ее судьба. Может, она запечатлела и взгляд убийцы?

Глава 1

1

Мисс Джейн Марпл сидела у окна и смотрела в сад. Когда-то этот сад был для нее источником гордости. Когда-то… но не сейчас. Мисс Марпл поморщилась. Заниматься садоводством ей теперь запрещено. Наклоняться нельзя, вскапывать грядки нельзя, высаживать растения нельзя – в

лучшем случае можно стричь ветки, и то чуть-чуть. Старый Лейкок приходил сюда три раза в неделю и делал что мог, у нее к нему претензий нет. Но то, что он мог (увы, увы), устраивало лишь его самого, но никак не его нанимательницу. Мисс Марпл точно знала, чего она хочет и когда именно, и давала приходящему садовнику четкие инструкции. Тут старый Лейкок с блеском исполнял отработанный номер – с энтузиазмом соглашался, но поступал по своему разумению.

– Будет сделано, хозяйка. Мыльнянку посадим сюда, а колокольчики вдоль стены, как вы и велите. На той неделе сразу этим займусь.

Но потом у Лейкока находились всякие отговорки, причем всегда обоснованные, – так капитан Джордж из романа «Трое в одной лодке» изобретал разные причины, мешавшие ему выйти в море. Его всегда не устраивал ветер: то он дул не туда – от берега или, наоборот, на берег, то приходил с запада, что ненадежно, а уж если с востока – значит, жди коварства. Лейкок же все сваливал на погоду. Слишком сухо… слишком влажно… почва раскисла от воды… слегка подморозило. Либо находилось какое-то более важное дело (обычно связанное с брюссельской или простой капустой – эти овощи он был готов выращивать в немыслимых количествах). В садоводстве Лейкок исповедовал собственные принципы, и ни один наниматель, даже самый сведущий, не мог сбить его с панталыку.

Принципы эти были довольно просты: пить побольше чайку, крепкого и сладкого, чтобы воодушевить себя на

трудовые подвиги, вдумчиво подметать листья в осеннюю пору, высаживать свои любимые цветы, в основном астры и шалфей, чтобы, как он говорил, «хорошо смотрелось» летом. Конечно же, он соглашался, что розы надо опрыскивать, не то их погубит тля, но как-то всегда мешкал с этим опрыскиванием, а если требовалось перекопать землю под сладкий горох, незамедлительно следовало: «Вы бы, хозяйка, посмотрели, какой сладкий горох вырос у меня в прошлом году! Прямо пальчики оближешь, и никто ничего заранее не перекапывал».

Впрочем, правду говоря, к своим нанимателям Лейкок был привязан, к их садоводческим причудам относился благосклонно (если не приходилось слишком много работать), но предпочтение отдавал овощам. Овощи – вот это продукт! Скажем, савойская капуста или, еще лучше, кормовая капуста с завитушками. А цветы – это все баловство, для дамочек, которым время девать некуда. Что же, пусть их, надо их уважить – и он радовал сердце нанимательниц, выращивая упомянутые выше астры, шалфей, лобелии и летние хризантемы.

– Я тут работал в Новых Домах. Тоже народ хочет, чтобы садики у них приличный вид имели. Да цветов понакупили больше чем надо, вот я кое-что и притащил сюда да посадил вместо наших старушек роз – уж больно жалкий вид был у бедняжек.

Н-да, невеселые мысли… Мисс Марпл отвела глаза от сада и взялась за вязанье.

От фактов не убежишь: Сент-Мэри-Мид уже не та, что была раньше. В каком-то смысле, конечно, изменилось все. Причин можно выискать вдоволь: сделала свое черное дело война (две войны), не та теперь молодежь, женщины перестали заниматься домом и ходят на работу, наводит страх атомная бомба, никуда не годится правительство… Только все гораздо проще: берет свое возраст. Мисс Марпл, весьма разумная пожилая дама, не испытывала на этот счет никаких иллюзий. Удивительно, что именно здесь, в Сент-Мэри-Мид, где она прожила немалую часть жизни, мисс Марпл особенно ощущала бег времени.

Сердцевина деревушки Сент-Мэри-Мид, оплот былого, никуда не подевалась. Стояли на месте и «Синий вепрь», и церковь, и дом викария, и гнездышко королевы Анны, и георгианские дома, в одном из которых жила мисс Марпл. Стоял на месте дом мисс Хартнелл, да и сама мисс Хартнелл стояла скалой, отчаянно отражая нападки прогресса. А вот мисс Уэтерби перешла в мир иной, и в ее доме поселился управляющий банком с семьей, провел косметический ремонт, выкрасил двери и оконные наличники в бодренький ярко-синий цвет. Почти во всех старых домах жили теперь новые жильцы, но сами дома мало изменились: новым владельцам было по душе, как выражался агент по продаже недвижимости, «очарование былого». Они просто встраивали еще одну ванну с туалетом, обновляли сантехнику и трубы, покупали электроплиты и посудомоечные машины.

Возможно, дома и выглядели как прежде, но вот деревенская улица… Когда в магазинах поменялись хозяева, тотчас

повеяло дыханием нового, и новизна эта внедрялась навек. Рыбная лавка изменилась до неузнаваемости: маленькие окошки сменились гигантской витриной, за которой поблескивала свежемороженая рыба. Мясник, впрочем, проявил консерватизм, да и немудрено: хорошее мясо есть хорошее мясо, были бы деньги. Нет денег – бери куски подешевле да пожестче и не жалуйся! Устояла перед натиском прогресса и бакалейная лавка Барнса, за что мисс Хартнелл, мисс Марпл и другие ежедневно благодарили небеса. И обласкают тебя, и на удобный стул возле прилавка посадят, и поговорят задушевно: какой кусок бекона вам отрезать, мадам, какой сыр желаете? А вот в конце улицы, на месте магазина, где мистер Томс когда-то торговал корзинками, сияет стеклом да металлом новехонький супермаркет – сущая анафема для пожилых обитательниц Сент-Мэри-Мид.

«Кругом пакеты невесть с чем, нормальный человек о таком и слыхом не слыхивал, – жаловалась мисс Хартнелл. – Пакетищи с какими-то полуфабрикатами – изволь этим кормить ребенка на завтрак, а про нормальный бекон с яйцами забудь. И еще – изволь сам брать корзинку да выискивать, что тебе нужно, а оно обязательно расфасовано, да так, что там либо намного больше, чем тебе хочется, либо намного меньше. Пока все найдешь – четверти часа как не бывало. А потом еще выстаивай длинную очередь – платят-то за все вместе, при выходе. Дурость несусветная. Конечно, оно, может, и ничего для людей из Новых Домов…»

На этом месте она останавливалась.

Потому что фраза подходила к логическому завершению. «Новые Дома». Конец цитаты, как принято говорить нынче. Этими двумя словами было сказано все. И оба слова – с большой буквы.

2

Мисс Марпл раздраженно крякнула. Она снова пропустила петлю. Мало того что пропустила, так еще и стала вязать дальше. И поняла это только сейчас, когда пришлось считать петли для шейки. Она взяла запасную спицу, поднесла вязанье к свету, натянула его и, волнуясь, стала вглядываться. Но даже новые очки не помогали. Почему? Да все потому же, с горечью подумала мисс Марпл. Пришло время, когда окулисты, со всеми своими шикарными комнатами ожидания, современными инструментами, яркими фонариками, которыми они светят тебе в глаза, очень высокими гонорарами, больше ничего не могут для тебя сделать. Не без грусти мисс Марпл вспомнила, как хорошо она видела еще несколько лет назад (не так уж и несколько). Занимала в саду выгодную позицию, так что вся Сент-Мэри-Мид лежала перед ней как на ладони, и, можно сказать, ничего не укрывалось от ее проницательного взгляда. А если еще надеть очки для изучения птиц (ее увлечение птицами приносило немалую пользу), можно было увидеть… Тут мысли перенесли ее в прошлое. Вот Энн Протероу в летнем платьице идет к саду викария. А вот полковник Протероу… бедняга… Да, это был занудливый и неприятный тип… но умереть такой смертью… кошмарное убийство… Мисс Марпл покачала головой и припомнила Гризелду, хорошенькую женушку викария. Ах, милейшая Гризелда…

такая преданная подруга… никогда не забывала прислать открытку к Рождеству. А ее красавчик малыш вон какой вымахал, взрослый мужчина, и работа у него приличная. Кажется, по инженерному делу. Разбирать на части игрушечные поезда – в детстве у него это было любимое развлечение. За домом викария через стену вели ступеньки, а дальше тянулась тропа в поле, там пасся скот фермера Гайлса, а теперь на месте этого поля…

Новые Дома.

А что тут, собственно, такого, спросила себя мисс Марпл со всей строгостью. Разве могло быть иначе? Дома были нужны, построили их очень хорошо, насколько ей известно. «Плановая застройка», или как там ее. Хотя непонятно, почему все кварталы, как один, называются «клоуз».[2] Обри-клоуз, Лонгвуд-клоуз, Грэндисон-клоуз и так далее. Тоже мне, «клоузы». Мисс Марпл знала, что такое «клоуз». В свое время ее дядя был каноником в Чичестерском соборе. Когда она ребенком навещала его, жили они именно в «клоузе».

Точно так же Черри Бейкер всегда называла гостиной старомодную, заставленную мебелью залу мисс Марпл. «Это не гостиная, Черри, а зала», – мягко поправляла ее мисс Марпл. И Черри, женщина молодая и добрая, великодушно старалась это запомнить, хотя ей было совершенно ясно, что «зала» звучит уж больно забавно, и «гостиная» время от времени все равно срывалась с языка. В конце концов они сошлись на «столовой». Мисс Марпл относилась к Черри очень хорошо. Черри была замужем за неким

Бейкером и жила в Новых Домах. Она принадлежала к прослойке жен-молодок, которые отоваривались в супермаркете и катали тележки с продуктами по тихим улочкам Сент-Мэри-Мид. Все проворные и прилично одетые. С аккуратно уложенными кудряшками. Они громко смеялись и весело болтали друг с другом. Эдакая не знающая горя стайка птиц. Вероломный кредит ставил им одну ловушку за другой, и им всегда требовались наличные, хотя их мужья зарабатывали вполне сносно. Поэтому они нанимались кухарить или убирать по дому. Черри была отменной кухаркой, да и умом бог не обидел: она исправно и толково отвечала на телефонные звонки и быстро находила неточности в счетах, что приходили на дом. А вот выбивать матрацы… К этому она относилась без большого энтузиазма… Что же касается мытья посуды… Мисс Марпл всегда отворачивалась, когда проходила мимо двери в буфетную, где Черри посудомойничала по своему методу: складывала в раковину все подряд, обильно посыпала мыльным порошком и включала воду. Мисс Марпл потихоньку изъяла из каждодневного пользования старый вустерский чайный сервиз и убрала его в угловой шкафчик, откуда сервиз извлекался лишь по особым случаям. А на каждый день купила современный, с бледно-серым рисуночком на белом фоне и без всякой позолоты, которая все равно смылась бы в злосчастной раковине.

Да, с прошлым – ничего общего… Взять вернейшую Флоренс, эту гренадершу-горничную… или Эми, Клару, Элис, «милейших служаночек», девочек из приюта Сент-Фейтс… Они проходили у нее «подготовку», а потом разъехались кто куда, где побольше платят. По большей части

простушки, у многих нарушен обмен веществ, а у Эми и с головой был явный непорядок. Они сплетничали и щебетали с другими служанками в деревне, прогуливались с помощником хозяина рыбной лавки, или с младшим садовником из Госсингтон-Холла, или с кем-то из многочисленных продавцов бакалейного магазина мистера Барнса. Мисс Марпл с любовью вспоминала о них: сколько детских костюмчиков она связала для их будущих отпрысков! Они не так умело обращались с телефоном, да и с арифметикой дело у них обстояло слабо. С другой стороны, посуду они мыли отменно, а постель застилали и вовсе на «отлично». Они не могли похвастать образованием, но по хозяйству управлялись хорошо. А нынче работать по дому приходят все больше образованные – не странно ли? Студентки из-за рубежа, девушки, снимающие жилье на пару, университетские студентки на каникулах, молодые замужние женщины, как Черри Бейкер, живущие в районах новой застройки, где все фальшь, даже названия кварталов.

Конечно, остались люди, подобные мисс Найт. Эта последняя мысль пришла внезапно – над головой раздались шаги мисс Найт, и стеклянные подвески на каминной полке предупреждающе зазвенели. Мисс Найт, совершив обряд дневного сна, собиралась приступить к другому обряду – дневной прогулке. Через минуту она зайдет и спросит, не нужно ли мисс Марпл чего-нибудь в городе. При воспоминании о мисс Найт мысли мисс Марпл потекли по проторенному руслу. Конечно, со стороны дорогого Реймонда (ее племянника) это очень великодушно, и мисс Найт – сама доброта, и приступ бронхита не прошел для мисс Марпл бесследно, и доктор Хейдок твердо заявил

– мало, чтобы кто-то просто к ней заглядывал, она вообще не должна находиться в доме одна, и все же… Тут она остановилась. Ибо дальше неизбежно следовала вот какая мысль: «Будь это не мисс Найт, а кто-то другой…» Но у пожилых дам в наши дни выбор, как известно, весьма ограничен. Верные служанки нынче не в моде. Если заболеешь по-серьезному, к тебе, может, и пришлют хорошую сиделку, только за большие деньги, и пойди еще ее найди, а нет – ложись в больницу. Но когда критическая стадия болезни позади, можешь рассчитывать только на мисс Найт и ей подобных.

Собственно, в мисс Найт и ей подобных нет ничего плохого, одна беда – уж больно они тебя раздражают. Они полны доброты, готовы одаривать своих подопечных заботой и любовью, ублажать их, постоянно им улыбаться, сюсюкать с ними – словом, обращаться с ними как с умственно отсталыми детьми.

«Но умственно отсталым ребенком, – сказала себе мисс Марпл, – при всем моем преклонном возрасте я себя не считаю».

В эту секунду, как обычно слегка запыхавшись, в комнату, сияя, влетела мисс Найт. Это была крупная, слегка оплывшая жиром женщина пятидесяти шести лет от роду, пожелтевшие седые волосы уложены в довольно сложную прическу, очки, заостренный нос, на губах добродушная улыбка, а ниже – слабый подбородок.

– А вот и мы! – лучась от радости, шаловливо воскликнула

она, дабы рассеять сумеречную грусть божьего одуванчика. – Надеюсь, мы уже покемарили?

– Лично я вязала, – ответила мисс Марпл. – И пропустила петлю, – добавила она с легким стыдом, презирая себя за эту слабость.

– Ах, дорогая моя, – посетовала мисс Найт. – Ну, ничего, мы скоро это поправим, правда?

– Вы поправите, – уточнила мисс Марпл. – Я, увы, на это уже не способна.

Ядовитые нотки в ее голосе остались незамеченными. Мисс Найт, как всегда, была рада помочь.

– Ну, вот, – сказала она вскоре. – Пожалуйста, дорогая. Теперь все в порядке.

Мисс Марпл ничего не имела против, когда ее называли «дорогой» (или даже «дорогушей») зеленщица или девушка из магазина канцтоваров, но «дорогая» из уст мисс Найт раздражало ее до крайности. Еще одно неудобство, с которым дамам в возрасте приходится мириться. Она вежливо поблагодарила мисс Найт.

– А теперь я сделаю маленький топ-топ-топ, – бодрым голосом доложила мисс Найт. – Туда и назад.

– Вы уж гуляйте сколько хотите, прошу вас, – сказала мисс Марпл вежливо и вполне искренне.

– Нет, дорогая, слишком надолго оставлять вас не хочу, вдруг вы захандрите?

– Уверяю вас, мне это не угрожает, – успокоила ее мисс Марпл. – Я, пожалуй, – она прикрыла глаза, – немножечко вздремну.

– Вот и прекрасно, дорогая. Что-нибудь принести?

Мисс Марпл открыла глаза и задумалась.

– Зайдите в «Лонгдонс» и узнайте, готовы ли занавески. Да разве купите еще один моток голубой пряжи у миссис Уисли. А в аптеке – таблетки из черной смородины. И поменяйте книги в библиотеке – но берите, пожалуйста, только по моему списку. В прошлый раз они всучили какую-то жуть. Я не добралась даже до середины.

Она достала книгу под названием «Весна просыпается».

– Ах, дорогая, дорогая! Неужели вам не понравилось? Я думала, вы будете в восторге. Такая трогательная история.

– И если это для вас не слишком далеко, может быть, вы дойдете до «Халлетса» и посмотрите, нет ли у них сбивалки для яиц – но только не с ручкой, а чтобы сбивала сверху вниз.

(Она прекрасно знала, что в «Халлетсе» этих сбивалок нет

и в помине, но это был самый дальний магазин в пределах разумного.)

– Если я вас не слишком обременяю… – пробормотала она.

Но мисс Найт совершенно искренне ответила:

– Ни в коем случае. Все сделаю с превеликим удовольствием.

Мисс Найт обожала ходить по магазинам. Это позволяло ей держать руку на пульсе. Тут встречаешь знакомых, и можно с ними поболтать, посплетничать с продавщицами, ну и, разумеется, посмотреть, что, где и почем. На все эти приятные занятия с чистой совестью можно потратить довольно много времени – все-таки тебя послали по делу.

И мисс Найт, бросив последний взгляд на хрупкую старушку, мирно сидевшую у окна, радостно выпорхнула из комнаты.

Выждав несколько минут – вдруг мисс Найт вернется за сумкой, кошельком или носовым платком (она вечно что-то забывала и возвращалась) – и придя в себя после легкого перенапряжения – не так-то просто было дать мисс Найт столько ненужных поручений, – мисс Марпл деловито поднялась, отложила в сторону вязанье и целеустремленной походкой направилась в холл. Там она сняла с вешалки летнее пальто, взяла стоявшую тут же палку, сменила шлепанцы на прочные уличные туфли. И через

боковую дверь вышла из дому.

«Ее не будет минимум полтора часа, – прикинула мисс Марпл. – Да, именно так, ведь сейчас по магазинам ходят все Новые Дома».

Мисс Марпл представила себе, как мисс Найт в «Лонгдонсе» ведет обреченные на провал переговоры насчет занавесок. И мысленный взор ее не подвел. В эту самую минуту мисс Найт восклицала:

– Конечно, я и сама была уверена, что они еще не готовы. Но раз старушка попросила, я сказала: хорошо, пойду и проверю. Бедные старички, что им осталось в этой жизни? И если уж у них есть какие-то желания, надо им потакать. Тем более она такая лапочка. Уже немножко не того, но куда деваться? Возрастное. Какой прелестный у вас матерьяльчик! А другие цвета есть?

Таким приятным образом мисс Найт провела двадцать минут. Когда она наконец ушла, старшая продавщица заметила, слегка фыркнув:

– Немножко не того? Ну уж позвольте не поверить. Мисс Марпл всегда была в здравом уме и трезвой памяти, была и есть.

После этого она занялась с молодой покупательницей в узких брючках и парусиновой кофте, той требовалась пластиковая занавеска с крабами для ванной.

Между тем мисс Марпл играла в свою любимую игру.

«Эмили Уотерс, вот кого мне напоминает мисс Найт, – констатировала она с удовольствием, ибо всегда радовалась, когда находила в людях какие-то схожие черты. – Те же куриные мозги. Минуточку, а что же случилось с Эмили?»

Да ничего особенного. Было время, она едва не обручилась с викарием, но лишенный страсти роман совсем зачах через несколько лет. Впрочем, бог с ней, с этой ее компаньонкой. Мисс Марпл сосредоточилась на предметах, непосредственно ее окружавших. Она быстро прошла по саду, заметив краешком глаза, что Лейкок подстриг старые розы так, как можно стричь разве что гибридные чайные кусты… «Нет, – сказала она себе, – не будем расстраиваться и вообще отвлекаться, зачем отравлять себе приятные мгновения?» Ведь ей предстоит прогулка без сопровождающих – какое наслаждение! Вдруг с ней что-нибудь приключится? Она повернула направо, прошла в ворота дома викария, потом тропинкой по саду, взяла чуть правее. Ступеньки через стену теперь уступили место воротам на шарнирах, за ними тянулась асфальтированная дорожка. Дальше – аккуратный мостик через ручей, а по ту сторону ручья, где когда-то на полянах паслись коровы, раскинулись Новые Дома.

Глава 2

Видимо, схожие чувства испытывал Колумб, когда отправился открывать новые миры. Мисс Марпл перебралась через мостик и вскоре – прошагав четыре минуты по дорожке – оказалась на улице под названием Обри-клоуз.

Разумеется, мисс Марпл видела Новые Дома со стороны Маркет-Бейзинг-роуд, то есть видела издалека ряды ладных и аккуратных построек, с телеантеннами на крышах, с дверьми и оконными наличниками, выкрашенными в голубое, розовое, желтое и зеленое. Но до сих пор район был для нее лишь местом на топографической карте, не более. В нем она не была, не сопоставляла с ним себя лично. И вот она здесь, своими глазами видит этот возникший из небытия прекрасный новый мир, совершенно чуждый всему, что ей дотоле было известно. Прямо игрушка, макет, построенный из детских кирпичиков. Неужели все это – настоящее?

Да и люди не такие, к каким она привыкла. Дамы в брючках, зловещего вида молодые парни и мальчишки, у пятнадцатилетних девчонок груди такие, что одежда вот-вот треснет по швам. Было во всем этом что-то ужасно порочное. Мисс Марпл неспешно ковыляла по улице, и никто не обращал на нее внимания. Она повернула на углу Обри-клоуз и оказалась на Дарлингтон-клоуз. Она с жадностью вслушивалась в обрывки разговоров между молодыми мамашами с колясками, между девицами и парнями, между зловещего вида пижонами (наверняка все они – пижоны), которые перебрасывались зловещими репликами. Матери выходили на ступеньки и звали своих детей, а те, как водится, занимались тем, чем не велено. Вот уж кто не меняется, так это дети. И слава богу. Тут она заулыбалась, ибо в мозгу ее, как обычно, стали возникать аналогии.

Вот женщина – вылитая Кэрри Эдвардс. А вон та брюнет-

ка здорово смахивает на девчонку Хуперов… и семейная жизнь ей так же не удастся, как не удалась Мэри Хупер… Ну-ка, а что там мальчишки? Этот, темноволосый, похож на Эдварда Лика, все что-то угрожает да ерепенится, но на самом деле вреда от него никакого… Если разобраться, хороший парнишка… а тот, светловолосый, – точь-в-точь Джош, сын миссис Бедуэлл. Хорошие ребятишки, один и другой. А вот этому, что похож на Грегори Биннса, не позавидуешь. Небось и у него мамаша не подарок…

Она свернула на Уолсингем-клоуз, настроение у нее поднималось с каждой минутой.

Новый мир ничем не отличался от старого. Да, дома здесь другие, улицы почему-то называются «клоузы», другой стиль одежды, по-другому звучат голоса… но люди все те же… те же, что всегда. Да и темы разговоров не поменялись, хотя слегка другим стал язык.

Увлекшись своим исследованием, мисс Марпл немного сбилась с пути и снова оказалась на краю жилого массива. Она стояла на углу Каррисбрук-клоуз, улица эта была застроена лишь наполовину. У окна второго этажа почти готового дома стояла молодая пара. Молодые люди обсуждали свои насущные проблемы, и звуки их голосов плыли по воздуху вниз.

– Согласись, Харри, дом расположен прекрасно.

– Тот был не хуже.

– Здесь на две комнаты больше.

– За них, между прочим, надо платить.

– Этот дом мне нравится больше.

– Еще бы!

– Слушай, не порть мне настроение. Знаешь ведь, что сказала мама.

– Твоя мама всегда что-нибудь говорит.

– Оставь мою маму в покое. Где бы я была без нее? Она, кстати, вполне могла показать коготки, если хочешь знать. И дело бы кончилось для тебя судом.

– Ну, хватит, Лили.

– И прекрасный вид на холмы. Почти видно… – Она высунулась из окна, выгнулась налево. – …почти видно водохранилище…

Она еще больше подалась вперед, не понимая, что переносит свой вес на слабо закрепленные доски поверх подоконника. Под нажимом ее тела доски разошлись и вывалились наружу, увлекая девушку за собой. Она вскрикнула, пытаясь удержать равновесие:

– Харри!

Молодой человек стоял в одном или двух футах у нее за спиной… Он словно окаменел. Потом шагнул вперед…

Девушка, сделав яростное усилие, ухватилась за стену и выпрямилась.

– Уф! – От испуга у нее даже перехватило дыхание. – Чуть не выпала. А ты почему меня не подхватил?

– Все вышло так быстро. Да ладно, все же в порядке.

– В порядке! Говорю тебе, я чуть не вывалилась. А джемпер, посмотри, во что превратился.

Мисс Марпл пошла было дальше, но потом, движимая импульсом, решила вернуться.

Лили уже вышла на улицу и ждала молодого человека, который запирал дом.

Мисс Марпл подошла к ней и заговорила быстро и негромко:

– На вашем месте, дорогая, я бы не стала выходить за этого мужчину. Вам нужен человек, на которого вы сможете опереться в минуту опасности. Простите меня за эти слова, но я не могла вас не предостеречь.

И зашагала прочь, а Лили уставилась ей вслед:

– Да какого…

Подошел ее молодой человек.

– Что она тебе сказала, Лил?

Лили открыла было рот – и закрыла.

– Предостерегала меня, как цыганка, вот что.

И окинула его задумчивым, оценивающим взглядом.

Тем временем мисс Марпл, жаждавшая поскорее скрыться из виду, свернула за угол и, споткнувшись о кучку камней, упала.

Тут же из ближайшего дома выбежала женщина.

– Дорогая моя, как же вы так неудачно? Не ушиблись?

И она с рвением, едва не чрезмерным, обхватила мисс Марпл и, приподняв, поставила на ноги.

– Кости все целы? Ну и слава богу. Такое потрясение. Вам надо прийти в себя.

Голос у нее был громкий, дружелюбный. А сама – пухлая дородная брюнетка лет сорока, в волосах пробивалась седина, глаза голубые, а рот большой и броский. Слегка потрясенной мисс Марпл даже показалось, что в нем чересчур много блестящих белых зубов.

– Зайдите ко мне, посидите немного и передохните. Я приготовлю вам чашечку чаю.

Мисс Марпл поблагодарила ее. Позволила провести себя через голубую дверь в маленькую комнату, заставленную стульями и диванами с кретоновой обивкой.

– Ну вот, – заключила ее спасительница, усаживая мисс Марпл в кресло с подушками. – Сидите спокойненько, а я поставлю чайник.

И выметнулась из комнаты, в которой сразу стало как-то покойно и тихо. Мисс Марпл набрала полные легкие воздуха, выдохнула. Ушибиться она не ушиблась, но потрясение испытала, это точно. Падать в ее возрасте не полагается. «Впрочем, если повезет, – виновато подумала она, – мисс Найт об этом не узнает – незачем». Мисс Марпл осторожно пошевелила руками и ногами. Ничего не сломано. Теперь главное – добраться до дому. Может, после чашечки чаю…

В ту же секунду появилась чашка чаю. Вместе с четырьмя плиточками сдобного печенья на блюдечке. И все это – на подносе.

– Пожалуйста. – Хозяйка водрузила поднос на маленький столик перед мисс Марпл. – Давайте я вам налью. И сахара надо побольше.

– Мне без сахара, спасибо.

– Нет, как раз с сахаром. У вас же шок. В войну я работала за границей на машинах «Скорой помощи». Сахар прекрасно помогает при шоке. – Она положила в чашку четыре куска и принялась энергично шуровать ложечкой. – А теперь проглотите это – и будете как новенькая.

Мисс Марпл послушно исполнила авторитетное распоряжение хозяйки.

«Добрая женщина, – подумала мисс Марпл. – Кого-то она мне напоминает… Кого же?»

Улыбнувшись, она сказала:

– Большое спасибо за доброту.

– Ну, какие пустяки. Я маленький ангел-хранитель, вот я кто. Обожаю помогать людям. – Было слышно, как отворилась калитка, и хозяйка выглянула в окно. – А вот и муж пришел. Артур, у нас гостья.

Она вышла в холл и вернулась с Артуром. Он с озадаченным видом взирал на мисс Марпл. Это был худощавый белолицый мужчина, довольно медлительный.

– Эта дама упала – прямо у наших ворот, вот я и завела ее в дом.

– Ваша жена так добра, мистер…

– Бэдкок.

– Мистер Бэдкок. Боюсь, я причинила ей много хлопот.

– Ну, для Хитер это не хлопоты. Делать людям добро – для нее удовольствие. – Он с любопытством взглянул на мисс Марпл: – Вы куда-то шли?

– Нет, просто гуляла. Я живу в Сент-Мэри-Мид, позади дома викария. Меня зовут Марпл.

– Вот это да! – воскликнула Хитер. – Так вы и есть мисс Марпл! Я про вас слышала. Вы – специалист по убийствам.

– Хитер! Что такое ты…

– Ну, ты прекрасно меня понял. В смысле – по расследованию убийств. Правда?

Мисс Марпл скромно пробормотала, что раз-другой имела отношение к подобным расследованиям.

– Я слышала, что здесь, в этой деревне, тоже случались убийства. На днях в клубе «Бинго» об этом говорили. Кого-то убили в Госсингтон-Холле. Ни за что бы не переехала в дом, где кого-то убили. Там наверняка привидения.

– Но убийство произошло не в Госсингтон-Холле. Туда просто принесли труп.

– А нашли его в библиотеке, на коврике перед камином,

так?

Мисс Марпл кивнула.

– Надо же! Может, об этом даже фильм будут снимать. Может, потому Марина Грегг и купила Госсингтон-Холл.

– Марина Грегг?

– Да. Вместе со своим мужем. Забыла его фамилию… то ли продюсер, то ли режиссер… зовут Джейсон, а фамилия выскочила из головы. А Марина Грегг не женщина, а просто чудо! Последние годы она, правда, почти не снималась – долго болела. Но и сейчас ей равных нет, я так считаю. Вы видели ее в «Карманелле»? А в «Цене любви», в «Марии Шотландской»? Она уже немолода, но для настоящей актрисы возраст не помеха. Я всегда была ее горячей поклонницей. В детстве если у меня и был кумир, так это она. Я была на седьмом небе от счастья, когда для «Службы скорой помощи Святого Иоанна» на Бермудах организовали большой благотворительный вечер и открывать его должна была Марина Грегг. Я чуть с ума не сошла от радости, и вдруг в день концерта у меня температура, и доктор говорит – надо лежать. Но я решила – нет, так просто не сдамся. Да и чувствовала я себя совсем неплохо. В общем, поднялась, как следует подмазалась – и туда. Меня ей представили, мы с ней минуты три поговорили, она даже дала мне автограф. В общем, чудесней не придумаешь. Я тот день никогда не забуду.

Мисс Марпл пристально посмотрела на нее.

– Надеюсь, на вашем здоровье… это никак не отразилось? – встревоженно спросила она.

Хитер Бэдкок засмеялась:

– Нисколечко. В жизни не чувствовала себя лучше. Я считаю, если хочешь чего-то добиться, надо рискнуть. Я всегда так и делаю.

И она снова засмеялась – резко, громогласно, весело.

– Если Хитер что взяла в голову, ее не остановишь, – восхищенно произнес Артур Бэдкок. – И все ей сходит с рук.

– Элисон Уайлд, – удовлетворенно кивнув, пробормотала мисс Марпл.

– Пардон? – не понял мистер Бэдкок.

– Нет, ничего. Просто я когда-то знала эту женщину.

Хитер вопросительно посмотрела на нее.

– Вы мне ее напомнили, вот и все.

– Правда? Надеюсь, это была милая женщина.

– Очень, очень милая, – мисс Марпл призадумалась. – Добрая, пышущая здоровьем, жизнерадостная.

– Но хоть какие-то недостатки у нее были? – засмеялась Хитер. – У меня есть.

– Видите ли, у нее всегда была настолько определенная точка зрения, что порой она не замечала, как на то или иное явление могут посмотреть другие, как они могут его воспринимать.

– Вот и ты как-то в войну пустила в дом семью, которая лишилась крова, а они забрали наши чайные ложки и скрылись, – вставил Артур.

– Ну, Артур, как же я могла их не впустить! Я бы сотворила зло.

– Между прочим, это было фамильное серебро, – с тоской в голосе напомнил мистер Бэдкок. – Восемнадцатый век. Принадлежало бабушке моей матери.

– Дались тебе эти старые ложки, Артур. Уж давно пора про них забыть.

– Боюсь, я не из тех, кто быстро забывает.

Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него.

– А чем сейчас занимается ваша знакомая? – обратилась Хитер к мисс Марпл скорее из вежливости.

Мисс Марпл ответила не сразу.

– Элисон Уайлд? Она… умерла.

Глава 3

1

– Я так рада, что вернулась, – призналась миссис Бэнтри. – Хотя, чего греха таить, время провела прекрасно.

Мисс Марпл понимающе кивнула и приняла из рук подруги чашку чаю.

Когда несколько лет назад скончался полковник Бэнтри, его жена, миссис Бэнтри, продала Госсингтон-Холл и довольно большой прилегающий участок земли, оставив себе лишь Ист-Лодж, прелестный домик с портиком, но начисто лишенный удобств, и жить в нем отказывался даже садовник. Миссис Бэнтри наполнила его всем необходимым для современной жизни, подстроила кухню новейшего типа, подвела воду и электричество, сделала ванную и туалет. Пришлось выложить за все это немалые деньги, но попытка жить одной в Госсингтон-Холле обошлась бы ей несравненно дороже. В то же время она сохранила полную независимость, сад на три четверти акра в изящном кольце деревьев и с полным правом шутила: «Пусть делают в Госсингтоне что хотят, я ничего не увижу и буду жить спокойно».

В последние годы она много путешествовала, навещая детей и внуков в разных частях земного шара и изредка возвращаясь назад насладиться уединением собственного дома. Тем временем и сам Госсингтон-Холл несколько раз менял хозяев. Его превратили было в семейную гостини-

цу, но эта затея провалилась, потом дом стал собственностью четырех человек сразу, новые хозяева сделали из него четыре квартиры и вскорости переругались. Наконец дом решило купить министерство здравоохранения для каких-то не вполне ясных целей, и в итоге Госсингтон-Холл ему не понадобился. Он был снова перепродан – и именно эту сделку обсуждали сейчас две подруги.

– Слухи до меня, конечно, дошли, – говорила мисс Марпл.

– Естественно, – отвечала миссис Бэнтри. – Ведь ходили даже разговоры, что здесь поселится Чарли Чаплин со всеми своими детьми. Вот уж было бы развлечение на славу; увы, это всего лишь сплетня. Теперь точно известно, что жить здесь будет Марина Грегг.

– До чего она была хороша собой, – со вздохом произнесла мисс Марпл. – По сей день помню все ее ранние фильмы. «Перелетные птицы» с этим красавчиком, Джоэлом Робертсом. Или «Мария, королева Шотландии». Или «Как колосья на ветру» – сентиментальщина, конечно, но я этот фильм могла смотреть и смотреть. Господи, как давно все это было!

– Да, – согласилась миссис Бэнтри. – Сколько же ей сейчас? Как думаете? Сорок пять? Пятьдесят?

– Видимо, все-таки ближе к пятидесяти, – прикинула мисс Марпл. – А она последнее время где-нибудь снималась? Я ведь теперь в кино почти не хожу.

– Разве что в эпизодах, – сказала миссис Бэнтри. – Она уже давно не звезда. И потом, у нее ведь было нервное расстройство. После очередного развода.

– Еще бы, – протянула мисс Марпл. – Они мужей меняют как перчатки. Утомишься тут.

– Я бы так не смогла, – заявила миссис Бэнтри. – Влюбляешься в человека, выходишь за него замуж, привыкаешь к нему, вьешь уютное гнездышко – и на тебе, все в помойку и начинай сначала! Даже в голове не укладывается.

– Тут я лучше помолчу, – потупив взор и кашлянув, промолвила мисс Марпл – старая дева. – Ведь замужем я никогда не была. Хотя, мне кажется, их можно пожалеть.

– Они, наверное, ничего с этим поделать не могут, – неопределенно заметила миссис Бэнтри. – Ведь у них такая жизнь. У всех на виду. Я с ней встречалась лично, – добавила она. – С Мариной Грегг, когда была в Калифорнии.

– И как она выглядела? – с интересом спросила мисс Марпл.

– Очаровательная женщина, – сказала миссис Бэнтри. – Такая естественная, прямо дитя природы. – Она задумчиво добавила: – Это, конечно, все благоприобретенное.

– Что именно?

– Да это самое – умение вести себя как дитя природы. Сначала этому учишься, а потом вживаешься в образ и уже из него не выходишь. Только представьте, какой это кошмар – все время помнить о приличиях, не иметь возможности закричать в голос: «Да оставьте вы меня ради бога в покое!» Я бы сказала, что все эти их вечеринки, где спиртное льется рекой, все эти их оргии – просто необходимая самооборона.

– У нее, кажется, было пять мужей? – спросила мисс Марпл.

– Как минимум. Один в ранней молодости, его можно и не считать, потом какой-то иностранец, то ли принц, то ли граф, потом этот киноактер, звезда… Роберт Траскотт, да? Газетчики постарались, раздули вокруг них шумиху – безумная любовь. Но идиллия продлилась всего четыре года. Потом появился Айседор Райт, драматург. Тут все было глубоко и серьезно, у нее даже родился ребенок… Видимо, она всегда хотела ребенка… даже наполовину усыновила нескольких беспризорников… В общем, на сей раз все было по-настоящему. Газетчики – снова тут как тут. Материнство с большой буквы. А потом оказалось, что ребенок – то ли дебил, то ли псих, то ли еще что-то такое… Тут-то у нее и случилось нервное расстройство, она начала принимать наркотики… отказываться от предложений… скоро совсем перестала сниматься.

– Вижу, вы про нее много знаете, – заметила мисс Марпл.

– Естественно, – сказала миссис Бэнтри. – Я заинтересо-

валась ею, когда она купила Госсингтон. Нынешний брак она заключила года два назад, и вроде бы сейчас она снова в норме. Он продюсер… или режиссер? Все время путаю. Он был влюблен в нее в их молодые годы, но тогда он ничего собой не представлял, так что… А теперь, насколько я знаю, он очень знаменит. Как его фамилия? Джейсон… Джейсон, а вот дальше… Джейсон Хадд? Нет, кажется, Радд. Да, Радд. Они купили Госсингтон, потому что неподалеку находится киностудия. – Она засомневалась. – «Элстри»? – предположила она.

Мисс Марпл покачала головой.

– Не думаю, – усомнилась она. – «Элстри» находится на севере Лондона.

– Это совсем новая студия. «Хеллингфорт» – вот как она называется. Что-то финское в названии, правда? Милях в шести от Маркет-Бейзинг. Марина Грегг будет сниматься в фильме про Елизавету Австрийскую.

– Надо же, сколько вам всего известно про личную жизнь кинозвезд, – отметила мисс Марпл. – Вы все это узнали в Калифорнии?

– Не совсем, – призналась миссис Бэнтри. – Обо всем этом пишут разные диковинные журналы, которые я читаю у моей парикмахерши. Вообще-то я этих звезд все время путаю, но Мариной Грегг и ее мужем я заинтересовалась – ведь они купили Госсингтон! А в этих журналах чего только не прочтешь! Там небось и половины правды нет…

В лучшем случае четверть. Я не верю, что Марина Грегг – нимфоманка, что пьянствует, скорее всего, она и наркотики не принимает, вполне возможно, ей просто понадобилось передохнуть, а никакого нервного расстройства и в помине не было! А вот что она будет здесь жить – правда.

– Я слышала, она переезжает на следующей неделе, – сообщила мисс Марпл.

– Так скоро? Я знаю, что двадцать третьего она дает в Госсингтоне большой благотворительный прием для «Службы скорой помощи Святого Иоанна». Дом как следует отремонтировали?

– Переделали почти все, – сказала мисс Марпл. – Наверное, проще и дешевле было бы этот дом снести и на его месте построить новый.

– Туалетных комнат добавили?

– Я слышала, целых шесть. Во дворе – пальмы. И бассейн. И окна во всю стену, чтобы вид был красивее, а стену между кабинетом вашего мужа и библиотекой сломали и сделали одну большую комнату – музыкальную.

– Бедный Артур перевернется в гробу. Вы же помните, как он ненавидел музыку. Что называется, медведь на ухо наступил. Помню, с каким лицом он сидел в опере, когда нас туда вытаскивал какой-нибудь добрый друг. Он еще придет к ним в белом саване. – Она смолкла, потом вдруг спросила: – Никто не намекает, что в Госсингтоне могут

быть привидения?

Мисс Марпл покачала головой.

– Их там нет, – с уверенностью сказала она.

– Слух-то все равно можно распустить, – заметила миссис Бэнтри.

– Никто таких слухов не распускал, – мисс Марпл помолчала, потом добавила: – Люди ведь не дураки. Особенно в деревнях.

Миссис Бэнтри метнула взгляд на собеседницу:

– Вы всегда придерживались этой точки зрения, Джейн. И я считаю, вы правы.

Она неожиданно улыбнулась:

– Марина Грегт спросила меня, очень мягко и тактично, не буду ли я страдать, видя, как в моем доме живут чужие люди. Я успокоила ее – это меня ничуть не огорчит. Пожалуй, она мне не поверила. Но ведь Госсингтон, кстати говоря, не был нашим домом, вы же знаете, Джейн. Мы здесь не выросли, не жили здесь детьми – а это самое главное. Когда Артур отошел от дел, мы просто купили этот дом, не последнюю роль сыграло и то, что в этих краях хорошие охота и рыбалка. Помню, мы думали: ну, с этим домом у нас не будет ни забот ни хлопот! Надо же так заблуждаться! Одних коридоров да лестниц сколько! И всего четверо

слуг. Всего! Вот это были денечки, ха-ха! – Ни с того ни с сего она перескочила на другую тему: – Как же это вы упали? Эта ваша Найт не должна отпускать вас одну!

– Бедная мисс Найт тут ни при чем. Я послала ее по магазинам, надавала заданий, а сама…

– …решила от нее улизнуть? Понятно. В вашем возрасте, Джейн, играть в такие игры не стоит.

– А как вы об этом узнали?

Миссис Бэнтри ухмыльнулась:

– В Сент-Мэри-Мид все тайное быстро становится явным. Ваши слова. Я узнала от миссис Миви.

– Миссис Миви? – озадаченно переспросила мисс Марпл.

– Она приходит ко мне каждый день. Живет в Новых Домах.

– А-а, в Новых Домах.

Последовала обычная пауза.

– А что вы делали в Новых Домах? – полюбопытствовала миссис Бэнтри.

– Глазела по сторонам. Хотелось посмотреть, что там за люди.

– И что там за люди?

– Да самые обыкновенные. Даже не знаю, разочаровало это меня или успокоило.

– Наверное, разочаровало.

– Нет. Скорее успокоило. Это позволяет… как бы сказать… выявить определенные типажи… и когда что-то случается… сразу понимаешь, почему и по какой причине.

– «Что-то»… вы имеете в виду убийство?

Казалось, мисс Марпл была шокирована.

– Почему-то вы считаете, что я только об убийствах и думаю.

– Бросьте, Джейн. Вам давно пора прямо заявить: да, я криминолог. Почему вы этого стесняетесь?

– Потому что никакой я не криминолог, – с жаром возразила мисс Марпл. – Просто я немного разбираюсь в человеческой природе, но это так естественно – всю жизнь я прожила в маленькой деревне.

– В этом, пожалуй, что-то есть, – задумчиво сказала миссис Бэнтри, – хотя, конечно, многие с вами и не согласятся. К примеру, ваш племянник Реймонд всегда говорил: эта деревушка – застойное болото.

– Милейший Реймонд. – Мисс Марпл явно была готова простить ему все грехи. – Он такой добрый. Это ведь он платит мисс Найт.

При упоминании мисс Найт мысли ее сразу потекли по другому руслу, она поднялась и сказала:

– Пожалуй, пора домой.

– Надеюсь, вы не пешком пришли в такую даль?

– Нет, конечно. Я приехала «в Инче».

Эта несколько загадочная фраза была, однако, встречена с полным пониманием. В давно ушедшие времена мистер Инч был владельцем двух экипажей, которые встречали поезда на местной станции, а также «вызывались» местными дамами, когда их требовалось отвезти на чаепитие к соседям, а порой, потакая фривольным потребностям дочерей, сопроводить их на танцы. С годами Инч, краснолицый весельчак семидесяти с лишком лет, уступил место сыну, известному как «молодой Инч» (тогда ему было сорок пять), хотя старый Инч продолжал возить тех пожилых дам, которые считали его сына слишком молодым и безответственным. Шагая в ногу со временем, молодой Инч сменил гужевой транспорт на автомобильный. Но в механизмах он был не очень силен, и настал час, когда дело Инчей перешло к некоему мистеру Бардуэллу. Но название фирмы – «Инч» – осталось. В один прекрасный день и мистер Бардуэлл передал бразды правления мистеру Робертсу, но

в телефонной книге официальное название осталось прежним – «Таксомоторы Инча». И пожилые обитательницы здешних краев, отправляясь в какой-нибудь вояж, по инерции говорили, что едут «в Инче», будто они были библейскими Ионами, а Инч был библейским китом.

2

– Приходил доктор Хейдок, – укоризненно доложила мисс Найт. – Я сказала ему, что вы отправились чаевничать к миссис Бэнтри. Он обещал заглянуть завтра.

Она помогла мисс Марпл освободиться от верхней одежды.

– А теперь, надо думать, мы устали, – побранила она мисс Марпл.

– Вы, может, и устали, – ответствовала мисс Марпл. – А я – нет.

– Устраивайтесь поуютнее у камина, – пригласила мисс Найт, как обычно не обращая на реплики хозяйки особого внимания. (То, что лопочут эти старушки, можно пропускать мимо ушей. Ублажать их – это самое главное.) А как нам понравится чашечка «овалтина»? Или «хорликса» для разнообразия?

Мисс Марпл поблагодарила и сказала, что предпочитает бокальчик сухого хереса. Лицо у мисс Найт вытянулось.

– Даже не знаю, что на это скажет доктор, – недовольно

заметила она, вернувшись с бокалом.

– Завтра утром обязательно его спросим, – пообещала мисс Марпл.

Наутро мисс Найт встретила доктора Хейдока в холле и стала что-то взволнованно ему нашептывать.

Пожилой доктор вошел в комнату, потирая руки – утро выдалось прохладное.

– А вот и доктор к нам пришел, – радостно сообщила мисс Найт. – Позвольте ваши перчатки, доктор?

– Ничего, и здесь будут хороши, – откликнулся Хейдок, легкомысленно бросая их на стол. – Пощипывает сегодня.

– Бокал хереса? – предложила мисс Марпл.

– Я тут слышал, вы пристрастились к спиртному. Пить в одиночку негоже.

Графин и бокалы уже стояли на маленьком столике возле мисс Марпл. Мисс Найт удалилась из комнаты.

Доктор Хейдок был старым и добрым другом. Он почти перестал практиковать, но своих давних пациентов навещал.

– Говорят, вы тут распадались, – сказал он, опустошив бокал. – Так, знаете ли, не пойдет, годы уже не те. Имейте в

виду. К тому же вы отказались вызывать Сэндфорда.

Сэндфорд был напарником Хейдока.

– Эта ваша мисс Найт все равно его вызвала – и совершенно правильно сделала.

– Да ничего со мной не случилось – синяк и легкое потрясение. Доктор Сэндфорд так и сказал. Вполне могла подождать, пока вы вернетесь.

– Поймите простую вещь, дорогая моя. Я ведь не вечный. А Сэндфорд, позвольте вам доложить, куда образованнее меня. Первоклассный доктор.

– Все молодые доктора одинаковые, – высказала свою точку зрения мисс Марпл. – Померяют тебе давление и, что бы с тобой ни было, прописывают гору новых таблеток, которые теперь шлепают на конвейере. Зато какой товарный вид! Розовые, желтые, коричневые. Медицина нынче как супермаркет – все в блестящей упаковочке.

– Вот пропишу вам пиявки да слабительное из александрийского листа да разотру вас камфорным маслом, тогда будете знать.

– Это я и сама делаю, когда кашель изгоняю, – не испугалась мисс Марпл. – И очень помогает.

– Нам не нравится стареть, вот и все объяснение, – мягко произнес Хейдок. – Лично я это дело ненавижу.

– Вы рядом со мной почти мальчик, – решила подбодрить его мисс Марпл. – А меня само старение не огорчает. Скорее огорчают связанные с ним проблемы.

– Кажется, я вас понимаю.

– Совершенно нельзя побыть одной! Выбраться в одиночку на прогулку – проблема! Даже вязанье – оно всегда было для меня такой отрадой, я ведь в этом деле настоящая мастерица. А сейчас все время петли пропускаю – и часто даже не замечаю этого.

Хейдок задумчиво посмотрел на нее. Потом подмигнул:

– Всегда можно зайти с противоположной стороны.

– В смысле?

– Не можете вязать – для разнообразия займитесь развязыванием. Пенелопа поступала именно так.

– Боюсь, у меня с ней мало общего.

– Но ведь развязывать сложные узлы вы умеете? – Он поднялся: – Мне пора. Знаете, что бы я вам прописал? Эдакое симпатичненькое, смачненькое убийство.

– Ну, это уж вы хватили!

– А что? Впрочем, увязать по пояс совсем не обязательно.

Вспомните старину Холмса. Меня всегда привлекала его методика. Увы, она отошла в прошлое. Но его самого будут помнить долго.

После ухода доктора в комнату не замедлила ворваться мисс Найт.

– Ну вот, – отметила она, – теперь мы заметно повеселели. Доктор рекомендовал тонизирующее средство?

– Он рекомендовал мне убийство – оно меня взбодрит.

– То есть хороший детективный роман?

– Нет, – ответила мисс Марпл. – Убийство настоящее.

– Господи! – воскликнула мисс Найт. – Да где же его взять, настоящее убийство? В наших тихих краях?

– Убить человека, – заметила мисс Марпл, – можно где угодно.

– Разве что в Новых Домах? – предположила мисс Найт. – Тамошние молодые пижоны наверняка ходят с ножами.

Но местом убийства, когда оно совершилось, стали не Новые Дома.

Глава 4

Миссис Бэнтри отступила на несколько шагов, оглядела себя в зеркало, чуть поправила шляпу (вообще-то шляпы

она носила крайне редко), натянула хорошие кожаные перчатки, вышла из своего жилища и тщательно заперла за собой дверь. Последние дни она жила в радостном предвкушении надвигающегося события. После ее разговора с мисс Марпл прошло около трех недель. Марина Грегг с мужем прибыли в Госсингтон-Холл и более или менее там обосновались.

Днем в этом доме собирались лица, которые готовили благотворительный прием в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна». Миссис Бэнтри не входила в состав организационного комитета, но получила записку от Марины Грегг с приглашением прийти на чай перед собранием. В записке упоминалась их встреча в Калифорнии, а подписана она была так: «С искренней симпатией, Марина Грегг». Текст был не отстукан на машинке, а написан от руки. Вполне естественно, миссис Бэнтри была обрадована и польщена. Как ни крути, а знаменитая кинозвезда – это знаменитая кинозвезда, а пожилые дамы, хоть и блестят на местном небосклоне, прекрасно знают, что в мире подлинных звезд они светят весьма тускло. Поэтому миссис Бэнтри напоминала сейчас ребенка, которому было уготовано нечто особенно приятное.

Миссис Бэнтри шла по подъездной дорожке, и ее проницательные глаза не пропускали ничего вокруг, отмечали все новое. Все здесь заметно посвежело и попышнело с тех пор, как дом переходил из рук в руки. «Да, – удовлетворенно пробурчала себе под нос миссис Бэнтри, – новые хозяева на ремонт не поскупились». С дорожки не был виден сад с цветочными клумбами, и этому миссис Бэнтри тоже

порадовалась. В те далекие дни, когда она жила в Госсингтон-Холле, сад с цветочным бордюром был предметом ее гордости. Ах, какие у нее росли ирисы! Лучших не было во всем графстве! Да, ей есть что вспомнить, есть чем гордиться.

Остановившись перед новой, блестевшей от свежей краски дверью, она нажала на кнопку звонка. Дверь, к удовольствию миссис Бэнтри, открылась в ту же секунду. На пороге стоял дворецкий, не иначе как из Италии. Он провел гостью прямо в комнату, когда-то служившую библиотекой полковнику Бэнтри. Ее, как уже знала миссис Бэнтри, объединили с кабинетом. Результат оказался впечатляющим. Стены были обшиты панелями, пол выстлан паркетом. В одном конце комнаты стояло шикарное фортепьяно, у стены разместился высококлассный стереопроигрыватель. Другой конец комнаты представлял собой небольшой остров – персидские ковры, чайный столик, несколько кресел. Возле столика сидела Марина Грегг, а у камина, облокотившись на полку, стоял мужчина… Кажется, большего уродства миссис Бэнтри не встречала… во всяком случае, таково было первое впечатление.

За минуту до того, как миссис Бэнтри поднесла руку к кнопке звонка, Марина Грегг мягко, однако же с энтузиазмом увещевала мужа:

– Этот дом – то, что мне нужно, Джинкс. То, что нужно. Именно этого мне всегда хотелось. Тишина. Английская тишина и английский сельский пейзаж. Я знаю, что смогу здесь жить хоть до конца дней своих. И жить мы будем на

английский манер. В пять часов – китайский чай из моего старинного сервиза. Будем смотреть из окна на эти лужайки и английский цветочный бордюр. Наконец-то я обрела дом, я это чувствую. Здесь я смогу бросить якорь, жить спокойно и счастливо. Это место станет моим домом. Так говорит мой внутренний голос. Домом.

И Джейсон Радд (жена звала его Джинкс) улыбнулся в ответ. Это была согласная, снисходительная улыбка, но в меру сдержанная, потому что все это он слышал не впервые. Может быть, на сей раз ее мечта сбудется? И именно здесь Марина Грегг обретет свой дом? Кто знает… ведь она такая восторженная… И поначалу всегда уверена: наконец она нашла то, что нужно. Низким голосом он произнес:

– Великолепно, милая. Просто великолепно. Я рад, что тебе здесь нравится.

– Нравится? Да я от этого дома в восторге. Ты ведь тоже?

– Конечно, – заверил ее Джейсон Радд. – Конечно.

«А что, – подумал он про себя, – дом и в самом деле неплох. Добротный, выстроен на века, эдакое уродище в викторианском стиле. Но добротность и надежность в нем чувствуются. Он, конечно, был фантастически неудобен, но это в основном удалось устранить, теперь жить здесь вполне можно. И совсем неплохо время от времени сюда возвращаться. Если повезет, Марине это место года два, а то и два с половиной не надоест. Тут как получится».

Марина с легким вздохом произнесла:

– Так прекрасно снова ощущать себя здоровой! Здоровой и сильной. Способной управляться со всеми житейскими проблемами.

Он снова поддержал ее:

– Конечно, милая, конечно.

В эту минуту дверь открылась, и итальянский дворецкий ввел миссис Бэнтри.

Марина Грегг приветствовала ее со всем очарованием, на какое была способна. Она вышла вперед, простерла руки, говоря, как счастлива снова видеть миссис Бэнтри. Надо же, чтобы так совпало: два года назад они случайно познакомились в Сан-Франциско, а теперь она и Джинкс купили дом, когда-то принадлежавший миссис Бэнтри! Она надеется, нет, правда, она очень надеется, что миссис Бэнтри не сильно огорчилась из-за того, как они все в доме перекроили и перестроили, уж пусть милейшая миссис Бэнтри не считает их злодеями, которые ворвались в ее дом.

– Что вы, более замечательного события, чем ваш приезд, в этом доме еще не случалось, – с радостной улыбкой сказала миссис Бэнтри, глядя в направлении камина.

Марина Грегг тут же спохватилась:

– Вы ведь с моим мужем не знакомы? Джейсон, это миссис Бэнтри.

Миссис Бэнтри не без интереса взглянула на Джейсона Радда. Кажется, первое впечатление – в жизни не видела более уродливого мужчины – ее не обмануло. До чего необычные у человека глаза! Как глубоко посажены! Пожалуй, такие ей не встречались. Глубокие недвижные озера – так могла бы написать о них какая-нибудь авторша дамских любовных романов. Остальные черты его лица были какие-то рубленые, почти до смешного непропорциональные. Нос вздернутый – кажется, вымажи его красной краской, и вот тебе, пожалуйста, нос клоуна. И рот клоунский – большой и грустный. То ли в нем сейчас клокотал гнев, то ли он всегда выглядит будто переполнен гневом – сразу не определишь. Но вот он заговорил, и голос оказался на удивление приятным. Низким и певучим.

– Мысль о муже, – сказал он, – всегда приходит в последнюю очередь. Но я готов присоединиться к словам жены: мы очень рады, что принимаем вас здесь. Надеюсь, у вас нет ощущения, что все должно быть наоборот.

– Если вы считаете, что выдворили меня из моего родного дома, – сказала миссис Бэнтри, – выбросьте это из головы. Этот дом никогда не был мне родным. Я не нарадуюсь, что в свое время сумела от него избавиться. До чего неудобно было вести хозяйство! Сад я любила, но дом причинял мне уйму хлопот. Я его продала и прекрасно себя чувствую, езжу за границу, навещаю моих замужних дочерей, внуков и подруг во всех частях земного шара.

– Дочерей… – повторила Марина Грегг. – У вас, наверное, и сыновья есть?

– Два сына и две дочери, – сообщила миссис Бэнтри. – И разбросало их по всему свету. Один сын в Кении, другой в Южной Африке. Одна дочка в Техасе, а другая, слава богу, в Лондоне.

– Четверо, – подытожила Марина Грегг. – Четверо… а внуки?

– Пока девять. Быть бабушкой – это так здорово, – похвасталась миссис Бэнтри. – Родительской ответственности нету и в помине. Можешь их баловать сколько душе угодно…

Джейсон Радд перебил ее.

– Боюсь, солнце светит вам прямо в глаза, – сказал он, подошел к окну и поправил занавески. Вернувшись, попросил: – Расскажите нам об этой замечательной деревне.

Он передал ей чашку чаю:

– Угощайтесь, пожалуйста, берите горячую лепешку, или бутерброд, или кусочек торта? У нас итальянская повариха, всякие пирожные и торты – ее стихия. Мы, знаете ли, уже привыкли чаевничать по-английски, в пять часов.

– Чай, кстати говоря, восхитительный, – похвалила миссис

Бэнтри, потягивая ароматный напиток.

Марина Грегг улыбнулась – кажется, вполне искренне. От Джейсона Радда не укрылось, что минуту назад ее пальцы стали нервно подергиваться, – теперь они успокоились. Миссис Бэнтри смотрела на хозяйку дома с неподдельным восхищением. Вершина славы Марины Грегг пришлась на пору, когда объем груди, талии и бедер еще не имел решающего значения. Никто не назвал бы ее «секс-бомбой», «несравненным бюстом», «королевскими бедрами». Она была изящной, стройной и гибкой. Овал лица и строение черепа вызывали в памяти образ Греты Гарбо. В свои фильмы она привнесла не просто секс, там чувствовалась личность. Внезапный поворот головы, взмах ресниц над очаровательными, загадочными глазами, легкое подрагивание губ – и зрители вдруг оказывались в плену очарования, и будоражили их вовсе не правильные черты лица, но некая магия плоти, застававшая их врасплох. Подобную магию она излучала и сейчас, хотя это не так бросалось в глаза. Как многие актрисы театра и кино, она умела отключать свой шарм, если того хотела. Могла уйти в себя, замкнуться, быть тихой или отстраненной, на горе восторженным поклонникам. И вдруг – поворот головы, неуловимый жест, внезапная улыбка – и магия снова пленила вас.

Одной из ее лучших работ в кино была «Мария, королева Шотландии», и, наблюдая сейчас за Мариной Грегг, миссис Бэнтри вспомнила именно эту ее роль. Потом перевела взгляд на мужа Марины. Он тоже смотрел на актрису. Он забыл, что за ним могут наблюдать, и его лицо ясно отражало его чувства. «Господи, – пробормотала про себя

миссис Бэнтри, – да он ее обожает!»

Почему это так ее удивляет? Да все просто: пресса так расписывает и обсасывает романы кинозвезд, их преданность друг другу, что поражаешься, когда видишь нечто подобное своими глазами. Движимая импульсом, она произнесла:

– Я очень надеюсь, что вам здесь понравится и на какое-то время вы здесь останетесь. Рассчитываете обосноваться в Госсингтон-Холле надолго?

Марина повернула голову и широко распахнула глаза от удивления.

– Я хочу остаться здесь навсегда, – сказала она. – Разумеется, я буду часто уезжать. Это естественно. В следующем году, например, мне предстоят съемки на севере Африки, хотя это еще не решено. Но мой дом будет здесь. И возвращаться я буду сюда. Возвращаться буду только сюда. – Она вздохнула. – И это прекрасно. Наконец-то обрести настоящий дом, куда тебя тянет словно магнитом.

– Понимаю, – сказала миссис Бэнтри, хотя сильно усомнилась в словах актрисы. Вряд ли такое возможно. Есть люди, которым стать на якорь просто не суждено. Эта Марина Грегг как раз такая.

Миссис Бэнтри снова украдкой бросила взгляд на Джейсона Радда. Сейчас он не хмурился. Нет, он улыбался, улыбка эта была очень милой, и неожиданной, и в то же время

грустной. Видно, и он знает, что Марина заблуждается.

Открылась дверь, и в комнату вошла женщина.

– Бартлетты просят вас к телефону, Джейсон, – сообщила она.

– Пусть перезвонят.

– Они говорят, что-то срочное.

Он вздохнул и поднялся.

– Позвольте познакомить вас с миссис Бэнтри, – представил он. – Элла Зелински, моя секретарша.

– Выпейте чашку чаю, Элла, – пригласила Марина, когда Элла Зелински кивнула гостье и с улыбкой пробормотала дежурное: «Рада с вами познакомиться».

– Бутерброд, пожалуй, съем, – сказала Элла. – А китайский чай – без меня.

Элла Зелински выглядела лет на тридцать пять. На ней были хорошо сшитый костюм, гофрированная блузка, эта женщина явно была уверена в себе. Коротко подстриженные черные волосы открывали широкий лоб.

– Я слышала, вы здесь жили, – обратилась она к миссис Бэнтри.

– С тех пор много воды утекло, – ответила та. – Я продала дом после смерти мужа, а потом тут сменилось несколько хозяев.

– Миссис Бэнтри вполне по душе все, что мы тут понатворили, – объявила Марина.

– Я была бы очень разочарована, если бы вы ничего здесь не поменяли! – воскликнула миссис Бэнтри. – Я ведь вся извелась от любопытства – как тут теперь и что. Вы даже не представляете, какие слухи ходят по деревне.

– Понятия не имела, что в этой стране так трудно заполучить водопроводчиков, – сказала мисс Зелински, по-деловому вгрызаясь в бутерброд. – Правда, я не очень этим занималась, – добавила она.

– Будет вам, Элла, – не согласилась Марина. – Вы занимались всем. И персоналом, и всей сантехникой, и спорами со строителями.

– Об окнах во всю стену в этой стране будто и слыхом не слыхивали. – Элла взглянула на окно: – Но вид, надо сказать, отменный.

– Типично английский сельский пейзаж, просто прелесть, старая добрая Англия, – восхитилась Марина. – И атмосфера в доме соответствующая.

– Спасибо деревьям, а то пейзаж не был бы таким сельским, – заметила Элла Зелински. – Вон там жилой массив

разрастается прямо на глазах.

– В мои времена его не было, – сказала миссис Бэнтри.

– То есть, когда вы жили в этом доме, тут была только деревня?

Миссис Бэнтри кивнула.

– Наверное, было трудно с магазинами?

– Не сказала бы, – возразила миссис Бэнтри. – Скорее до обидного легко.

– Разводить цветы – это я понимаю, – продолжала мисс Зелински. – Но вы здесь заодно и все овощи выращиваете. Не проще ли их покупать? Разве тут нет супермаркета?

– Может, в конце концов и перейдем на магазинные овощи, – миссис Бэнтри вздохнула: – Только у них вкус совсем другой.

– Уж пусть, Элла, все останется как было, – вставила Марина. – К чему разрушать атмосферу?

Дверь открылась, и в комнату заглянул Джейсон.

– Дорогая, – обратился он к Марине. – Извини, но придется тебе отвлечься. Их интересует твоя личная точка зрения.

Марина вздохнула и поднялась. Лениво поплелась к две-

ри.

– Не одно, так другое, – пробурчала она. – Ради бога, простите, миссис Бэнтри. Это на пару минут, не больше.

– Атмосфера, – повторила Элла Зелински, когда Марина вышла и закрыла за собой дверь. – Вы считаете, у этого дома есть своя атмосфера?

– Не знаю, никогда об этом не думала, – сказала миссис Бэнтри. – Для меня это был просто дом. В чем-то очень неудобный, в чем-то очень милый и уютный.

– Примерно так я и полагала, – проговорила Элла Зелински. Она в упор посмотрела на миссис Бэнтри. – Кстати, об атмосфере… Где именно здесь произошло убийство?

– Здесь никакого убийства не было, – возразила миссис Бэнтри.

– Будет вам. Слухами земля полнится. Всегда найдется желающий рассказать, миссис Бэнтри. Прямо здесь, на каминном коврике, верно? – мисс Зелински кивнула в сторону камина.

– Да, – подтвердила миссис Бэнтри. – Здесь.

– Так убийство все-таки было?

Миссис Бэнтри покачала головой:

– Было, но не здесь. Девушку убили в другом месте, притащили сюда и положили в эту комнату. К нам она не имела никакого отношения.

В глазах мисс Зелински мелькнул интерес.

– Наверное, мало кто хотел в это верить? – спросила она.

– Вы правы, – согласилась миссис Бэнтри.

– И когда вы нашли тело?

– Утром пришла горничная. К утреннему чаю. Мы тогда, знаете ли, держали горничных.

– Знаю, – подтвердила мисс Зелински. – Они носили шуршащие ситцевые платья.

– Насчет ситцевых платьев не уверена, – усомнилась миссис Бэнтри. – Возможно, тогда уже носили комбинезоны. Так или иначе, она влетела к нам и закричала, что в библиотеке кто-то лежит. Я сказала: «Что за чушь», потом разбудила мужа, и мы пошли вниз посмотреть.

– И она лежала там, – заключила мисс Зелински. – Чего только в жизни не бывает! – Она метнула взгляд на дверь, потом снова посмотрела на миссис Бэнтри. – Если можно, не рассказывайте об этом мисс Грегг, – попросила она. – Ей такие истории не на пользу.

– Конечно. Не скажу ни слова, – пообещала миссис Бэнт-

ри. – Я об этом вообще никогда не говорю. Это ведь было так давно. Но она… то есть мисс Грегг… все равно об этом услышит?

– Совсем необязательно. Вы, наверное, знаете, что кинозвезды ведут очень замкнутый образ жизни. Иногда без этого просто нельзя. Их так легко вывести из равновесия. И ее в частности. Она ведь последнее время серьезно болела. Где-то год назад начала более или менее приходить в себя.

– Похоже, дом ей нравится, – сказала миссис Бэнтри. – И она надеется найти здесь счастье.

– На год или два ее хватит, – сказала Элла Зелински.

– Не больше?

– Сомневаюсь. Знаете, Марина из тех, кому каждый раз кажется: вот наконец-то я нашла то, что мне по сердцу. Но жизнь куда сложнее, верно?

– Верно. Куда сложнее.

– Если она будет здесь счастлива, это и на нем отразится, – добавила мисс Зелински. Она сосредоточенно, даже целеустремленно проглотила еще два бутерброда – так запихивают в себя пищу люди, которые страшно боятся опоздать на поезд. – Он, между прочим, гениальный режиссер. Вы какие-нибудь его фильмы видели?

Миссис Бэнтри смутилась. Она относилась к типу женщин, которых в кино интересует только сам фильм, и не более. Длинные списки действующих лиц, режиссеров, продюсеров, операторов и прочих всегда ускользали от ее внимания. Частенько она пропускала даже фамилии кинозвезд. Однако признаться в этой слабости большого желания у нее не было.

– У меня в голове настоящая каша, – пожаловалась она.

– Ему, конечно, со многим приходится мириться. И с ее фокусами в том числе, а это ох как не просто. Она все время должна быть счастлива. А это совсем непросто – сделать человека счастливым. Разве что… то есть… если этот человек… – Она заколебалась.

– Разве что этот человек умеет быть счастливым сам по себе, – докончила миссис Бэнтри. – А есть люди, – добавила она, – которые упиваются собственным несчастьем.

– Ну, Марина не из таких. – Элла Зелински покачала головой. – Скорее у нее перепады настроения слишком бурные. Понимаете, вот она безмерно счастлива, безмерно всем довольна, от всего на свете в восторге – прямо седьмое небо! А потом случается какая-то мелочь – и она впадает в другую крайность.

– Наверное, тут дело в темпераменте, – неопределенно высказалась миссис Бэнтри.

– Да. Эта публика вся с темпераментом, но у Марины Грегг

его на десятерых! Уж мы это знаем! Я могла бы вам такого порассказать! – Она проглотила последний бутерброд. – Слава богу, я всего-навсего личный секретарь!

Глава 5

На прием в Госсингтон-Холле в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна» собралось неслыханно много народу. Входная плата составляла шиллинг, и горка монет росла на глазах, набиралась изрядная сумма. Свою роль сыграла погода: стоял прекрасный день, солнечный и ясный. Но главная притягательная сила праздника заключалась в другом. Местные жители сгорали от любопытства – во что же эти киношники превратили Госсингтон-Холл? Вынашивались самые экстравагантные предположения. В неописуемый восторг всех привел бассейн. Голливудские кинозвезды в представлении большинства обывателей обязательно загорают у кромки бассейна на фоне экзотического пейзажа и в экзотическом обществе. Никто не принимал во внимание, что климат Голливуда более подходит для плавательных бассейнов, нежели климат деревни Сент-Мэри-Мид. Ведь летом в Англии выдается одна по-настоящему жаркая неделя, один день, по поводу которого в воскресных газетах публикуются статьи типа: «Как хранить хладнокровие», «Как остыть к ужину» и «Как приготовить прохладительные напитки». Бассейн оказался именно таким, каким все его себе и представляли. Он был большой, наполненный до краев голубой водой, со слегка экзотическим павильоном для переодевания, а вокруг тянулась живая изгородь из кустарника, ухоженного до ненатуральности. Реакция местных обывателей также соответствовала ожидаемой и проявлялась в многообраз-

ных репликах.

– А-ах, какая прелесть!

– Да-а, тут есть где поплескаться!

– Я как-то на курорте точно такой видела!

– Это уже не просто роскошь, а прямо разврат какой-то. Кто только такое разрешает?

– Посмотрите на этот мрамор! Какая отделка! Представляете, сколько денег сюда вбухали!

– Думают, им все дозволено. Приехали сюда швыряться деньгами.

– Наверное, всю эту красотищу еще по телевизору покажут. Вот будет здорово!

Даже старейший житель деревни Сент-Мэри-Мид, мистер Сэмпсон, повсеместно хваставший, что ему девяносто шесть лет, хотя его родственники утверждали, что ему всего восемьдесят восемь, – даже он притащился на своих ревматических ногах, с палкой, чтобы поучаствовать во всеобщем ликовании. Увиденное он оценил по высшему разряду.

– Вот это разврат! – Он причмокнул губами, как бы предвкушая удовольствие. – Ну-у, здесь поразвратничают на славу! Дамочки с кавалерами голяком будут сидеть, коктей-

ли попивать да, как пишут в газетах, сигаретки с начинкой покуривать! Точно так все и будет. Да, да, – подтвердил мистер Сэмпсон, трясясь от удовольствия. – Поразвратничают на славу!

Итак, печать одобрения была поставлена. За дополнительный шиллинг позволялось войти в дом и обследовать новую музыкальную комнату, гостиную, переделанную до неузнаваемости залу – темный дуб и испанская кожа – и прочие восхитительные помещения.

– В жизни не скажешь, что когда-то это был Госсингтон-Холл, верно? – прокомментировала невестка мистера Сэмпсона.

Миссис Бэнтри заметно припозднилась и теперь с удовольствием наблюдала за тем, как пополняется касса. От гостей просто не было отбоя.

Большой шатер, где подавали чай, был битком набит людьми. Наверное, подумала миссис Бэнтри, блюда со сдобными булочками и кексами пускают по кругу. Но нет, угощением заправляли какие-то деловитые женщины. Миссис Бэнтри прямиком направилась к цветочному бордюру и стала ревностно его разглядывать. Что ж, денег на него не пожалели, это хорошо, бордюр получился что надо, цветы подобраны со вкусом, да и сорта все не дешевые. Наверняка здесь трудился не какой-то любитель-одиночка. Явно работала по контракту приличная садовая фирма. Ей, скорее всего, предоставили полную свободу действий, да и погода не подвела, вот люди и поработали от души.

Она осмотрелась: чем-то все происходящее напоминало прием на открытом воздухе в Букингемском дворце. Все тянули шеи – ничего не пропустить, – а время от времени особо приближенных из числа гостей проводили куда-то внутрь, в святая святых этого лучившегося роскошью дома. Вскоре и к ней подошел подтянутый молодой человек с длинными волнистыми волосами.

– Миссис Бэнтри? Вы миссис Бэнтри?

– Да.

– Хейли Престон. – Он пожал ей руку. – Я работаю у мистера Радда. Не подниметесь ли на второй этаж? Кое-кого из гостей мистер и миссис Радд приглашают туда.

Весьма польщенная, миссис Бэнтри проследовала за ним. Они прошли через дверь, в ее времена называвшуюся садовой. У основания главной лестницы была натянута красная лента – вход воспрещен. Хейли Престон отцепил ее и пропустил миссис Бэнтри вперед. Тут же она увидела члена местного совета и миссис Олкок. Последняя, пышнотелая женщина, явно страдала одышкой.

– Они здесь просто чудо сотворили, да, миссис Бэнтри? – пропыхтела миссис Олкок. – Хотелось бы, признаться, посмотреть на туалетные комнаты, но едва ли удастся, – добавила она с сожалением.

У вершины лестницы особо избранных встречали Марина

Грегг и Джейсон Радд. Дабы расширить площадку и превратить ее в своего рода салон, подверглась уничтожению гостевая спальня. Дворецкий Джузеппе ведал напитками.

Дородный мужчина в ливрее объявлял о прибытии гостей.

– Мистер Олкок – член местного совета, и миссис Олкок, – прогремел он.

Марина Грегг полностью отвечала характеристике, какую дала ей миссис Бэнтри в разговоре с мисс Марпл: сама естественность, само очарование. Миссис Бэнтри представила, как миссис Олкок будет восторженно пыхтеть: «Надо же, такая знаменитая, а сама – ну просто дитя природы!»

– Очень рада, что вы пришли, миссис Олкок, и вы, мистер Олкок. Надеемся, вы хорошо проведете здесь время. Джейсон, пожалуйста, займи миссис Олкок.

И она грациозно сбыла с рук чету Олкоков, передала их на попечение Джейсона и напитков.

– О-о, миссис Бэнтри, вам я особенно рада.

– Ни на что не променяла бы такое удовольствие, – призналась миссис Бэнтри и решительно направилась к стойке с мартини.

Молодой человек по имени Хейли Престон с подчеркнутой вежливостью обслужил ее и удалился, на ходу загля-

дывая в маленький список – наверняка отправился за новой партией избранных, кому разрешен доступ к высоким особам. Что ж, подумала миссис Бэнтри, организовано все лучше некуда. Поигрывая бокалом мартини, она смотрела – кто же появится еще? Появился викарий, худощавый аскет неопределенной внешности, видно было, что он слегка ошарашен. Волнуясь, он обратился к Марине Грегг:

– Очень тронут, что вы меня пригласили. Телевизора у меня, правда, нет, но я, конечно… вернее, моя молодежь держит меня в курсе дела.

Никто не понял, что он имел в виду. Мисс Зелински, также находившаяся при исполнении, налила ему бокал лимонада, светясь при этом добрейшей улыбкой. Следующими на ступенях появились мистер и миссис Бэдкок. Хитер Бэдкок, раскрасневшаяся и сияющая от счастья, чуть опередила своего мужа.

– Мистер и миссис Бэдкок, – прогремел человек в ливрее.

– Миссис Бэдкок, – викарий, держа бокал лимонада, полуобернулся, – это неутомимая труженица, секретарь нашей ассоциации. Таких работников у нас раз-два и обчелся. Боюсь, в Святом Иоанне без нее все бы остановилось.

– Уверена, это не просто лесть, – сказала Марина.

– Вы меня не помните? – не без игривости спросила Хитер. – Ну, это неудивительно, вокруг вас столько людей вьется. И вообще столько лет прошло. А дело было знаете где? На

Бермудах. Я была там с одним из подразделений нашей службы. Ой, сколько времени прошло!

– Да, конечно, – лучезарно улыбаясь, согласилась Марина Грегг.

– А я помню все, до мельчайших подробностей, – заявила миссис Бэдкок. – Я была в таком восторге, просто с ума сойти. Простая девчонка, что с меня взять? И вдруг такое счастье – своими глазами увидеть Марину Грегг! Я всегда была вашей безумной поклонницей.

– Спасибо на добром слове, большое спасибо, – мягко поблагодарила Марина, а взгляд ее уже начинал блуждать где-то над плечом Хитер – кто там следующий?

– Не хочу вас задерживать, – тараторила Хитер, – но я обязательно должна…

Бедная Марина Грегг, искренне пожалела ее миссис Бэнтри. Ведь, наверное, на нее вот так набрасываются постоянно! Какое терпение надо иметь!

Хитер между тем была полна решимости довести свой рассказ до конца.

У плеча миссис Бэнтри тяжело задышала миссис Олкок:

– Ай-ай-ай, как они тут все перестроили! Сама бы не увидела – нипочем бы не поверила! Ведь это какие деньги…

– …вообще-то больной я себя не чувствовала… и решила, что я просто должна…

– Это водка, – миссис Олкок с подозрением изучала содержимое своего бокала. – Мистер Радд предложил попробовать. Уж больно по-русски звучит. Не очень-то она мне нравится..

– …и сказала себе: ну нет, ни за что не сдамся! Напудрилась как следует, нарумянилась…

– А если я ее куда-нибудь поставлю? Или неудобно? – В голосе миссис Олкок слышалось отчаяние.

Миссис Бэнтри с добродушной улыбкой успокоила ее:

– Удобно. Водку вообще-то пьют залпом… – На лице миссис Олкок отразился испуг. – Но для этого нужна практика. Поставьте ее на стол и возьмите с подноса дворецкого мартини.

Она повернулась и услышала заключительную реплику торжествующей Хитер Бэдкок:

– До сих пор помню, как прекрасны вы были в тот день. Я сто раз была права, что рискнула.

Реакция Марины на сей раз не была автоматической. Ее взгляд, бродивший над плечом Хитер Бэдкок, вдруг словно застыл, вперившись в стену где-то посреди лестницы. Она на что-то смотрела не отрывая глаз, и в ее взгляде было

нечто настолько жуткое, что миссис Бэнтри даже подалась вперед. Неужели Марина Грегг вот-вот упадет в обморок? Что она могла там увидеть, что ее так заворожило? Но не успела миссис Бэнтри приблизиться к Марине, та уже пришла в себя. Взгляд ее, туманный и расфокусированный, снова вернулся к Хитер, снова, хотя и машинально, вернулись чарующие манеры.

– Какая милая история. Ну ладно, что будете пить? Джейсон! Коктейль?

– Ну, обычно я пью лимонад или апельсиновый сок.

– Нет уж, выпейте чего-нибудь получше, – предложила Марина. – Все-таки сегодня праздник.

– Рекомендую вам американский коктейль дайкири. – Это появился Джейсон, неся два бокала. – Марина его обожает.

Один бокал он передал жене.

– Мне, наверное, не стоит, – усомнилась Марина. – Уже три выпила. – Но бокал взяла.

Взяла напиток у Джейсона и Хитер. Марина отвернулась, чтобы встретить следующего гостя.

– Идемте посмотрим туалетные комнаты, – предложила миссис Бэнтри, обращаясь к миссис Олкок.

– Ой, вы думаете, это удобно? Хозяевам это не покажется бесцеремонным?

– Уверена, что не покажется. – Она повернулась к Джейсону Радду: – Мы хотели бы, мистер Радд, оценить ваши чудесные новые туалетные комнаты. Хочется удовлетворить чисто бытовое любопытство.

– Ради бога, – с усмешкой согласился Джейсон. – Туалеты к вашим услугам, девочки, развлекайтесь. Можете даже принять ванну.

Миссис Олкок проследовала за миссис Бэнтри по коридору:

– Вы так любезны, миссис Бэнтри, так любезны. Я сама ни за что бы не осмелилась.

– Хочешь чего-то добиться – надо быть посмелее, – ответствовала миссис Бэнтри.

Они пошли по коридору, открывая одну дверь за другой. Миссис Олкок и еще две женщины, присоединившиеся к ним, принялись охать и ахать.

– Мне нравится розовая комната! – восклицала миссис Олкок. – Я вообще розовый цвет люблю.

– А мне та, где на плитке нарисованы дельфины, – высказывалась другая женщина.

Миссис Бэнтри изображала из себя хозяйку и прямо-таки вошла в роль. На мгновение она даже забыла, что этот дом ей давно не принадлежит.

– И везде – душ! – восхищалась миссис Олкок. – Нет, вообще я к душу отношусь спокойно. Только и думай, как бы волосы не промочить.

– Вот бы еще в спальни заглянуть, хоть одним глазком, – мечтательно произнесла еще одна их спутница. – Но это, наверное, будет уж чересчур. Как вы считаете?

– Пожалуй, лучше не стоит, – подала голос миссис Олкок.

Обе с надеждой посмотрели на миссис Бэнтри.

– Да, действительно, лучше не… – Тут миссис Бэнтри стало их жалко. – Впрочем, если только одним глазком… никто ведь не узнает. – И она взялась за дверную ручку.

Но кто-то оказался весьма предусмотрительным. Двери в спальни были заперты. Дамы были сильно разочарованы.

– Что ж, они ведь имеют право на личную жизнь, – попыталась утешить спутниц миссис Бэнтри.

Они пошли обратно по коридору. Миссис Бэнтри глянула в окно, выходившее на площадку лестницы. Внизу она заметила миссис Миви (из Новых Домов) – в гофрированном платье из кисеи та была просто неотразима. С ней была Черри, которая приходит к мисс Марпл… а вот фамилия

почему-то выскочила из головы. Обе были в прекрасном расположении духа, смеялись и о чем-то разговаривали.

А ведь дом-то совсем старый, отживший свой век, весь какой-то искусственный. Да, его выкрасили сверкающей краской, освежили и подновили, но все равно это была тяжело скрипевшая викторианская усадьба. «Правильно я сделала, – подумала миссис Бэнтри, – что выехала отсюда. Дома, они как все в этой жизни. Их время тоже проходит. Этот дом свое отжил. Его подновили, но моложе от этого он не стал».

Внезапно ей показалось, что гул голосов усилился. Дамы, что шли рядом, ускорили шаги.

– Что случилось? – спросила одна из них. – Похоже, что-то случилось.

Тут из-за угла со стороны лестницы появилась Элла Зелински и торопливо зашагала им навстречу. Пройдя мимо, она попыталась открыть дверь в одну из спален и тут же сообразила:

– Ах черт! Конечно, все двери заперты.

– Что-то случилось? – спросила миссис Бэнтри.

– Одной женщине стало плохо, – бросила мисс Зелински.

– Господи, вот несчастье. Чем-нибудь помочь?

– Может, среди гостей есть доктор?

– Местных докторов я не заметила, – сказала миссис Бэнтри. – Но хоть один есть наверняка.

– Джейсон вызывает «Скорую», – сообщила Элла Зелински. – Вид у нее совсем никуда.

– У кого? – спросила миссис Бэнтри.

– У некой миссис Бэдкок, так, кажется.

– Хитер Бэдкок? Но она только что была вполне здорова.

– С ней случился какой-то приступ, – нетерпеливо пояснила Элла Зелински. – Не знаете, может, она сердечница?

– Я с ней почти не знакома, – ответила миссис Бэнтри. – Она здесь относительно недавно. Живет в Новых Домах.

– Где это? А-а, поняла, новый жилой массив. Даже не представляю, где ее муж и как он выглядит.

– Средних лет, светловолосый, тихий такой человек, – описала миссис Бэнтри. – Они пришли вместе, так что он где-то здесь.

Элла Зелински вошла в туалетную комнату.

– Даже не знаю, что ей дать, – засомневалась она. – Может, нюхательную соль?

– У нее обморок? – спросила миссис Бэнтри.

– Нет, что-то серьезнее.

– Попробую чем-нибудь помочь, – сказала миссис Бэнтри.

Она повернулась и решительно зашагала к лестнице. Свернув за угол, она едва не столкнулась с Джейсоном Раддом.

– Вы не видели Эллу? – спросил он. – Эллу Зелински?

– Она в одной из туалетных комнат. Ищет какое-нибудь лекарство. Нюхательную соль или еще что.

– Уже не требуется, – пробормотал Джейсон Радд.

Что-то в его тоне заставило миссис Бэнтри вздрогнуть. Она вскинула голову.

– Так плохо? – спросила она. – Совсем плохо?

– Да, совсем, – ответил Джейсон Радд. – Эта несчастная умерла.

– Умерла? – переспросила ошеломленная миссис Бэнтри. И сказала, процитировав себя самое: – Но она только что была вполне здорова.

– Я знаю. Знаю, – откликнулся Джейсон. На лицо его наползли тучи. – Ну надо же!

Глава 6

1

– Ну вот, – сказала мисс Найт, ставя поднос с завтраком на столик возле мисс Марпл. – Как мы себя сегодня чувствуем? Вижу, у нас уже и шторы раздвинуты? – добавила она с легким неодобрением.

– Я просыпаюсь рано, – сообщила мисс Марпл. – Доживете до моих лет – тоже, наверное, ко сну охладеете.

– Звонила миссис Бэнтри, – доложила мисс Найт, – с полчаса тому. Хотела с вами поговорить, но я сказала, пусть перезвонит, когда вы позавтракаете. Я не хотела вас беспокоить, вы даже чашки чаю не выпили.

– Когда звонят мои подруги, я предпочитаю, чтобы меня ставили в известность, – проворчала мисс Марпл.

– Я, конечно, извиняюсь, – попросила прощения мисс Найт, – но этот звонок показался мне несколько беспардонным. Выпьете свою чашечку чаю, съедите свое вареное яичко и тост с маслом, тогда и поглядим.

– Полчаса назад… – задумчиво протянула мисс Марпл. – Сколько же это было… Минуточку… восемь часов.

– Я и говорю, что рановато, – еще раз подчеркнула мисс Найт.

– Тем более миссис Бэнтри не стала бы звонить так рано без серьезной причины, – возразила мисс Марпл. – У нее нет привычки звонить в такую рань.

– Ладно, дорогая, что мы будем забивать этим нашу головку? – нежно проворковала мисс Найт. – Она наверняка вскорости позвонит. Или, хотите, я ей сейчас сама позвоню?

– Нет, спасибо, – отказалась мисс Марпл. – Свой завтрак я предпочитаю есть в горячем виде.

– Надеюсь, я ничего не забыла, – бодро заключила мисс Найт.

И вправду, она не забыла ничего. Чай был заварен прекрасно, яйцо варилось ровно три и три четверти минуты, тост пропечен равномерно, масло лежало на блюдечке симпатичным кружочком, а рядом примостился кувшинчик с медом. Что говорить, во многих отношениях мисс Найт была настоящим сокровищем. Мисс Марпл позавтракала с истинным удовольствием. Вскоре она услышала – внизу заурчал пылесос. Значит, пришла Черри.

Звонкий мелодичный голос, состязаясь с урчащим пылесосом, напевал какую-то популярную мелодию. Мисс Найт, вошедшая за подносом, только покачала головой:

– Не нравится мне, что эта дамочка распевает на весь дом. Как-то это непочтительно.

Мисс Марпл чуть улыбнулась.

– Черри и в голову не приходит, что она должна вести себя почтительно, – заметила она. – И правда, с какой стати?

Мисс Найт презрительно фыркнула и сказала:

– Раньше все было иначе.

– Естественно, – согласилась мисс Марпл. – Времена меняются. От этого никуда не деться. – После паузы она добавила: – Пожалуйста, позвоните миссис Бэнтри и узнайте, чего она хотела.

Мисс Найт поспешно удалилась. Через минуту раздался стук в дверь, и на пороге возникла Черри. Румяная, сияющая, она была на диво хороша. Поверх темно-синего платья был повязан пластиковый передник, разрисованный лихими морячками и всякими морскими символами.

– У вас прекрасная прическа, – отпустила комплимент мисс Марпл.

– Вчера сделала завивку, – сообщила Черри. – Пока волосы немного жесткие, но все будет в норме. Зашла спросить: вы новость слышали?

– Какую?

– Насчет того, что вчера случилось в Госсингтон-Холле.

Знаете, наверное, там вчера устроили большую гулянку в пользу «Службы скорой помощи Святого Иоанна»?

Мисс Марпл кивнула.

– И что же? – спросила она.

– В разгар вечера умерла женщина. Некая миссис Бэдкок. Живет совсем рядом с нами, за углом. Вы-то вряд ли ее знаете.

– Миссис Бэдкок? – мисс Марпл насторожилась. – Представьте, я ее знаю. Кажется… да, да, это она… вышла и помогла мне подняться, когда я однажды упала. Она была очень добра.

– Ну-у, доброты Хитер Бэдкок не занимать, – подтвердила Черри. – Некоторые даже говорят, от ее доброты иногда охота спрятаться. Уж слишком выходит назойливо. В общем, р-раз – и померла на ровном месте. Была и нету.

– Умерла? Но от чего?

– Да кто ж ее знает? – Черри пожала плечами. – Ее пригласили в дом, потому что она была в этой службе секретарем, кажется. Ее, мэра, еще несколько человек. Насколько я знаю, она выпила бокал, а через пять минут ей стало плохо, никто толком не успел понять, в чем дело, как она приказала долго жить.

– Какие ужасные вещи случаются на этом свете, – сказала

мисс Марпл. – Она была сердечница?

– Наоборот, говорят, была здоровее некуда, – ответила Черри. – А там кто знает? Бывает, у тебя сердчишко барахлит, а никто про это и не догадывается. Во всяком случае, повезли ее не домой – это факт.

Мисс Марпл озадаченно посмотрела на нее:

– Что значит «не домой»?

– Ну, тело, – не моргнув глазом, объяснила Черри. – Доктор сказал, надо делать вскрытие. Аутопсия – как там это называется? Она, мол, никогда к нему не обращалась, и причина смерти совершенно неясна. Занятно, – заключила она.

– Что же тут занятного? – удивилась мисс Марпл.

– Ну, как? – Черри задумалась. – То и занятно, будто он чего-то не договорил.

– Для ее мужа это, наверное, страшный удар?

– Стоял белый как полотно. В жизни не видела, чтобы мужчина был так потрясен, точно говорю.

Слух мисс Марпл всегда умел выделять тончайшие нюансы, и сейчас она навострила уши, по-птичьи склонив голову набок.

– Он был ей так предан?

– Он ее слушался, во всем ей уступал, – сказала Черри. – Но это совсем не значит, что ты – преданный муж, верно? Например, у тебя просто нет силы духа, чтобы настоять на своем.

– Вам она не нравилась? – спросила мисс Марпл.

– Я ее толком и не знаю, – уклонилась от прямого ответа Черри. – Вернее, не знала. Не сказать, что она мне противна… была противна. Просто не в моем вкусе. Уж слишком назойливая.

– В смысле любопытная, всюду сует свой нос?

– Как раз нет, – не согласилась Черри. – Ничего подобного. Она была женщиной очень доброй, всегда все делала для людей. И никогда ни в чем не сомневалась, всегда знала лучше других, что им надо. А что про это думали они сами, ее не волновало. У меня тетка была такая. Обожала булки с тмином, так она пекла их и для других и всех угощала, ей и в голову не приходило спросить: вдруг тмин кто-то не любит? Некоторые даже запаха тмина не выносят. Короче, Хитер Бэдкок тоже была из таких.

– Да, – задумчиво произнесла мисс Марпл. – Наверное. Я таких людей встречала. Они, – добавила она, – живут довольно опасной жизнью, хотя и не подозревают об этом.

Черри уставилась на нее:

– Это вы что-то занятное сказали. Я даже не поняла.

В комнату ворвалась мисс Найт.

– Миссис Бэнтри, видимо, куда-то вышла, – доложила она. – А куда – неизвестно.

– Думаю, как раз известно, – возразила мисс Марпл. – Она отправилась сюда. Буду вставать.

2

Едва мисс Марпл обосновалась в своем любимом кресле около окна, явилась миссис Бэнтри. Она слегка запыхалась.

– Мне нужно многое вам рассказать, Джейн.

– Насчет приема? – спросила мисс Найт. – Вы были вчера на приеме, да? Я и сама заглянула туда ненадолго, днем. В чайной палатке яблоку негде было упасть. Народищу собралось – жуть! А вот на Марину Грегг поглядеть не удалось, это, конечно, обидно. – Она смела со стола невидимую пылинку, бодро заявила: – Вы, конечно, хотите немножко посплетничать. – И вышла из комнаты.

– По-моему, она ничего не знает, – сказала миссис Бэнтри. Долгим, испытующим взглядом она посмотрела на подругу: – Зато, как я понимаю, знаете вы, Джейн.

– Про вчерашнюю смерть?

– Вам всегда все известно, – поразилась миссис Бэнтри. – Но откуда, ума не приложу.

– Полно вам, дорогая моя. Откуда всем все становится известно? Рассказала моя поденщица, Черри Бейкер. А мясник, наверное, сейчас просвещает мисс Найт.

– И что вы об этом думаете? – спросила миссис Бэнтри.

– О чем?

– Перестаньте, Джейн, вы прекрасно меня понимаете. Эта женщина, как ее звали…

– Хитер Бэдкок.

– Она приезжает на прием полная жизни, в отличном настроении. Я это видела своими глазами. А через четверть часа садится на стул, говорит, что ей нездоровится, хватает ртом воздух и умирает. Что вы думаете об этом?

– Ну, с выводами спешить не стоит, – сказала мисс Марпл. – Хотелось бы знать, что об этом думает врач.

Миссис Бэнтри кивнула.

– Будет дознание и вскрытие, – сообщила она. – Из этого уже ясно, что они об этом думают, правда?

– Не обязательно. Внезапно заболеть и скончаться может

любой – для того и вскрытие, чтобы определить причину смерти.

– Нет, здесь нечто большее, – сказала миссис Бэнтри.

– С чего вы взяли?

– Доктор Сэндфорд, вернувшись домой, позвонил в полицию.

– Кто вам это сказал? – с живейшим интересом спросила мисс Марпл.

– Старый Бриггс. Вернее, мне он об этом не сказал. Вы ведь знаете, под вечер он заглядывает к доктору Сэндфорду навести порядок в его саду, так вот, он что-то там стриг неподалеку от окна кабинета и слышал, как доктор звонил в полицейский участок в Мач-Бенэм. Бриггс рассказал своей дочке, та обмолвилась почтальонше, а уж почтальонша принесла эту новость мне.

Мисс Марпл улыбнулась.

– Понятно, – сказала она. – Кое в чем наша Сент-Мэри-Мид совсем не изменилась.

– Во всяком случае, местное агентство новостей как работало, так и работает. Хорошо, Джейн, так что все-таки вы об этом думаете?

– Первым, конечно, приходит в голову муж, – как бы рас-

суждая вслух, произнесла мисс Марпл. – Он там был?

– Был. Едва ли это самоубийство.

– Только не самоубийство, – решительно отринула эту версию мисс Марпл. – Она не из таких.

– Как вы с ней познакомились, Джейн?

– Познакомилась… Пошла прогуляться к Новым Домам и упала прямо возле ее двери. Она была сама доброта. Очень добрая женщина.

– А ее мужа видели? Он похож на человека, способного ее отравить? Ну, вы же понимаете, – продолжала миссис Бэнтри, когда мисс Марпл всплеснула руками, как бы протестуя. – Он вам напомнил, скажем, майора Смита или Берги Джонса, еще кого-нибудь, кто отравил жену или, по крайней мере, пытался?

– Нет, – ответила мисс Марпл. – Он мне вообще никого не напомнил. А вот она – да.

– Кто? Миссис Бэдкок?

– Да, – сказала мисс Марпл. – Она напомнила мне некую Элисон Уайлд.

– И кто же эта Элисон Уайлд?

– Она не имела ни малейшего представления о том, – мед-

ленно начала мисс Марпл, – по каким законам живет мир. Какие люди его населяют. Она о них просто никогда не думала. И стало быть, не могла от них и от мира защититься.

– Что-то я вас совсем не понимаю, – призналась миссис Бэнтри.

– Точно и не объяснишь, – извиняющимся тоном сказала мисс Марпл. – Тут дело в эгоцентризме, при этом совсем не обязательно быть эгоистом. Среди таких людей встречаются и добрые, и бескорыстные, и даже заботливые. Но Элисон Уайлд и ей подобные буквально не ведают, что творят. А стало быть, и не ведают, что с ними может случиться.

– А пояснее все-таки нельзя? – попросила миссис Бэнтри.

– Сейчас, попробую на примере. На вымышленном, на самом деле ничего такого не было.

– Давайте, – приготовилась слушать миссис Бэнтри.

– Ну, допустим, вы пришли в магазин, а у хозяйки есть сын, такой, из малолетних преступников, промышляет неизвестно чем, и вы это знаете. И вот он сидит и слушает, как вы рассказываете его матери, что в доме вы держите деньги или, скажем, фамильное серебро с драгоценностями. Зачем-то добавляете, в какое время вас не бывает дома. И даже – что никогда не запираете дверь. А потом говорите – сегодня вечером вы куда-то уходите. Понимаете? Вас

интересует лишь ваша собственная персона, лишь то, что важно лично для вас. Так вот, в этот вечер вы, что-то забыв, неожиданно возвращаетесь домой, а там орудует этот негодяй мальчишка, и вы застаете его на месте преступления, он оборачивается – и бух вас по голове.

– В наши дни такое может случиться почти с кем угодно, – заметила миссис Бэнтри.

– Не совсем, – возразила мисс Марпл. – У большинства людей есть предохранительный инстинкт. Они понимают: в присутствии посторонних или просто людей, имеющих известную репутацию, кое-чего говорить или делать нельзя. Но, как я уже сказала, Элисон Уайлд всегда думала только о себе… Такие, как она, расскажут тебе, что они делали, что видели, что чувствовали и слышали. А что слышали или чувствовали другие – это их не интересует. Жизнь для них – это улица с односторонним движением, улица, по которой идут они. А другие для них… все равно что обои на стене. – После паузы она добавила: – Хитер Бэдкок, мне кажется, была именно такая.

– Вы считаете, – внесла ясность миссис Бэнтри, – что она была из тех, кто может влезть в чужие дела, даже об этом не подозревая?

– И не чувствуя никакой опасности, – добавила мисс Марпл. – Я просто не вижу другой причины, по какой ее могли убить. Если, разумеется, – продолжила она, – мы правильно считаем, что это именно убийство.

– А если она кого-нибудь шантажировала? – предположила миссис Бэнтри.

– Ну нет. – Эти слова мисс Марпл прозвучали с уверенностью. – Женщина она была добрая, хорошая. И совершить что-то подобное просто не могла. Да и вообще, – добавила она с легкой досадой, – вся эта история какая-то неправдоподобная. Скорее можно подумать, что…

– Ну? – подстегнула ее миссис Бэнтри.

– Я просто подумала: а вдруг ее убили по ошибке? – задумчиво произнесла мисс Марпл.

Открылась дверь, и в комнату легким ветерком ворвался доктор Хейдок, за ним, что-то щебеча, – мисс Найт.

– Ага, уже при деле, – с ходу заявил доктор Хейдок, глядя на двух дам. – Решил вас навестить, проверить, как здоровье, – обратился он к мисс Марпл. – Но можно не спрашивать. Сам вижу: вы уже начали применять прописанное мной лечение.

– Лечение, доктор?

Доктор Хейдок указал на лежавшее на столике вязанье.

– Взялись развязывать узел, – сказал он. – Или я не прав?

Мисс Марпл мигнула: едва заметно, по-старушечьи.

– Вам бы все шутить, доктор Хейдок.

– Меня не проведешь, дорогая моя. Я слишком давно вас знаю. Внезапная смерть в Госсингтон-Холле… Эту новость перемалывают все языки в Сент-Мэри-Мид. Верно? Результатов дознания еще нет, но все говорят об убийстве.

– Когда дознание? – спросила мисс Марпл.

– Послезавтра. Думаю, к тому времени вы, дамы, уже проведете свое следствие, вынесете приговор и выясните многое другое. Что ж, – добавил он, – мне здесь делать нечего. Зачем тратить время на пациента, которому мои услуги совершенно ни к чему? Щечки у вас порозовели, глазки горят, вы довольны. Интерес к жизни – что может быть лучше этого? Желаю здравствовать.

И вышел из комнаты.

– В любую минуту предпочла бы его Сэндфорду, – сказала миссис Бэнтри.

– Я тоже, – согласилась мисс Марпл. – Он к тому же старый и добрый друг. – Чуть задумавшись, она добавила: – По-моему, он пришел, чтобы сказать мне: вперед, путь открыт.

– Значит, это все-таки было убийство, – сделала вывод миссис Бэнтри. Дамы переглянулись. – По крайней мере, таково мнение врачей.

Мисс Найт внесла две чашки кофе. Дамы с трудом дождались, когда она оставит их вдвоем. Едва за мисс Найт закрылась дверь, мисс Марпл заговорила:

– Итак, Долли, вы были там лично…

– Можно сказать, все произошло у меня на глазах, – не без гордости, но и скромно поведала миссис Бэнтри.

– Прекрасно! – воскликнула мисс Марпл. – То есть я имела в виду… вы знаете, что я имела в виду. Значит, вы можете точно рассказать, что происходило с самой минуты ее появления.

– Меня провели в дом, – начала миссис Бэнтри. – Сподобилась попасть в число особо приближенных.

– Кто провел?

– О-о, такой подтянутый молодой человек, кажется, он секретарь Марины Грегт или что-то такое. Он провел меня в дом, потом по лестнице наверх. Там у них было что-то вроде встречи оргкомитета.

– Прямо на лестничной площадке? – удивилась мисс Марпл.

– Они там все переделали. Снесли гардеробную и спальню, и получилось большое углубление, можно сказать целая комната. Вышло очень красиво.

– Понятно. Кто там был?

– Марина Грегг, сама естественность и очарование, в облегающем серо-зеленом платье – прелесть, да и только. Муж, разумеется, и эта Элла Зелински, я вам о ней говорила. Их личный секретарь. И еще было… человек восемь или десять. Кого-то из них я знала, кого-то – нет. Эти, вторые, скорее всего – киношники. Были викарий и жена доктора Сэндфорда. Сам он приехал позже, позже явились и полковник, и миссис Клиттеринг, и главный судья графства. Кажется, был даже кто-то из газеты. И молодая женщина с большим фотоаппаратом, она все время снимала.

Мисс Марпл кивнула:

– Дальше.

– Хитер Бэдкок с мужем прибыли сразу после меня. Марина Грегг полюбезничала со мной, с кем-то еще… с викарием… потом появилась Хитер Бэдкок с мужем. Она ведь секретарь бригады «Скорой помощи Святого Иоанна». Кто-то сказал, какая она, мол, трудолюбивая и незаменимая работница. Марина Грегг отпустила ей комплимент. Тут миссис Бэдкок, которая, признаюсь вам, Джейн, показалась мне большой занудой, набросилась на Марину Грегг с какой-то до жути канительной и бессвязной историей насчет того, как они с Мариной много лет назад где-то встречались. Это было не слишком тактично с ее стороны, потому что она уверяла, что это было очень давно, даже называла год и так далее. Актрисы, кинозвезды,

да вообще все на свете не любят, когда им напоминают об их возрасте. А миссис Бэдкок это, наверное, и в голову не пришло.

– Не пришло, – подтвердила мисс Марпл. – Она не из тех, кто думает о таких пустяках. Дальше?

– Дальше ничего особенного, правда, Марина Грегг повела себя не совсем обычно.

– То есть выказала раздражение?

– Нет, вовсе нет. Я, кстати, даже не уверена, слышала ли она хоть слово из того, что плела миссис Бэдкок. Она смотрела в одну точку, куда-то через плечо миссис Бэдкок, и, когда та закончила свой глуповатый рассказ о том, как она, полубольная, выбралась из постели, выскользнула из дому и пробралась на встречу с Мариной и даже взяла у нее автограф, наступила какая-то странная тишина. А потом я увидела ее лицо.

– Чье? Миссис Бэдкок?

– Нет, Марины Грегг. Казалось, она не слышала ни слова из того, что сказала эта Бэдкок. Она смотрела через ее плечо – на противоположную стену. Смотрела… даже не могу объяснить как…

– Постарайтесь, Долли, – настойчиво попросила мисс Марпл. – Это может оказаться важным.

– У нее был застывший взгляд, – с трудом подбирая слова, выговорила миссис Бэнтри. – Будто она увидела что-то такое… Господи, что-то описать – это всегда так трудно… Вы помните «Леди из Шалотта»? «…И в трещинах зеркальный круг. Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг Леди из Шалотта». Примерно так она и выглядела. Нынешнее поколение не принимает Теннисона всерьез, меня же Леди из Шалотта в юности всегда завораживала, завораживает и сейчас.

– У нее был застывший взгляд, – задумчиво повторила мисс Марпл. – И она смотрела через плечо миссис Бэдкок на стену. Что же было на этой стене?

– На стене? Какая-то картина, – сказала миссис Бэнтри. – Кажется, итальянская. По-моему, копия мадонны Беллини, но тут я не уверена. В общем, дева держит смеющегося ребенка.

Мисс Марпл нахмурилась:

– Не представляю себе, чем ее могла так заворожить картина.

– Тем более она видит ее каждый день, – заметила миссис Бэнтри.

– Наверное, по лестнице поднимались люди?

– О да, поднимались.

– Кто именно, не помните?

– Вы считаете, что она могла уставиться на кого-то из гостей, поднимавшихся по лестнице?

– Почему бы нет?

– Да… действительно… Сейчас, попробую вспомнить. Там был мэр, разряженный, со всеми регалиями, его жена, длинноволосый мужчина с забавной бородкой, такие нынче в моде. Молодой еще человек. Девушка с фотоаппаратом. Она примостилась прямо на лестнице – удобно снимать, как люди, поднявшись, здороваются с Мариной… Там были еще двое, я их не знаю. Наверное, киношники. И Грайсы из «Лоу фарм». Может, был еще кто-то, но сейчас не вспомню.

– Не густо, – проворчала мисс Марпл. – Что было дальше?

– То ли Джейсон Радд задел жену локтем, то ли еще что-то, во всяком случае, она вдруг очнулась, улыбнулась миссис Бэдкок и начала говорить обычные любезности. Опять стала сама естественность, очарование, дитя природы, в общем, как обычно.

– А потом?

– Потом Джейсон Радд предложил им выпить.

– Что именно?

– По-моему, дайкири. Он еще сказал, что это самый любимый коктейль его жены. Один бокал он протянул ей, а другой – этой Бэдкок.

– Это очень интересно, – пробормотала мисс Марпл. – Весьма интересно. Что же было дальше?

– Не знаю, я повела стайку женщин на экскурсию по туалетным комнатам, и все. А потом бежит эта секретарша и говорит, что кому-то стало плохо.

Глава 7

Дознание оказалось коротким и принесло разочарование. Опознал умершую муж, прочие показания были медицинскими. Причиной смерти Хитер Бэдкок явились четыре гранулы гиэтиладексилабарбохинделоритата или что-то в этом роде! Сведений о том, как препарат попал в организм, не было.

Дознание отложили на две недели.

Когда все стали расходиться, детектив-инспектор Фрэнк Корниш окликнул Артура Бэдкока:

– Можно вас на пару слов, мистер Бэдкок?

– Конечно, пожалуйста.

Артур Бэдкок более чем когда-либо походил на кусок изжеванной веревки.

– Ничего не могу понять, – бормотал он. – Просто ничего не могу понять.

– У меня здесь машина, – сказал Корниш. – Давайте я отвезу вас домой? Там и поговорим. И удобнее, и никто мешать не будет.

– Спасибо, сэр. Да, да, конечно, так будет лучше.

Они подъехали к ладным, выкрашенным голубой краской воротцам дома номер 3 по Арлингтон-клоуз. Артур Бэдкок пошел вперед, инспектор – за ним. Хозяин достал ключ, но не успел вставить его в скважину, как дверь открылась изнутри. Открывшая ее женщина, чуть смутившись, отступила назад. Артур Бэдкок даже вздрогнул.

– Мэри, – проговорил он.

– Я как раз готовила вам чай, Артур. Решила, что после дознания чашка чаю вам не повредит.

– Большущее вам спасибо, – поблагодарил Артур Бэдкок. Он замялся. – Познакомьтесь. Инспектор Корниш. Миссис Бейн. Моя соседка.

– Понятно, – сказал инспектор Корниш.

– Я налью еще одну чашку, – сказала миссис Бейн.

Она исчезла, и Артур Бэдкок, слегка мучимый сомнения-

ми, провел инспектора в комнату направо от холла, оказавшуюся гостиной с яркой кретоновой обивкой.

– Очень добрая женщина, – сказал Артур Бэдкок. – Бывают же добрые люди.

– Вы ее знаете давно?

– О нет. Познакомились, как сюда переехали.

– Вы здесь живете два года или даже три?

– Около трех, – уточнил Артур. – А миссис Бейн переселилась сюда с полгода назад. У нее сын работает поблизости, вот после смерти мужа она и перебралась сюда, а сын живет отдельно, но питается у нее.

В эту минуту из кухни с подносом появилась миссис Бейн. Это была брюнетка лет сорока, на лице отпечаталась какая-то неизбывная тревога. Она здорово смахивала на цыганку – цвет кожи, карие глаза и темные волосы. Взгляд был немного странным: чуть настороженным. Она поставила поднос на стол, и инспектор Корниш пробурчал какой-то ни к чему не обязывающий комплимент. Профессиональный инстинкт подсказал ему: будь начеку. От него не укрылись настороженность в ее взгляде, легкий испуг, когда Артур представил его. Он прекрасно знал, что в присутствии полиции многие робеют, и причины обычно две. Первая – люди могли, пусть бессознательно, как-то преступить закон, и, естественно, им становится не по себе – вдруг полиция что-то разнюхала? Но есть и другая ро-

бость, и именно с ней инспектор Корниш встретился сейчас, он в этом не сомневался. У миссис Бейн встреча с полицией наверняка уже была, и после этого она к полиции относится опасливо и с подозрением. Надо выяснить об этой миссис Бейн как можно больше.

Поставив поднос на стол и отказавшись от чая – пора домой, – она простилась и вышла.

– Похоже, милая женщина, – заметил инспектор Корниш.

– Да, очень. Очень добрая, очень хорошая соседка, очень чуткая, – охарактеризовал ее Артур Бэдкок.

– Она и ваша жена были добрыми подругами?

– Нет-нет, этого я бы не сказал. Добрососедские отношения, вполне уважительные. Но подругами я бы их не назвал.

– Понятно. Итак, мистер Бэдкок, мы хотим, чтобы вы рассказали нам все, что знаете. Результаты дознания, наверное, вас потрясли?

– Еще как, инспектор. Конечно, я сразу понял, что вы заподозрили неладное, я почти и сам в это поверил – ведь Хитер всегда была отменного здоровья. Можно сказать, вообще не знала, что такое заболеть хотя бы на день. Так что я и сам себе сказал: «Тут что-то неспроста». И все же это настолько невероятно, понимаете, инспектор? Просто в голове не укладывается. Как называется эта штука… ги-

этилгек… – Он остановился.

– Есть вариант полегче, – сказал инспектор. – У этого препарата есть свое коммерческое название – «Калмо». Вам он никогда не попадался?

Артур Бэдкок, ошарашенный, покачал головой.

– Им больше пользуются в Америке, чем здесь, – объяснил инспектор. – Там, насколько я знаю, он довольно популярен и вполне доступен.

– А от чего он?

– Этот препарат, насколько мне известно, снимает волнение, успокаивает, умиротворяет, – рассказал Корниш. – Его прописывают тем, кто находится в состоянии стресса; страдает от перенапряжения, депрессии, меланхолии, сонливости и прочих подобных явлений. Нормальная доза неопасна, но принимать этот препарат в больших количествах не рекомендуется. Судя по тому, что обнаружено в организме вашей жены, обычная доза превышена в шесть раз.

Бэдкок уставился на инспектора.

– Хитер в жизни ничего подобного не принимала, – сказал он. – Я в этом абсолютно уверен. Она не из тех, кто помешан на лекарствах. Она вообще не знала, что такое депрессия или обеспокоенность. Таких жизнерадостных женщин, как она, я за всю жизнь не встречал.

Инспектор кивнул:

– Понятно. И никакой доктор ничего такого ей не прописывал?

– Нет. Точно. Я в этом уверен.

– Кто был ее врачом?

– Вообще-то она приписана к доктору Симу, но, если не ошибаюсь, ни разу к нему не обращалась.

– Выходит, – задумчиво произнес инспектор Корниш, – она не из тех женщин, кто принимает такие средства?

– Конечно, не из тех, инспектор, и думать нечего. Она приняла это по ошибке, уж не знаю какой.

– Очень трудно представить себе такую ошибку, – сказал инспектор Корниш. – Что она ела и пила в тот день?

– Сейчас, надо вспомнить. На ленч…

– Ленч не нужен, после него прошло слишком много времени. Препарат, принятый в таком количестве, действует быстро и внезапно. Чай. Постарайтесь вспомнить про чай.

– Ну, мы вошли в палатку для чая, в саду. Там толпилось множество народу, но в конце концов мы получили по бу-

лочке и чашке чаю. Быстренько с этим разделались, потому что в палатке стояла жуткая духотища, и снова вышли на свежий воздух.

– То есть там она съела булочку и выпила чашку чаю. Все?

– Да, сэр, все.

– И после этого вы прошли в дом?

– Да. К нам подошла молодая дама и сказала, что мисс Марина Грегг будет очень рада видеть мою жену в доме, если та не возражает. Разумеется, жена пришла в восторг. Марина Грегг в последнее время у нее с языка не сходила. Все кругом из-за этого приема были так взбудоражены. Что я вам говорю, инспектор, вы это знаете не хуже меня.

– Да, правда, – согласился Корниш. – И моя жена была взбудоражена. Еще бы, ведь народ со всей округи собрался, люди заплатили по шиллингу – посмотреть, во что превратили Госсингтон-Холл, хоть краешком глаза взглянуть на Марину Грегг.

– Молодая дама провела нас в дом, – продолжал Артур Бэдкок, – потом наверх по лестнице. Туда, где хозяйка встречала гостей. На площадке, у лестницы. Видимо, там все здорово переделали. Это была даже не площадка, а комната, большая зала-углубление со стульями, столами; на них стояли напитки. Там было человек десять – двенадцать.

Инспектор Корниш кивнул.

– И вас там встретили… кто же?

– Сама мисс Марина Грегг. С ней был ее муж. Не помню, как его зовут.

– Джейсон Радд, – подсказал инспектор Корниш.

– Да-да, я на него сразу как-то не обратил внимания. В общем, мисс Грегг очень мило поздоровалась с Хитер, была вроде бы очень рада ее видеть, и Хитер начала ей рассказывать, как много лет назад она встретилась с мисс Грегг где-то в Вест-Индии… В общем, все было лучше некуда.

– Все было лучше некуда, – эхом отозвался инспектор. – А дальше?

– А дальше мисс Грегг спросила: что будем пить? И муж мисс Грегг, мистер Радд, дал Хитер какой-то коктейль. Дикери, кажется.

– Дайкири.

– Да, сэр, верно. Он принес их два. Один для нее, а другой для мисс Грегг.

– А что пили вы?

– Херес.

– Понятно. И вы стояли втроем и вместе потягивали напитки?

– Нет, не совсем так. Там ведь и другие поднимались по лестнице. Мэр, еще кое-кто… Кажется, американский джентльмен с дамой… Так что мы чуть отодвинулись в сторонку.

– И ваша жена выпила свой дайкири?

– Н-нет, не сразу, не тогда.

– В таком случае когда же?

Артур Бэдкок нахмурился, стараясь припомнить.

– По-моему, свой бокал она поставила на столик. Увидела кого-то из знакомых. Кажется, кого-то из бригады «Скорой помощи Святого Иоанна», он приехал, если не путаю, из Мач-Бенэма. Вот они и принялись болтать.

– Так когда же она выпила свой коктейль?

Артур Бэдкок снова нахмурился.

– Вскоре после этого, – сказал он. – Народ все прибывал. Кто-то толкнул Хитер под локоть, и ее бокал расплескался.

– Что-что? – инспектор Корниш резко поднял голову. – Ее коктейль выплеснулся?

– Да, насколько я помню… Сначала она взяла его со стола, отхлебнула глоточек и скривилась. Она вообще не была любительница коктейлей, но по такому случаю, конечно, отчего же не выпить. Короче, кто-то толкнул ее под локоть, и коктейль вылился. Облил ей платье и, кажется, даже платье мисс Грегг. Но мисс Грегг и виду не подала, что огорчилась. Сказала, мол, это пустяки, даже пятна не останется, дала Хитер свой платок, чтобы та обтерла платье, а потом передала ей свой коктейль и сказала: «Вот, возьмите мой, я его не трогала».

– Она передала ей свой коктейль? – переспросил инспектор. – Вы в этом уверены?

Артур Бэдкок на минуту погрузился в раздумье.

– Абсолютно уверен, – подтвердил он.

– И ваша жена его взяла?

– Сначала, сэр, отказывалась. Говорила: «Нет-нет, ну что вы, я не могу!» – а мисс Грегг засмеялась и сказала, что, мол, она уже выпила достаточно.

– Значит, ваша жена взяла этот бокал? И что же?

– Она чуть отвернулась и выпила его, почти залпом. Потом мы немножко прошлись по коридору, смотрели на картины, на занавеси. Занавеси просто красота, мы никогда таких не видели. Потом я встретил приятеля, Олкока, члена

местного совета, мы с ним стояли и мирно беседовали, тут я обернулся и вижу: Хитер сидит на стуле, и вид у нее какой-то не такой, я подошел к ней и спрашиваю, мол, что случилось? А она говорит, чувствую себя как-то чудно.

– В каком смысле чудно?

– Не знаю, сэр. И спросить-то не успел. Голос у нее был совсем чудной, густой какой-то, голова как бы покачивалась. Потом вдруг схватила воздух ртом, вернее, попыталась, и голова бух на грудь. И умерла… Вот так-то, сэр. Умерла.

Глава 8

1

– Сент-Мэри-Мид, вы сказали? – главный инспектор Крэддок резко поднял голову.

Помощник комиссара заметно удивился.

– Да, – подтвердил он. – Сент-Мэри-Мид. А что? Что-нибудь…

– Нет, ничего, – сказал Дермот Крэддок.

– Это, насколько я знаю, совсем небольшая деревушка, – пояснил помощник комиссара. – Хотя строительство там идет вовсю. Застраивают, если не ошибаюсь, почти все пространство между этой деревней и Мач-Бенэмом. А по другую сторону Сент-Мэри-Мид, – добавил он, – ближе к Маркет-Бейзингу, находится киностудия «Хеллингфорт».

– Вопросительное выражение еще не сошло с его лица.

Дермот Крэддок решил, что стоит внести ясность.

– У меня там знакомая, – сказал он. – В Сент-Мэри-Мид. Пожилая дама. Собственно, совсем старушка. Не исключено, она уже приказала долго жить. Но если нет…

Помощник комиссара понял мысль подчиненного, по крайней мере ему так показалось.

– Конечно, – подхватил он. – Получите возможность взглянуть на это дело, так сказать, изнутри. Местные сплетни никогда не бывают лишними. Вообще весьма любопытная история.

– В графстве эту работу поручили нам? – спросил Дермот.

– Да. Пришло письменное распоряжение главного констебля. Они не исключают, что эта история выходит за пределы деревни. Госсингтон-Холл, самый большой дом в этих краях, недавно был куплен Мариной Грегг, кинозвездой, вместе с мужем. Они уже переехали. Неподалеку находится их новая киностудия, «Хеллингфорт», сейчас идут съемки, Марина играет главную роль. Прием на территории их дома был дан в пользу ассоциации «Скорой помощи Святого Иоанна». Умершая – ее звали миссис Хитер Бэдкок – была секретарем местного отделения этой ассоциации, и прием во многом готовила она. Судя по всему, это была деловая и толковая женщина, местные жители ее

хорошо знали и любили.

– Эдакая командирша? – предположил Крэддок.

– Весьма возможно, – согласился помощник комиссара. – Но мой опыт говорит, что таких командирш убивают довольно редко. Хотя почему, ума не приложу. В общем, довольно печальная история. Народу на прием собралось рекордное количество, погода стояла отличная, все шло по плану. Избранную публику Марина Грегг с мужем пригласили в дом. Там было человек тридцать или сорок. Местная знать, люди, связанные со «Службой скорой помощи Святого Иоанна», несколько друзей самой Марины Грегг, еще кое-кто из мира кино. Все было тихо, мирно и распрекрасно. И вот в разгар праздника Хитер Бэдкок умирает, потому что ее отравили. Фантастика, невероятно – но это так.

– Доказано, что яд был в напитке?

– Да. Тут все подробно изложено. Длиннющее бессмысленное название, которые обожают врачи, на самом же деле в Америке это вполне распространенное лекарство.

– В Америке? Понятно.

– В Англии тоже. Просто по ту сторону Атлантики такие средства больше в ходу. Если их принимать в малых дозах, организму они на пользу.

– А выдают по рецепту или можно просто пойти и ку-

пить?

– Нельзя. Нужен рецепт.

– Да, странно, – пробормотал Дермот. – А Хитер Бэдкок к этим киношникам какое-то отношение имеет?

– Ни малейшего.

– Кто-то из членов ее семьи там был?

– Муж.

– Муж… – задумчиво повторил Дермот.

– Да, первая мысль всегда о муже, – согласился старший по званию. – Но наш местный работник… кажется, Корниш, считает, что муж тут, скорее всего, ни при чем, хотя он доложил, что Бэдкок сильно нервничал и вообще был сам не свой. Но он тут же добавил, что вполне достойные люди часто нервничают, когда их допрашивает полиция. Судя по всему, это были верные и преданные друг другу супруги.

– Другими словами, тамошняя полиция считает, что муж убитой здесь ни при чем. Что ж, похоже, дело интересное. Я еду туда, правильно я понял, сэр?

– Да. Поезжайте, Дермот, и как можно быстрее. Кого хотите взять с собой?

Дермот ответил не сразу.

– Пожалуй, Тиддлера, – задумчиво произнес он. – Человек он хороший, к тому же большой любитель кино. Это может пригодиться.

Помощник комиссара кивнул.

– Желаю удачи, – сказал он на прощание.

2

– Вот это да! – воскликнула мисс Марпл, порозовев от удовольствия и удивления. – Ну и сюрприз! Ну, как вы, дорогой мой мальчик?.. Хотя какой вы теперь мальчик? Главный инспектор, или как это теперь называется? Командующий?

Дермот объяснил, в каком звании он сейчас состоит.

– Думаю, нет смысла спрашивать, что вы здесь делаете, – сказала мисс Марпл. – Наше местное убийство удостоилось внимания Скотленд-Ярда.

– Дело передали нам, – подтвердил Дермот. – И естественно, приехав сюда, я сразу направился к нашему агенту.

– Вы хотите сказать… – Мисс Марпл была слегка польщена.

– Да, тетушка, – произнес Дермот так, будто это само собой разумелось. – Я имею в виду вас.

– Боюсь, – в голосе мисс Марпл прозвучало сожаление, – что я здорово поотстала. Я ведь сейчас так редко выхожу.

– Редко, да метко. Не вы ли упали возле чужого дома, не вам ли помогла подняться женщина, которую через десять дней убили? – спросил Дермот Крэддок.

Мисс Марпл издала некий цокающий звук.

– Не знаю, откуда вы такое берете, – сказала она.

– Должны знать, – укорил ее Дермот Крэддок. – «В деревне всем все известно» – ваши слова? И кстати, не для протокола, – добавил он. – Вы, как только ее увидели, сразу поняли, что ее убьют?

– Ну что вы! – воскликнула мисс Марпл. – Как вам такое могло прийти в голову?

– А в глазах ее мужа не увидели взгляда, который напомнил вам о Харри Симпсоне, или Дэвиде Джонсе, или еще каком-нибудь вашем старом знакомце, впоследствии толкнувшем жену с обрыва?

– Нет и еще раз нет! – горячо возразила мисс Марпл. – Уверена, что мистер Бэдкок на такое злодеяние не способен. По крайней мере, – добавила она задумчиво, – почти уверена.

– Но ведь человеческая природа, как известно… – пробор-

мотал Крэддок зловредно.

– Именно, – подтвердила мисс Марпл. Потом добавила: – Рискну предположить, что, оправившись от естественного первого шока, он не будет по ней сильно убиваться.

– Почему? Он был у нее под каблуком?

– Нет. Но не думаю, чтобы она… В общем, внимательным человеком она не была. Добрым – да. А вот внимательным – нет. Она могла любить его, заботиться о нем, когда он болел, кормить его и быть хорошей хозяйкой, но, на мой взгляд, она никогда бы… В общем, она даже не подозревала, что там у него на душе, о чем он думает. И мужчина чувствует себя одиноко.

Дермот хмыкнул:

– Вы думаете, теперь ему будет менее одиноко?

– Полагаю, он снова женится. И даже очень скоро. Возможно, на женщине того же типа, что будет совсем обидно. То есть возьмет в жены человека сильнее, чем он сам.

– Есть конкретная кандидатура? – осведомился Дермот.

– Мне она неизвестна, – сказала мисс Марпл. И с сожалением добавила: – Но мне вообще известно так мало.

– А что вы обо всем этом думаете? – продолжал напирать на нее Дермот Крэддок. – Уж в умении думать и выдумы-

вать вы всякому фору дадите.

– Я думаю, – неожиданно сказала мисс Марпл, – что вам надо поговорить с миссис Бэнтри.

– Миссис Бэнтри? А кто она? Из киношной публики?

– Нет, – ответила мисс Марпл. – Она живет в Ист-Лодже, в Госсингтоне. В тот день она была на празднике. Когда-то Госсингтон принадлежал ей. Ей и ее мужу, полковнику Бэнтри.

– Она была на празднике. И что-то видела?

– Пусть она сама вам расскажет, что она видела. Вам может показаться, что к делу это не имеет отношения, но вдруг… вдруг вас это натолкнет на какие-то мысли. Скажите ей, что вас прислала я, и… да, лучше просто упомяните Леди из Шалотта.

Дермот Крэддок посмотрел на нее, чуть склонив голову набок.

– Леди из Шалотта, – повторил он. – Это что – пароль?

– Ну, не совсем, – чуть смутилась мисс Марпл. – Просто по этим словам она сразу поймет, что я имела в виду.

Дермот Крэддок поднялся.

– Мы расстаемся ненадолго, – предупредил он ее.

– Буду очень рада вас видеть, – сказала мисс Марпл. – Если выберете время, заходите как-нибудь, попьем чайку. Надеюсь, вы его еще пьете, – добавила она с легким сожалением в голосе. – Я знаю, что нынешняя молодежь, когда ей надо перекусить и что-то выпить, идет в бары и прочие заведения. Для них пятичасовой чай безнадежно устарел.

– Если я и молод, то не до такой степени, – заметил Дермот. – Как-нибудь обязательно загляну к вам на чаек. Посплетничаем, поболтаем о ваших деревенских новостях. Кстати, а с кем-нибудь из кинозвезд вы лично знакомы? Вообще с кем-нибудь из киношников?

– Ни с единым человечком, – ответила мисс Марпл. – Только понаслышке.

– В вашем случае это, как правило, уже кое-что, – сказал Дермот Крэддок. – Что ж, до свидания. Был очень рад вас видеть.

3

– О-о, здравствуйте, – несколько ошарашенно приветствовала гостя миссис Бэнтри, когда Дермот Крэддок представился и объяснил цель своего визита. – Надо же, не каждый день встречаешь таких людей. А разве вас не всегда сопровождают сержанты?

– Сержант со мной действительно приехал, – подтвердил Крэддок. – Но в данную минуту он занят.

– Наверное, собирает информацию? – с надеждой в голосе спросила миссис Бэнтри.

– Что-то в этом роде, – строго ответствовал Дермот.

– Значит, Джейн Марпл послала вас ко мне, – сказала миссис Бэнтри, проводя гостя в свою маленькую гостиную. – А я как раз цветы расставляла. Бывают такие дни – ну никак цветы не хотят тебя слушаться. Падают или, наоборот, торчат там, где торчать не должны, а где надо лежать – не лежат. Так что я рада отвлечься, тем более по такому интересному поводу. Значит, это все-таки было убийство?

– А вы так не думали?

– Ну, это мог быть и несчастный случай, – сказала миссис Бэнтри. – Ведь никаких конкретных, официальных разъяснений не было. Сообщили только, что, как яд попал в организм, пока неизвестно, – ну не глупость ли? Вообще-то мы все между собой решили, что это – убийство.

– А кто его совершил?

– Представьте себе, никаких догадок нет. Как ни странно. Потому что лично я не представляю, кто мог бы это сделать.

– Вам непонятно, кто мог бы это сделать физически?

– Нет, не то. Совершить это убийство, может, было и трудно, но не невозможно. Просто не вижу, кому это могло по-

надобиться.

– Вы хотите сказать, что ни у кого не было причин лишать жизни Хитер Бэдкок?

– Откровенно говоря, – сказала миссис Бэнтри, – не могу себе представить, чтобы кому-то потребовалось ее убить. Я с ней встречалась несколько раз по местным делам. Девочки-скауты, бригада «Скорой помощи Святого Иоанна», всякие приходские дела. Я бы сказала, что она – человек довольно докучливый. По любому поводу – фонтан энтузиазма, какая-то восторженность без меры, а уж начнет говорить – не остановишь. Но за это ведь людей не убивают. В старые времена, если такая женщина приближалась к дверям твоего дома, ты быстро звала горничную – была такая должность в мои времена, и весьма полезная, – и велела ей объявить, что «Нет дома» или «Сегодня никого не принимает», чтобы горничную не мучили угрызения совести.

– То есть многие с удовольствием избавились бы от ее общества, но никому не пришло бы в голову устранять ее навсегда.

– Очень хорошо сформулировано, – миссис Бэнтри одобрительно кивнула.

– Серьезных сбережений у нее не было, – рассуждал вслух Дермот, – и ее смерть никому особых прибылей не принесла. Люди могли ее недолюбливать, но о ненависти речи не было. Может, она кого-нибудь шантажировала?

– Что вы, откуда? – горячо возразила миссис Бэнтри. – Это была женщина совестливая, высоконравственная.

– Может, у ее мужа был роман на стороне?

– Едва ли, – сказала миссис Бэнтри. – Я только и видела его, что тогда на празднике. Он мне напомнил изжеванную веревку. Вроде бы и приличный человек, но какой-то жалкий.

– Выходит, выбор у нас невелик, – подытожил Дермот Крэддок. – Остается предположить одно: ей было что-то известно.

– Известно?

– Что-то, порочащее другого.

Миссис Бэнтри снова покачала головой:

– Сомневаюсь. Сильно сомневаюсь. Такие женщины просто не умеют держать язык за зубами, и если им что-то известно, это тут же известно всем.

– Значит, и это отпадает, – принял ее толкование Дермот Крэддок. – Тогда никуда не денешься – придется вспомнить о причине, которая меня к вам привела. Мисс Марпл, перед которой я искренне преклоняюсь и к которой питаю глубокое уважение, сказала мне, чтобы я назвал вам Леди из Шалотта.

– Ах это! – воскликнула миссис Бэнтри.

– Да, – сказал Крэддок. – Это. Чем бы оно ни было.

– В наши дни народ почти не читает Теннисона, – сокрушенно произнесла миссис Бэнтри.

– Что-то такое я помню из детства, – покопался в памяти Дермот Крэддок. – Ведь это она смотрела на замок Камелот?

На паутине взмыл паук,
И в трещинах зеркальный круг.
Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг
Леди из Шалотта.

– Именно. Вот и она так же, – сказала миссис Бэнтри.

– Простите? Кто так же? И что?

– Выглядела так же, – пояснила миссис Бэнтри.

– Кто?

– Марина Грегг.

– Ага. Марина Грегг. Когда?

– Вам Джейн Марпл разве не рассказала?

– Нет. Послала прямо к вам.

– Ну, это нечестно с ее стороны, ведь она куда лучшая рассказчица, чем я. Мой муж всегда говорил: я так резко перескакиваю с одного на другое, что он не может толком понять, о чем речь. Вообще, может быть, мне все это только показалось. Но когда замечаешь на чьем-то лице такой взгляд, аналогия приходит в голову сама по себе.

– Расскажите, пожалуйста, – попросил Дермот Крэддок.

– Ну что ж, все произошло на празднике. Я говорю «праздник», потому что как еще это назовешь? У них наверху, у лестницы, теперь что-то вроде большущей ниши. Там Марина Грегг и ее муж принимали особо важных гостей. Удостоился чести и кое-кто из местных. Лично я – потому что когда-то была хозяйкой этого дома, а Хитер Бэдкок с мужем – потому что она организовала весь этот прием, обо всем хлопотала. Так вышло, что мы поднялись наверх почти вместе, я стояла рядом – вот и заметила это.

– Так. Что же именно вы заметили?

– Сейчас. Ну, миссис Бэдкок заахала и заохала, знаете, как бывает, когда вдруг встречаешь какую-то знаменитость. Мол, как это прекрасно, да она в таком восторге, да они и мечтать не могли о такой встрече. А потом затянула какую-то нудную историю, как когда-то, много лет назад, они уже встречались и как она по этому поводу была счастлива. Я еще тогда подумала: каково этим знаменитостям всякий раз такое выслушивать и терпеть с милой улыбкой

– с ума сойти можно! И вдруг я заметила, что никакой милой улыбки на лице мисс Грегг нет. Она просто стояла оцепенев, вперившись в одну точку.

– В одну точку… на миссис Бэдкок?

– Нет… нет, она про миссис Бэдкок и думать забыла. Казалось, она вообще не слышит, что та плетет. Она стояла оцепенев и смотрела взглядом, как я его назвала, Леди из Шалотта – будто увидела что-то жуткое. Что-то кошмарное, такое, чего она увидеть никак не ожидала, и смотреть на это ей было невыносимо.

– «Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг…»? – подсказал Дермот Крэддок.

– Да, именно так. Потому я и назвала этот взгляд взглядом Леди из Шалотта.

– Но на что она смотрела, миссис Бэнтри?

– Если бы я знала!

– Вы говорите, она стояла у верха лестницы?

– Она смотрела через голову миссис Бэдкок… Нет, скорее через ее плечо.

– То есть прямо в середину лестницы?

– Может быть, не в самую середину.

– А по лестнице поднимались люди?

– Да, человек пять или шесть.

– Может, она смотрела на кого-то конкретно?

– Не могу сказать, – честно призналась миссис Бэнтри. – Я ведь смотрела не на лестницу. Я смотрела на нее. А сама стояла спиной к лестнице. Я подумала, может, она смотрит на одну из картин.

– Но если она живет в этом доме, все свои картины она должна прекрасно знать.

– Да, конечно. Скорее всего, она уставилась на кого-то из гостей. Только на кого?

– Попробуем это выяснить, – сказал Дермот Крэддок. – А кто хоть там был, вы помните?

– Мэр с женой. Какой-то, по-моему, журналист, рыжеволосый такой, нас позже представили друг другу, но фамилию я не запомнила. Фамилии у меня всегда пролетают мимо ушей. Гэлбрайт… что-то в этом роде. Еще был крупный такой, черный мужчина. Нет, не негр – просто темноволосый, черной масти, чувствуется, что сильная личность. С ним была актриса. Броская такая, яркая блондинка, из тех, что ходят в норковых манто. Был там и старый генерал Барнстэпл. Он, бедняга, сейчас уже совсем ку-ку. Едва ли кто-то может оцепенеть от ужаса, глядя на него. Да, еще

были Грайсы с фермы.

– Это все, кого вы можете вспомнить?

– Может, там был и еще кто-то. Но, понимаете, я ведь… специально ни за кем не наблюдала. Я знаю, что примерно в это время пришли мэр, генерал Барнстэпл и американцы. Кстати, там работали фотографы. Один, по-моему, местный, а кроме него, девушка из Лондона, вся из себя богемная, с длинными волосами и здоровенным фотоаппаратом.

– И вы полагаете, что этот взгляд появился на лице Марины Грегг оттого, что она увидела кого-то из этих людей?

– Да я, собственно, ничего тогда не подумала, – с обезоруживающей откровенностью призналась миссис Бэнтри. – Просто удивилась: на что это она могла так уставиться? А вскоре про это и думать забыла. Ну а потом-то все вспоминается. Но если честно, – призналась миссис Бэнтри, – может, я все это напридумывала. Вдруг у нее в эту минуту зуб заболел, или булавка в тело врезалась, или закололо где-нибудь в боку, что свет стал не мил. Стараешься не подать виду, но лицо тебя выдает, ничего с ним поделать не можешь.

Дермот Крэддок засмеялся.

– Я рад, что вы такая реалистка, миссис Бэнтри, – сказал он. – Да, вы правы, вполне могло быть и что-то в этом роде. Но факт, несомненно, занятный, может, кое-что он нам и

подскажет.

Он пожал ей руку и отправился в Мач-Бенэм, в полицейский участок, – представиться официально.

Глава 9

1

– Значит, на местном фронте тишь да гладь? – спросил Крэддок, протягивая Фрэнку Корнишу свой портсигар.

– Полнейшая, – подтвердил Корниш. – Врагов у нее не было, ни с кем она не ссорилась, с мужем отношения – лучше не бывает.

– О другой женщине или другом мужчине нет и речи?

Корниш покачал головой:

– И не пахнет. Никакого намека на скандал. Она была не из тех, кого называют сексуальными. Сидела во всех возможных комитетах и занималась прочими подобными делами, кто-то из местных ей потихоньку завидовал, но не более того.

– Может, ее муж хотел на ком-то жениться? В конторе, где он работает, никого нет?

– Он трудится в фирме «Биддл энд Расселл», агенты и эксперты по недвижимости. Там есть некая Флорри Уэст, особа с больной щитовидкой, еще мисс Грандл, которой минимум пятьдесят, шарма у нее не больше, чем у стога

сена, – в общем, мужчине там зариться особенно не на что. С другой стороны, не удивлюсь, если он вскоре женится.

Крэддок с интересом посмотрел на собеседника.

– Соседка, – объяснил Корниш. – Вдова. Когда я приехал с ним после дознания, она уже была у него дома, готовила ему чай и вообще всячески о нем заботилась. Он был очень удивлен, очень ей благодарен. Похоже, она вознамерилась его на себе женить, а он, несчастный, пока об этом и не подозревает.

– Что она за женщина?

– Симпатичная, – признал Корниш. – Не первой молодости, но вполне хороша собой, на цыганский манер. Яркие краски. Темные глаза.

– Как ее зовут?

– Бейн. Миссис Бейн. Мэри Бейн. Вдова.

– Чем занимался ее муж?

– Понятия не имею. С ней живет сын, он работает где-то неподалеку. С виду тихая, достойная женщина. Но у меня такое чувство, что я ее раньше видел. – Он взглянул на часы: – Без десяти двенадцать. Я договорился в Госсингтон-Холле, что вы будете там в двенадцать. Так что нам пора.

2

Глаза Дермота Крэддока, всегда как бы слегка расфокусированные, на самом деле пристально всматривались в очертания Госсингтон-Холла, все примечали. Инспектор Корниш привез его туда и передал на попечение молодого человека по имени Хейли Престон, после чего тактично удалился. Затем Дермот Крэддок какое-то время лишь спокойно кивал, слушая многоречивые излияния мистера Престона. Хейли Престон работал на Джейсона Радда, был у него, как понял Дермот, то ли администратором, то ли помощником, то ли личным секретарем, а возможно, выполнял все эти обязанности. Он сидел и говорил. Говорил свободно и пространно, несколько монотонно, но чудесным образом ему удавалось почти не повторяться. Это был приятный молодой человек, страстно жаждавший, подобно незабвенному доктору Панглосу из вольтеровского «Кандида», чтобы его взгляды разделяли все, в чьем обществе он в данный момент находился, – «что ни делается, все к лучшему в этом лучшем из миров». Несколько раз он с вариациями сообщил, как мерзко все случившееся, как все обеспокоены, в каком жутком состоянии находится Марина, а мистер Радд огорчен так, что и не расскажешь, и кто вообще мог ожидать, что произойдет такой кошмар? А может, это какая-нибудь особенная аллергия? Что вы насчет этого скажете? Ведь бывает же у людей аллергия на самые неожиданные вещества или даже явления. Главный инспектор Крэддок, разумеется, может рассчитывать на любую помощь, которая потребуется от студии «Хеллингфорт» или любого ее сотрудника. Он волен задавать любые вопросы, волен заходить куда угодно. Если они смогут как-то помочь, они с готовностью это сделают. Все они

питали неподдельное уважение к миссис Бэдкок и ценили в ней удивительную общественную жилку и ту важную работу, которую она вела для «Службы скорой помощи Святого Иоанна».

Потом он затянул эту песню снова, слова были другие, но мелодия, несомненно, осталась той же самой. Человек так жаждал помочь, что можно было прийти в умиление. При этом он дал понять, что от мира киностудии все это безумно далеко – он отделен от остального мира целлофановой оболочкой. Но мистер Джейсон Радд и мисс Марина Грегг, да все, кто был в доме, окажут любую возможную помощь, и не сомневайтесь. Потом он легонько покивал головой, раза эдак сорок четыре. Воспользовавшись паузой, Дермот Крэддок поблагодарил:

– Большое спасибо.

Это было произнесено негромко, но ставило такую весомую точку, что мистер Хейли Престон даже встрепенулся. Он пробормотал:

– Ну вот, – и выжидающе смолк.

– Вы сказали, что я могу задавать вопросы.

– Конечно. Конечно. Я весь внимание.

– Она умерла здесь?

– Миссис Бэдкок?

– Да, миссис Бэдкок. На этом самом месте?

– Да, именно. На этом самом. По крайней мере, могу показать вам стул.

Они стояли в углублении возле лестницы. Хейли Престон прошел несколько шагов по коридору и указал на дубовый стул, смахивавший на имитацию.

– Она сидела здесь. Сказала, что ей нездоровится. Кто-то пошел ей что-нибудь принести, и тут она скончалась, прямо на месте.

– Понятно.

– Не знаю, давно ли она была у своего врача. Если ее предупреждали, что с сердцем у нее нелады…

– Никаких неладов с сердцем у нее не было, – прервал его Дермот Крэддок. – На здоровье она не жаловалась. А умерла от того, что приняла средство, произнести официальное название которого я затрудняюсь, а в народе оно называется «Калмо». Только она приняла дозу, превышающую норму в шесть раз.

– Я это средство знаю, – подхватил Хейли Престон. – Сам, бывает, его принимаю.

– Неужели? Это интересно. И что, здорово помогает?

– Да просто чудо, а не лекарство. Взбадривает, если ты сник, а если разгулялся, наоборот, успокаивает. Понимаете, да? Естественно, – добавил он, – дозу надо соблюдать.

– А в доме это средство могло быть?

Он знал ответ на этот вопрос, но сделал вид, что не знает. Хейли Престон и не думал скрывать правду.

– Еще сколько! В каждой туалетной комнате, в шкафчике – минимум по бутылочке.

– Нашу задачу это только усложняет.

– Конечно, – не стал возражать Хейли Престон. – Она могла принять эту штуковину сама, причем обычную дозу, не зная, к примеру, что у нее на это дело аллергия.

Крэддока, судя по выражению лица, это не убедило, Хейли Престон вздохнул и сказал:

– А насчет дозы вы абсолютно уверены?

– Да. Доза была смертельной, а миссис Бэдкок ничего подобного не принимала. Насколько мы выяснили, она вообще ничего и никогда не принимала, разве что питьевую соду или аспирин.

Хейли Престон покачал головой и изрек:

– Выходит, вам есть над чем поломать голову. Да, есть над

чем.

– Где именно мистер Радд и мисс Грегг принимали гостей?

– Вот здесь. – Хейли Престон остановился в определенной точке у верхнего основания лестницы.

Главный инспектор Крэддок подошел и стал рядом. Взглянул на стену напротив. В центре висела картина – итальянская мадонна с младенцем. Хорошая копия, решил Крэддок, и картина довольно известная. Мадонна в голубом платье держит высоко перед собой младенца Иисуса, ребенок и мать смеются. Вокруг стоят люди, их взоры устремлены вверх, на ребенка. Одна из самых симпатичных мадонн, подумал Дермот Крэддок. Справа и слева от картины располагались два узких окна. Общее впечатление довольно радужное, и ничто, решительно ничто не могло заставить женщину оцепенеть, как Леди из Шалотта, которую настигла ее судьба.

– Гости, конечно, поднимались по лестнице? – спросил он.

– Да. Маленькими группками. Одна, другая, сплошного потока не было. Кого-то наверх препровождал я сам, кого-то Элла Зелински, личный секретарь мистера Радда. Мы хотели, чтобы все было мило и неофициально.

– А вы сами были здесь, когда поднялась миссис Бэдкок?

– Неловко признаться, главный инспектор, но этого я не помню. У меня был список имен, я выходил во двор и препровождал нужных гостей в дом. Там я их представлял, обслуживал напитками, потом выходил за следующей партией. В то время я не знал миссис Бэдкок в лицо, а в моем списке ее точно не было.

– Как насчет миссис Бэнтри?

– А-а, она бывшая владелица этого дома, да? Она была в моем списке, и, кажется, миссис Бэдкок и ее муж пришли с миссис Бэнтри примерно в одно время. – Он смолк, задумался. – Тогда же появился и мэр. На нем была цепь, а у его жены мне запомнились желтые волосы и небесно-синее платье с оборками. Их я помню. Но напитками я их не обслуживал – надо было идти за новой партией.

– Кто же угощал напитками их?

– Точно не скажу. Нас на обслуге было трое или четверо. Я знаю, что я пошел вниз, а мэр как раз поднимался мне навстречу.

– А кто еще был на лестнице, когда вы спускались, не вспомните?

– Джим Гэлбрайт, из газетной братии, еще человека три-четыре, я их не знаю. Двое фотографов, один местный, фамилию не помню, и богемная девица из Лондона, она специализируется на неожиданных ракурсах. Ее фотоаппарат был нацелен в то место, где мисс Грегг встречала гостей.

Сейчас, минуточку… кажется, в это время появился Ардуик Фенн.

– Кто такой Ардуик Фенн?

Этот вопрос Хейли Престона прямо-таки поразил.

– Но это же знаменитость, главный инспектор. Большая знаменитость – и на телевидении, и в кино. Мы даже не знали, что он в Англии.

– То есть его приход оказался сюрпризом?

– Еще каким! – подтвердил Престон. – С его стороны это было очень мило, эдакая приятная неожиданность.

– А он что, старый друг мисс Грегг и мистера Радда?

– Когда-то он был близким другом Марины, во времена ее второго брака. А насколько они друзья с Джейсоном, я не знаю.

– Так или иначе, его приход оказался приятным сюрпризом?

– Ну конечно. Мы все были в восторге.

Крэддок кивнул и сменил тему разговора. Он дотошно выпытывал все подробности, связанные с напитками: из чего их делали, как подавали, кто подавал, кто из слуг работает в доме постоянно, а кого наняли специально на этот день.

В результате напрашивался ответ, на который уже намекал инспектор Корниш: отравить Хитер Бэдкок мог любой из тридцати человек, но любого из тридцати могли за этим неблаговидным занятием застукать! Уж больно рискованно!

– Спасибо, – сказал он наконец. – А теперь, если можно, я бы хотел поговорить с мисс Мариной Грегг.

Хейли Престон покачал головой:

– Мне очень жаль. Мне действительно очень жаль, но об этом не может быть и речи.

Брови Крэддока поползли вверх.

– Это почему же?

– Она лежит в лежку. Полнейший упадок сил. Здесь сейчас ее врач. Он выписал ей бумагу, которая подтверждает ее нездоровье. Сейчас я вам ее покажу.

Крэддок взял бумагу и прочитал ее.

– Понятно, – сказал он. – А Марина Грегг всегда держит при себе врача?

– Актеры и актрисы, это ведь такой народ – каждый как натянутая струна. Всю жизнь – под высоким напряжением. Считается, что у знаменитостей должен быть свой врач, который хорошо знает их организм, особенности нервной

системы. У Мориса Гилкриста очень солидная репутация. Он уже много лет следит за состоянием здоровья мисс Грегг. Возможно, вы читали, что последние годы она часто болела. Ее даже в больницу укладывали, и надолго. Она только с год как пришла в норму.

– Понятно.

Увидев, что Крэддок решил больше не настаивать, Хейли Престон вздохнул с облегчением.

– Вы, наверное, хотите поговорить с мистером Раддом? – предположил он. – Мистер Радд… – он взглянул на часы, – вернется со студии минут через десять, если вас это устроит.

– Лучше не придумаешь, – сказал Крэддок. – А пока… Доктор Гилкрист сейчас здесь, прямо в доме?

– Да.

– Тогда я поговорил бы с ним.

– Пожалуйста. Сейчас я его приведу.

Молодой человек поспешно удалился. Дермот Крэддок остался у лестницы. Конечно, застывший взгляд, который живописала миссис Бэнтри, мог быть всего лишь игрой ее воображения. Она ведь из тех, кто торопится с выводами. Хотя… вывод, к которому она пришла, представлялся вполне логичным. Леди из Шалотта, которую настигла ее

судьба, – это скорее всего перебор, но, возможно, Марина Грегг увидела нечто вызвавшее у нее досаду или раздражение. Нечто такое, из-за чего она даже позабыла про гостью, с которой говорила. А что, если по ступеням поднимался нежданный гость – гость весьма нежеланный?

Он обернулся на звук шагов. Вернулся Хейли Престон, с собой он привел доктора Мориса Гилкриста. Дермот Крэддок представлял себе этого человека совершенно иначе. Доктор не был сюсюкающе-обходительным, во внешности его не было ничего театрального. Казалось, это человек грубоватый, добродушный и не склонный ко всяким вывертам. На нем был твидовый костюм, для англичанина слегка вычурный. Голову украшала копна русых волос, темные глаза наблюдательного человека взирали на мир с живостью.

– Доктор Гилкрист? Я главный инспектор Дермот Крэддок. Можно с вами пару слов наедине?

Доктор кивнул. Свернув в коридор, он прошел его почти до конца, толкнул какую-то дверь и пригласил Крэддока войти.

– Здесь нам никто не помешает.

Это, вне сомнения, была собственная комната доктора, очень удобная и хорошо обставленная. Доктор Гилкрист указал гостю на стул и уселся сам.

– Насколько я понял, – начал Крэддок, – мисс Марина

Грегг сейчас не в состоянии отвечать на вопросы, таково ваше профессиональное мнение. Но, собственно говоря, доктор, что с ней?

Гилкрист чуть пожал плечами.

– Нервы, – ответил он. – Если вы начнете сейчас задавать ей вопросы, через десять минут она будет на грани истерики. Я не могу этого позволить. Можете прислать сюда врача из полиции, я с удовольствием изложу ему свою точку зрения. И на дознании она не могла быть по этой же причине.

– И долго она пробудет в таком состоянии?

Доктор Гилкрист взглянул на него и улыбнулся. Улыбка была располагающая.

– Если вас интересует мое мнение, – сказал он, – мнение не врача, а человека, максимум через два дня она не просто захочет видеть вас, она сама попросит послать за вами. Она захочет спрашивать. Захочет отвечать. Так уж они устроены! – Он наклонился вперед: – Сейчас, главный инспектор, попытаюсь вам втолковать, почему эти люди ведут себя именно так, а не иначе. Жизнь в мире кино – это непрерывный стресс, и чем больший успех выпадает на твою долю, тем сильнее стресс. Вся твоя жизнь, с утра до ночи, как на ладони. Всему миру все о тебе известно. А когда идут съемки, когда ты работаешь, – это изнурительный труд, и опять-таки целыми днями. Приезжаешь на съемочную площадку утром, садишься и начинаешь ждать. Скажем,

эпизод у тебя в этот день небольшой, но его переснимают снова и снова. Так ведь его еще надо отрепетировать! А репетировать часто приходится по кусочкам. В фильме-то все получится вполне достоверно и последовательно. Но во время съемки этой последовательности нет и в помине. Так что дело это изнурительное, однообразное. После такого дня ты как выжатый лимон. Живешь, конечно, в роскоши, пожалуйста тебе и успокоительное, и ванны, и кремы с пудрами, и врач по первому зову, и расслабляйся, тут тебе и вечеринки, и с народом общайся сколько влезет, но вся твоя жизнь – как на ладони. И тихо и спокойно наслаждаться жизнью – это дудки. Ты и расслабиться по-настоящему не можешь.

– Понимаю, – сказал Дермот. – Да, я все это понимаю.

– И еще, – продолжал Гилкрист. – Если вы ступили на эту стезю и если как творческая личность вы чего-то стоите, вам обязательно присуще одно свойство. Эти люди – знаю по личному опыту – чересчур чувствительны, уязвимы, их все время мучает неуверенность в себе. Это жуткое чувство – ты все время сомневаешься, вдруг ты не тянешь, не способен на то, что от тебя требуется. Говорят, актеры и актрисы – народ тщеславный. Это неправда. Никакого самолюбования тут нет, а есть вопрос, который все время давит на тебя как пресс: все ли у меня в порядке, достаточно ли я хорош? И тебе нужно самоутверждаться постоянно. Выслушивать чьи-то похвалы, слова восхищения. Спросите Джейсона Радда. Он вам скажет то же самое. Им надо дать почувствовать, что эта задача им по плечу, уверить, что никто другой этого лучше не сделает, терпеливо на-

страивать их, все время подбадривать – пока не добьешься желаемого результата. И все равно они никогда в себе не уверены. И поэтому любой или любая из них, если выражаться языком простым и житейским, – это комок нервов. Сплошь оголенные нервы. И чем хуже у них обстоит дело с нервами, тем лучше они работают.

– Интересно, – пробурчал Крэддок. – Очень интересно. – После паузы он добавил: – Хотя мне не совсем ясно, почему вы…

– Я хочу, чтобы вы поняли, что за человек Марина Грегг, – пояснил Морис Гилкрист. – Ее фильмы вы, конечно, видели.

– Актриса она замечательная. Просто замечательная. И личность, и собой хороша, и человек приятный.

– Да, – согласился Гилкрист, – это все при ней, но ей приходится расходовать массу сил, физических и душевных, чтобы быть тем, кто она есть. В результате нервы ее истерзаны в клочья, и физически крепкой ее не назовешь. Такой крепкой, какой хотелось бы. Да и темперамент у нее будто качели – то впадает в отчаяние, то радуется, как малое дитя. И с этим она ничего поделать не может. Уж такая она есть. За свою жизнь она изрядно настрадалась. В большой степени по собственной вине, это факт, но и не только. Ни в одном из браков она не была счастлива, разве что в нынешнем. Сейчас она замужем за человеком, который ее нежно любит и любил многие годы. Эта любовь для нее – настоящее пристанище, в ней она находит ра-

дость и счастье. По крайней мере сейчас. Трудно сказать, долго ли это протянется. Беда в том, что ей присущи только два состояния. Либо она думает, что наконец-то нашла то самое место или наступил тот самый момент в жизни и теперь сбудутся все сказочные мечты, ничто больше не омрачит ее счастья и небо всегда будет безоблачным. Либо она пребывает в растерзанных чувствах, жизнь ее разбита, любви и счастья никогда не было, нет и не будет. – Он сухо добавил: – Пришвартуйся она где-то посредине – и жить ей стало бы много легче. Но мир потерял бы чудесную актрису.

Он смолк, но и Дермот Крэддок хранил молчание. Он думал: с какой стати Морис Гилкрист все это ему рассказывает? Зачем так подробно анализирует личность Марины Грегг? Между тем Гилкрист выжидательно смотрел на него. Словно убеждал задать один конкретный вопрос. Интересно, какого именно вопроса он ждет? Медленно, как бы нащупывая почву под ногами, Дермот произнес:

– Эта трагедия на нее сильно подействовала?

– Да, – подтвердил Гилкрист. – Очень.

– Сильнее, чем можно было ожидать?

– Ну, это как посмотреть, – уклонился доктор Гилкрист.

– А как можно посмотреть?

– Надо выяснить, что именно на нее так подействовало.

– Ну… – Дермот продолжал искать почву под ногами. – Ее потрясла эта внезапная смерть в самый разгар приема.

На лице собеседника, однако, не дрогнул ни один мускул.

– Может быть, – предположил Дермот, – тут нечто большее?

– Разумеется, нельзя сказать наверняка, как люди будут реагировать на те или другие события. Нельзя, даже если ты хорошо их знаешь. Всегда возможен сюрприз. Марина могла отнестись к этому вполне спокойно, без особых эмоций. Человек она отзывчивый. Могла бы, к примеру, воскликнуть: «Ах, бедняжка, какая трагедия! Как такое могло случиться?» Вполне могла выказать сочувствие, но сильно не расстроиться. В конце концов, смерть на киношной вечеринке – не такая уж большая редкость. Или, будь обстановка достаточно будничной, могла бы предпочесть – на уровне подсознания – окрасить все в драматические тона. Скажем, закатить сцену. Могла быть и другая причина.

Дермот решил взять быка за рога.

– Я бы хотел, – сказал он, – услышать ваше настоящее мнение.

– Не знаю, – последовал ответ. – С уверенностью ничего сказать не могу. – Чуть помолчав, он добавил: – Вы ведь знаете, существует профессиональная этика. Между врачом и пациентом есть определенные отношения.

– Она вам что-то сказала?

– Ну, вот так конкретно – нет.

– А эту женщину, Хитер Бэдкок, Марина Грегг знала? Раньше они встречались?

– Я думаю, она для нее была человеком из толпы, не более, – сказал доктор Гилкрист. – Нет. Дело не в этом. На мой взгляд, Хитер Бэдкок тут вообще ни при чем.

– А этот препарат, «Калмо»? – спросил Дермот. – Марина Грегг сама его иногда принимает?

– Принимает, и еще как. Впрочем, как и все, кто ее окружает. Элла Зелински, Хейли Престон, да что там, половина студии – сейчас это модно. Таких лекарств нынче развелось множество. Одно надоест – люди переходят на другое, поновее, и считают, что оно – просто чудо, оно-то и приводит тебя в норму.

– А на самом деле?

– Лишь отчасти, – сказал Гилкрист. – Свое дело эти средства делают. Успокаивают вас или, наоборот, бодрят, помогают вам осилить что-то, на что вы, как вам казалось, не способны. Я не прописываю подобные лекарства часто, но если их принимать в нормальных дозах, они неопасны. Людям, которые не могут помочь себе сами, они помогают.

– Хотел бы я знать, – сказал Дермот Крэддок, – что именно вы мне пытаетесь втолковать.

– Я пытаюсь решить для себя, – ответил Гилкрист, – в чем именно состоит мой долг. Представьте, его можно трактовать двояко. Есть долг доктора по отношению к своему пациенту. То, чем пациент с ним делится, должно оставаться между ними. Но есть и другая точка зрения. Вам может показаться, что пациенту угрожает опасность. И надо предпринять шаги, чтобы этой опасности избежать.

Он замолчал. Крэддок выжидательно смотрел на него.

– Да, – решился доктор Гилкрист. – Кажется, я знаю, как поступить. Я должен просить вас, главный инспектор Крэддок, сохранить в тайне все, что я сейчас скажу. Не от ваших коллег, разумеется. А от внешнего мира, в особенности от людей, которые находятся в этом доме. Согласны?

– Я не могу полностью связать себе руки, – произнес Крэддок. – Мало ли во что все это может вылиться? Но в принципе я согласен. Другими словами, все, что вы мне сообщите, я постараюсь держать при себе и не рассказывать никому, кроме моих коллег.

– Тогда слушайте. Возможно, это ничего и не значит. Когда женщины взвинчены, как Марина Грегг сейчас, они могут сказать что угодно. И вот что она сказала мне. Хотя, повторяю, возможно, это ничего не значит.

– Что же? – спросил Крэддок.

– После того как умерла эта женщина, Марина была на грани истерики. Послала за мной. Я дал ей успокоительное. Сел рядом, взял ее за руку, пытался как-то успокоить, говорил, что все будет хорошо. Она уже погружалась в сон и вдруг сказала: «Это предназначалось для меня, доктор».

Крэддок пристально посмотрел на него:

– Вот как? А потом… на следующий день?

– Больше об этом – ни словечка. Вскоре я сам ей об этом напомнил. Она уклонилась. Вот ее ответ: «Вы просто ошиблись. Ничего такого я сказать не могла. Наверное, мне ваше лекарство мозги затуманило».

– Но вы считаете, она это сказала на полном серьезе?

– На полнейшем, – подтвердил Гилкрист. – Это не значит, что так оно и есть, – предупреждающе добавил он. – Ее хотели отравить или Хитер Бэдкок – этого я не знаю. Это уже по вашей части. Я лишь говорю, что Марина Грегг, несомненно, была убеждена: чрезмерная доза лекарства предназначалась для нее.

Некоторое время Крэддок хранил молчание. Потом сказал:

– Спасибо, доктор Гилкрист. Вы сказали мне нечто очень

важное, и ваши мотивы мне понятны. Ведь если эти ее слова на чем-то основаны, значит, ей и сейчас угрожает опасность, правда?

– Именно, – согласился Гилкрист. – В этом вся суть.

– У вас есть причины полагать, что дело обстоит именно так?

– Нет.

– И вы не знаете, почему такое могло прийти ей в голову?

– Нет.

– Что ж, спасибо. – Крэддок поднялся. – Еще один вопрос, доктор. А мужу она это не сказала?

Гилкрист медленно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Уверен. Мужу не сказала.

Несколько секунд он смотрел Дермоту прямо в глаза, потом кивнул и спросил:

– Я вам больше не нужен? Ну, прекрасно. Тогда я загляну к больной. Вы поговорите с ней, как только это станет возможным.

Он вышел из комнаты. Крэддок, поджав губы, принялся почти беззвучно что-то насвистывать.

Глава 10

– Джейсон вернулся, – объявил Хейли Престон. – Идемте со мной, главный инспектор. Я провожу вас в его комнату.

Комната, служившая Джейсону Радду кабинетом и гостиной, находилась на первом этаже. Она была уютной, но меблирована без всякой роскоши. И безликой – по такой не определишь, что за человек ее хозяин, каковы его наклонности и пристрастия. Джейсон Радд поднялся из-за стола и вышел навстречу Дермоту. Н-да, подумал Дермот, вот уж кого не назовешь безликим, рядом с таким померкнет любая комната. Хейли Престон был вышколенным служакой и пустозвоном. В Гилкристе чувствовались сила и обаяние. А этого человека распознать нелегко, это Дермот понял сразу. За долгие годы работы в полиции Крэддок повидал немало людей. И мог с одного взгляда оценить потенциальные возможности человека, а зачастую и прочитать мысли собеседника. Здесь же Крэддок мгновенно понял: прочитать мысли Джейсона Радда удастся лишь в той степени, в какой Джейсон Радд это позволит. Глубоко посаженные и задумчивые глаза словно пронзали тебя насквозь, сами же не раскрывали ровным счетом ничего. Неправильной формы встрепанная голова выдавала блестящий интеллект. Лицо клоуна могло вызывать отвращение, но могло и казаться привлекательным. Тут, подумал Дермот, надо внимательно слушать и тщательно все записывать.

– Извините, главный инспектор, если заставил ждать. За-

держали кое-какие осложнения на студии. Выпьете чего-нибудь?

– Сейчас нет, спасибо, мистер Радд.

Лицо клоуна вдруг скривилось, изображая ироническую усмешку.

– Не тот дом, в котором стоит подносить бокал ко рту, вы это подумали?

– Нет, откровенно говоря, не это.

– Нет, конечно же, не это. Хорошо, главный инспектор, что вы хотите узнать? Что вас интересует?

– Мистер Престон довольно подробно ответил на мои вопросы.

– Его ответы вам помогли?

– Помогли, но хотелось бы большего.

Джейсон Радд вопросительно поднял брови.

– Я говорил также с доктором Гилкристом. Узнал от него, что ваша жена еще слаба и встретится со мной попозже.

– Марина очень чувствительна, – сказал Джейсон Радд. – У нее, если честно, случаются нервные срывы. А когда на твоих глазах совершается убийство – это, согласитесь,

причина для нервного срыва.

– Да, приятного тут мало, – сухо изрек Дермот Крэддок.

– Во всяком случае, едва ли моя жена скажет вам больше, чем вы узнаете у меня. Когда все произошло, я стоял рядом с ней, а я, говоря откровенно, человек более наблюдательный, чем моя жена.

– Прежде всего один вопрос, – начал Дермот. – Скорее всего, вы на него уже отвечали, но я хочу задать его снова. Вопрос вот какой: с Хитер Бэдкок вы или ваша жена раньше были знакомы?

Джейсон Радд отрицательно покачал головой:

– Ни в коей степени. По крайней мере я видел ее впервые в жизни. Я получил от нее два письма от имени «Службы скорой помощи Святого Иоанна», но лично с ней я впервые встретился за пять минут до того, как она умерла.

– Но она утверждала, что встречалась с вашей женой?

Джейсон Радд кивнул:

– Да, двенадцать или тринадцать лет назад. На Бермудах. Было какое-то сборище на свежем воздухе в поддержку «Службы скорой помощи». Марина, как я понимаю, его открывала. И миссис Бэдкок, едва ее представили, начала взахлеб рассказывать какую-то длинную историю, как она, хотя лежала в постели с гриппом, все-таки поднялась,

пришла туда и взяла у моей жены автограф.

Ироничная улыбка снова искривила его лицо.

– Могу сказать, главный инспектор, что такое случается на каждом шагу. Обычно толпы людей выстраиваются для того, чтобы взять у моей жены автограф, и эта минута навсегда остается в их памяти дорогим воспоминанием. Понятно, для них это целое событие. Естественно и то, что моя жена из тысяч охотников за автографами никого не помнит. Так что в ее памяти не осталось никаких воспоминаний о мимолетной встрече с миссис Бэдкок.

– Да, это вполне понятно, – согласился Крэддок. – Сторонний наблюдатель сказал мне, мистер Радд, что вид у вашей жены, пока она выслушивала историю Хитер Бэдкок, был несколько рассеянный. Вам тоже так показалось?

– Весьма возможно, – сказал Джейсон Радд. – Особой выносливостью Марина не отличается. Разумеется, она привыкла к тому, что я назвал бы публичной деятельностью, и выполняет эти свои обязанности почти машинально. Но к концу долгого дня внимание ее обычно ослабевает. Возможно, тут был как раз такой момент. Честно говоря, я ничего особенного не заметил. Хотя минутку… Она както не торопилась ответить миссис Бэдкок. Я даже, если не ошибаюсь, легонько толкнул ее локтем.

– Может быть, что-то отвлекло ее внимание? – предположил Дермот.

– Не исключено, но допускаю, что просто сказалась усталость.

Некоторое время Дермот Крэддок молчал. Он смотрел в окно на несколько мрачноватый пейзаж – Госсингтон-Холл густой стеной окружали деревья. Он перевел взгляд на картины, висевшие на стенах, и наконец снова посмотрел на Джейсона Радда. Лицо последнего выражало внимание, но и только. Прочитать его мысли и чувства не представлялось возможным. Держался он любезно и совершенно раскованно, хотя на душе у него, подумал Дермот, могло твориться что угодно. Это был человек исключительных умственных способностей. Из такого ничего не вытянешь, если он сам этого не захочет… разве что выложить козырную карту? Дермот принял решение. Именно так… по козырям.

– А вам не приходило в голову, мистер Радд, что Хитер Бэдкок была отравлена случайно? Что в действительности отравить хотели вашу жену?

В комнате повисло молчание. Джейсон Радд нимало не изменился в лице. Дермот терпеливо ждал. Наконец Джейсон Радд глубоко вздохнул и словно сбросил с себя ношу.

– Да, – негромко произнес он, – вы совершенно правы, главный инспектор. Я с самого начала был в этом уверен.

– Но вы ничего об этом не сказали ни инспектору Корнишу, ни во время дознания.

– Не сказал.

– Почему, мистер Радд?

– Если я отвечу вам, что это лишь мое убеждение, ни на чем не основанное, такой ответ будет достаточно верным. Факты, которыми располагаю я, в той же мере доступны и служителям закона, а они, пожалуй, определяют истину с большей компетентностью, чем я. О миссис Бэдкок как о человеке мне не известно ровным счетом ничего. Допускаю, что у нее были враги, решившие подсыпать ей роковую дозу именно во время этого конкретного сборища, хотя такой вариант выглядит несколько странным и притянутым за уши. И все же это возможно – именно потому, что людей собралось предостаточно, прием большой, много гостей, которых вообще мало кто знает, и в такой обстановке обвинить в преступлении конкретное лицо довольно трудно. Все это так, но буду с вами откровенным, главный инспектор. Я промолчал совсем не по этой причине. Причина в другом. Я не хотел, чтобы у моей жены хотя бы на секунду закралось подозрение, что только чудо спасло ее от смерти и отравить хотели именно ее.

– Благодарю за откровенность, – сказал Дермот. – Хотя ваш мотив мне не вполне понятен.

– Правда? Что ж, постараюсь объяснить. Чтобы это понять, нужно знать Марину. Она из тех, кому позарез нужно быть счастливым и уверенным в себе. В материальном отношении жизнь ее сложилась весьма удачно. Она хорошо известна в мире искусства, а вот на личном фронте… счастье

от нее все время ускользало. Сколько раз ей казалось, что вот наконец-то она обрела счастье, приходила в безумный и безудержный восторг – а потом все ее надежды терпели крах. Она, мистер Крэддок, не способна воспринимать жизнь трезво и рассудочно. Каждый раз, вступая в брак, она, словно читающий сказку ребенок, ждала: вот теперь она заживет счастливо, отныне и во веки веков.

И снова уродливое клоунское лицо внезапно осветилось странной и слегка ироничной улыбкой.

– Но ведь в браке, главный инспектор, так не бывает. Небо не может быть безоблачным вечно. Если кому-то из нас удается прийти к жизни, полной согласия, любви и безмятежности, спокойного счастья, можно считать, что ему здорово повезло. А вы, главный инспектор, – добавил он, – наверное, женаты!

– Такого везенья или невезенья на мою долю пока не выпало, – пробормотал Крэддок в ответ.

– В нашем мире, я имею в виду мир кино, вступление в брак – это профессиональный риск. Кинозвезды вступают в брак довольно часто. Иногда они бывают в нем счастливы, иногда он оборачивается катастрофой, но почти всегда оказывается делом временным. В этом отношении причин жаловаться у Марины ничуть не больше, чем у остальных, но для человека с ее темпераментом такие вещи значат очень много. Она взяла себе в голову, что родилась под несчастливой звездой, что личная жизнь у нее так никогда и не сложится. Она всегда страстно желала одного:

любви, счастья, нежности, уверенности в завтрашнем дне. Она безумно хотела иметь детей. Но, как считают некоторые медицинские светила, сама сила этого желания делала цель начисто недостижимой. Один весьма уважаемый врач посоветовал ей усыновить ребенка. Он сказал: иногда страстная жажда материнства отчасти гаснет, если усыновить ребенка, и тогда вскоре на свет может появиться свой собственный. Марина взяла на воспитание, если не ошибаюсь, троих детей. На время в ее доме поселились относительные счастье и безмятежность, но какая-то червоточинка оставалась. Можете себе представить, в какой восторг она пришла одиннадцать лет назад, когда забеременела. Восторг и предвкушение подлинного счастья были совершенно неописуемы. На здоровье она не жаловалась, и доктора уверяли ее, что все будет в полном порядке. Не знаю, слышали вы или нет, но исход оказался трагическим. Мальчик родился умственно отсталым, слабоумным. В результате – полная катастрофа. Марина была сражена наповал и несколько лет тяжело болела, ее поместили на исцеление в лечебницу. Выздоравливала она медленно, но в конце концов выздоровела. Вскоре после этого мы поженились, и у нее снова проснулся интерес к жизни, ей снова стало казаться, что она сможет обрести счастье. Поначалу ей не удавалось заключить приличный контракт на съемки. Все так или иначе сомневались, хватит ли у нее сил для напряженной работы. Мне пришлось за нее как следует побороться. – Джейсон Радд плотно сжал губы. – Эту битву я выиграл. Съемки картины уже начались. А пока шла борьба, мы купили этот дом и занялись его переделкой. Всего две недели назад Марина говорила мне, как она счастлива, как наконец-то чувствует, что вполне готова для счастли-

вой семейной жизни, а все ее беды остались в прошлом. Я слегка встревожился, потому что оптимизм ее, как обычно, был чрезмерен. Но счастлива она была – в этом сомневаться не приходилось. Симптомы нервного расстройства прекратились, она стала какая-то тихая, спокойная, чего раньше я за ней не замечал. Все шло хорошо, пока… – Он остановился, потом с внезапной горечью добавил: – Пока не случилось это! Этой женщине надо было умереть именно здесь! Для Марины уже это – серьезное потрясение. И я не мог подвергать… да, я решил не подвергать Марину дополнительному риску – незачем ей знать, что кто-то покушался на ее жизнь. Это было бы второе потрясение, и, возможно, роковое. Оно могло бы снова надолго уложить ее в больницу.

Он посмотрел Дермоту прямо в глаза:

– Теперь вы меня понимаете?

– Ваша точка зрения мне ясна, – сказал Крэддок, – но, ради бога, извините, по-моему, вы упускаете из виду нечто важное. Вы почти уверены, что отравить пытались именно вашу жену. Но разве эта опасность исчезла? Если отравитель не добился своего, он ведь, вполне возможно, повторит попытку?

– Естественно, я об этом подумал, – сказал Джейсон Радд, – но теперь, если можно так выразиться, получив предупреждение, я приму все меры предосторожности и смогу обезопасить мою жену. Она будет под моим неусыпным наблюдением, за ее безопасностью будут следить и дру-

гие. Самое главное – она не должна знать, что ей угрожает какая-то опасность.

– И вы полагаете, – осторожно спросил Дермот, – что она этого не знает?

– Конечно, не знает. Понятия не имеет.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Ей это и в голову не придет.

– Но вам-то пришло, – заметил Дермот.

– Это совсем другое дело. Если рассуждать логично, такое объяснение напрашивается само собой. Но логика никогда не была сильным местом моей жены, она даже не сможет представить себе, что кому-то вздумалось от нее избавиться. Ей такая мысль просто не придет в голову.

– Может, вы и правы, – медленно вымолвил Дермот, – но тогда возникают новые вопросы. Позвольте опять-таки не ходить вокруг да около. Кого вы подозреваете?

– Не могу сказать.

– Простите, мистер Радд, «не могу» в смысле «не знаю» или «не хочу говорить»?

На этот вопрос Джейсон Радд ответил сразу:

– В смысле «не знаю». Не знаю, и все тут. Невзлюбить ее так сильно, возненавидеть так сильно, чтобы пойти на убийство, – я не могу себе такого представить, как не может и она. С другой стороны, простые и очевидные факты говорят нам, что произошло именно это.

– Обрисуйте, пожалуйста, факты, которые вам известны.

– Пожалуйста. Обстоятельства довольно ясны. Я налил два коктейля дайкири из кувшина, напиток был приготовлен заранее. Передал их Марине и миссис Бэдкок. Что дальше делала миссис Бэдкок, я не знаю. Видимо, отошла поговорить с кем-то из своих знакомых. Моя жена стояла с бокалом в руке. В эту минуту появились мэр и его жена. Марина поставила свой бокал, нетронутый, и встретила их. Потом еще кое-кого. Приехал наш старый друг, с которым мы не виделись несколько лет, еще кое-кто из местных, двое человек со студии. Все это время бокал с коктейлем стоял на столе позади нас, потому что мы вышли немного вперед, к самой лестнице. Когда жена разговаривала с мэром, по просьбе местных репортеров их несколько раз сфотографировали: мы решили, что местным жителям это будет приятно. Я тем временем принес напитки для новых гостей. Где-то в этом промежутке в бокал моей жены и подсыпали отраву, так мне кажется. Не спрашивайте меня, как это сделали, – задача была явно не из простых. С другой стороны, если у кого-то хватает духа провернуть нечто подобное в открытую, ничуть не маскируясь – удивительно, но факт, – почти никто этого не заметит! Вы спрашиваете, подозреваю ли я кого-нибудь конкретно. Физически отравить бокал с коктейлем могли человек двадцать. По-

нимаете, люди все время перемещались группками, разговаривали, куда-то отходили, разглядывали новшества после ремонта дома. Движение не прекращалось. Я уже об этом думал, думал не раз, старался что-то припомнить… но ничего, абсолютно ничего не указывает на кого-то конкретно.

Он умолк, огорченно вздохнул:

– О том, что было дальше, вы, конечно, уже слышали.

– Хотел бы услышать еще раз от вас.

– Я вернулся к лестнице. Жена обернулась к столу и как раз брала свой бокал. В этот момент ойкнула миссис Бэдкок. Кто-то, видимо, толкнул ее под руку, бокал выскользнул из ее пальцев, упал на пол и разбился. Марина поступила, как и подобает хозяйке. Несколько капель выплеснулось даже на ее юбку. Но она успокоила миссис Бэдкок, вытерла носовым платком ее платье и заставила взять свой бокал. Если не ошибаюсь, она сказала: «Я уже и так выпила достаточно». Вот и все. Но одно могу сказать точно. Роковую дозу не могли подсыпать после этой сцены, потому что миссис Бэдкок стала пить из бокала сразу, как взяла его из рук Марины. А через четыре или пять минут она умерла. Интересно, что испытал отравитель, когда увидел, как рухнул его план…

– Вы все это поняли сразу?

– Нет, конечно. Сразу я решил – вполне естественно, – что

у этой женщины приступ. Сердце, коронарный тромбоз, что-нибудь такое. Мысль об отравлении мне и в голову не пришла. Да и вам бы не пришла… вообще никому.

– Возможно, вы правы, – признал Дермот. – Что ж, картину вы обрисовали довольно четко, в фактах вы не сомневаетесь. И говорите, что никого конкретно не подозреваете. Тут у меня возникают сомнения.

– Уверяю вас, это чистая правда.

– Давайте зайдем с другой стороны. Есть ли люди, которым ваша жена мешает? Это звучит мелодраматично, но кто ее враги?

Джейсон Радд выразительно вскинул руку.

– Враги? Враги? Попробуй определи, что такое враг. Мир, в котором обитает моя жена и я, полон зависти и ревности. И всегда найдется желающий сказать про тебя какую-нибудь гадость, пустить слушок, при случае подставить ножку. Но это вовсе не значит, что такой человек – убийца, его даже не назовешь потенциальным убийцей. Вы согласны?

– Да. Чтобы решиться на убийство, мелочной неприязни или зависти недостаточно. Может быть, ваша жена кому-то причинила страдания в прошлом?

На сей раз категоричного «нет» не последовало. Джейсон Радд нахмурился.

– Честно говоря, думаю, таких нет, – произнес он наконец. – Могу добавить, что я уже размышлял об этом.

– Какой-нибудь роман, связь с мужчиной?

– Романы, конечно, были. Да, можно предположить, что с кем-то из мужчин Марина обошлась не лучшим образом. Но чтобы кто-то долгие годы держал камень за пазухой… Такого не было, уверен.

– Тогда женщины? Кто-нибудь мог питать к мисс Грегг стойкую ненависть?

– Женщины – существа непростые, – сказал Джейсон Радд. – И все же так сразу никого назвать не могу.

– А кому смерть вашей жены принесет материальную выгоду?

– В ее завещании указаны многие, но суммы невелики. Материальную выгоду, как вы говорите, получу я, то есть ее муж, да, пожалуй, актриса, которая заменит ее на съемках. Хотя не исключено, что фильм теперь вообще рассыплется. Тут наверняка не скажешь.

– Ладно, пока не будем заострять на этом внимание, – предложил Дермот.

– Вы обещаете, что Марине ничего не будет сказано о возможной опасности?

– А вот этим надо заняться серьезно, – сказал Дермот. – Но я хочу, чтобы вы поняли – скрывая от жены правду, вы подвергаете ее риску. Впрочем, ближайшие несколько дней, пока ваша жена находится под наблюдением врачей, опасаться нечего. У меня к вам еще одна просьба. Составьте, пожалуйста, по возможности полный список людей, находившихся на площадке у верха лестницы или поднимавшихся по ступеням в момент убийства.

– Постараюсь, хотя не уверен, припомню ли всех. Лучше попросить об этом мою секретаршу, Эллу Зелински. У нее блестящая память, у нее же должны быть списки приглашенных. Если хотите поговорить с ней сейчас…

– Хочу, и даже очень.

Глава 11

1

Элла Зелински бесстрастно взирала на Дермота Крэддока сквозь массивные очки в роговой оправе, а он думал – надо же, чтобы так повезло! Спокойно и по-деловому она выдернула из ящика стола листок с машинописным текстом и протянула его Крэддоку.

– Могу сказать почти наверняка – сверх этого списка не было никого, – сообщила она. – Но, возможно, есть двое или трое лишних – кое-кто из местной публики. То ли до них не дошло приглашение, то ли они быстро ушли. Короче, я почти уверена, что этот список точен.

– Очень квалифицированная работа, позвольте сделать

вам комплимент, – сказал Дермот.

– Спасибо.

– Наверное… извините, я в этом полный профан… наверное, ваша работа требует высокой квалификации?

– Все должно быть отпечатано четко и ясно, это факт.

– А каковы ваши обязанности? Вы, если можно так выразиться, осуществляете связь между студией и Госсингтон-Холлом?

– Нет. К работе студии я не имею никакого отношения, разве что отвечаю на звонки оттуда либо звоню на студию сама. На мне – светская жизнь Марины Грегг, ее деловые и личные контакты, ну и в определенной степени я слежу за ведением хозяйства.

– Работа нравится?

– За нее щедро платят, и она достаточно интересна. Впрочем, убийство в контракте оговорено не было, – добавила она сухо.

– Вы были потрясены?

– Так сильно, что хочу спросить: вы уверены, что это убийство?

– Шестикратная доза гиэтилмексина и так далее – чем еще

это может быть?

– Несчастным случаем.

– Но как, на ваш взгляд, такой несчастный случай мог произойти?

– Вам трудно себе это представить, потому что вы не знаете обстановки. Этот дом – просто склад всякого снадобья. Я вовсе не имею в виду наркотики. Речь идет о лекарствах, выписанных доктором, но, как часто бывает в медицине, так называемая смертельная доза не всегда сильно отличается от дозы лечебной.

Дермот кивнул.

– У людей театра и кино разного рода провалы в памяти – дело вполне обыкновенное. Иногда мне кажется, чем больше ты талантлив как художник, тем меньше у тебя здравого смысла в каждодневной жизни.

– Вполне возможно.

– А сколько они таскают с собой всяких бутылочек, облаток, порошков, капсул и всяких коробочек! Успокоительное в кармашке, тоник в сумочке, таблетка для поднятия духа еще бог знает где – мудрено ли перепутать?

– Но все это едва ли применимо к нашему случаю.

– Как сказать. Допустим, кому-то из гостей потребовалось

успокоиться или взбодриться, он (или она) достал свою бутылочку и то ли потому, что с кем-то в эту секунду разговаривал, то ли потому, что забыл дозу – давно это средство не принимал, – положил себе в бокал больше, чем полагается. Потом отвлекся и куда-нибудь отошел, а в это время появляется миссис, запамятовала ее фамилию, думает, что это бокал ее, хватает его и выпивает. По мне, такая версия куда правдоподобнее всего остального.

– Надеюсь, вы понимаете, что подобные варианты мы тоже рассматривали.

– Понимаю. И все же там бродило столько людей, столько бокалов с напитками повсюду стояло! Берешь чужой и выпиваешь из него – это не такая уж редкость.

– То есть вы не думаете, что кто-то намеренно отравил Хитер Бэдкок? По-вашему, она просто выпила из чужого бокала?

– Мне кажется, что это – самое вероятное.

– В таком случае, – сказал Дермот, тщательно подбирая слова, – это был бокал Марины Грегг. Понимаете? Ведь Марина передала умершей свой бокал.

– Может, она только думала, что это ее бокал, – поправила его Элла Зелински. – Вы ведь с Мариной еще не разговаривали? Она рассеянна до крайности. Она может взять любой бокал, похожий на тот, что был у нее, и выпить из него. Я не раз видела, как она это делала.

– А «Калмо» она принимает?

– О да, как все мы.

– И вы тоже, мисс Зелински?

– Бывает. В таких делах люди склонны обезьянничать.

– Я бы очень хотел поговорить с мисс Грегг, – сказал Дермот. – Она… на удивление долго не может прийти в себя.

– Это просто каприз, истерика, – объяснила Элла Зелински. – Она же все время себя заводит. А тут – убийство! Оно не может не выбить ее из колеи.

– А вас, мисс Зелински, не может выбить?

– Когда вокруг тебя целыми днями все только ахают да хватаются за сердце, – сухо ответила Элла, – поневоле впадаешь в другую крайность.

– Вы гордитесь тем, что и бровью не ведете, когда рядом разыгрывается трагедия?

Она обдумала его слова.

– Возможно, это не самая милая черта. Но мне кажется, если такой иммунитет у себя не разовьешь, сама живо чокнешься.

– А у мисс Грегг было… у мисс Грегг трудно работать?

Это был в некотором роде интимный вопрос, но Дермот Крэддок решил провести легкий эксперимент. Если Элла Зелински вскинет голову и глазами спросит его, какое отношение это имеет к убийству миссис Бэдкок, придется признать, что миссис Бэдкок тут действительно ни при чем. Но вдруг Элла Зелински захочет рассказать, что она думает о Марине Грегг?

– Она прекрасная актриса. Ее личное обаяние беспредельно, и оно необыкновенным образом ощущается на экране. Работать у такого человека – большая честь. Ну а в личном плане это, конечно же, чистый кошмар!

– Ага… – пробормотал Дермот.

– Промежуточных состояний она не знает. Либо на седьмом небе от счастья, либо на дне бездны, эмоции все время через край, а на неделе у нее обязательно семь пятниц, да не дай бог упомянуть при ней третье, пятое и десятое, потому что она обязательно расстроится.

– Например?

– Ни в коем случае – про нервные срывы, про лечебницы для нервных больных. Понятно, к таким темам она особо чувствительна. Ни слова – про детей.

– А чем не угодили дети?

– Представьте, не может видеть детей, слышать о ком-то, кто счастлив с детьми. Стоит ей узнать, что у кого-то появился или вот-вот появится ребенок, она тут же становится несчастной. Ведь рожать она больше не может, а тот ребенок, что все-таки родился, оказался недоразвитым. Вы, наверное, про это слышали?

– Слышал. Печальная история, большое несчастье. Но ведь прошло столько лет, казалось бы, это должно как-то забыться.

– Не забылось. У нее это прямо болезнь. Дети наводят ее на горькие мысли.

– А как к этому относится мистер Радд?

– Ну, ребенок-то был не его. Отец – ее прежний муж, Изидор Райт.

– Прежний муж. Интересно, а где он сейчас?

– Снова женился и живет во Флориде, – без раздумья ответила Элла Зелински.

– Как вы считаете, у Марины Грегг за ее жизнь набралось много врагов?

– Не сказала бы, что сверх меры. Как у всех. Разумеется, враги возникают: из-за другого мужчины, из-за другой женщины, из-за выгодного контракта или зависти. Обыч-

ное дело.

– Вам не казалось, что она кого-то боится?

– Марина? Кого-то боится? Не казалось. Боится? С какой стати?

– Не знаю, – признался Дермот. Он взял лист с перечнем фамилий. – Большое спасибо, мисс Зелински. Появятся вопросы – я к вам снова обращусь, если не возражаете.

– Пожалуйста. Буду рада… все мы будем рады вам как-то помочь.

2

– Ну, что принес мне, братец Том?

Детектив-сержант Тиддлер понимающе ухмыльнулся. Его звали вовсе не Том, а Уильям, но коллеги просто не могли удержаться: кто же не знает Тома Тиддлера из детской считалочки!

– Сколько золота принес мне, сколько серебра? – продолжал игру Дермот Крэддок.

Они стояли возле «Синего вепря», Тиддлер провел день на киностудии и только что вернулся.

– С золотом слабовато, – сказал Тиддлер. – Сплетен мало. Пугающих слухов тоже. Кое-кто намекает на самоубийство.

– Почему самоубийство?

– Полагают, она могла повздорить с мужем и хотела, чтобы он ее пожалел. В таком духе. Но накладывать на себя руки она, естественно, не собиралась.

– Едва ли это похоже на правду, – заметил Дермот.

– Конечно, не похоже. В общем, они там ничего толком не знают. Варятся в собственном соку. Только и разговоров, что шоу надо продолжать, да съемку надо продолжать, да камеры должны работать. Сыплют своей терминологией, я в ней не силен. Их одно волнует: когда Марина Грегг вернется на площадку. Она уже до этого пару раз срывала съемки – устраивала истерику.

– Но в целом они ее любят?

– Я бы так сказал: они сыты ее штучками по горло, но, когда она в настроении, когда готова быть божеством – они ее обожают. Кстати, муж от нее без ума.

– Что там думают о нем?

– Что такого режиссера, или продюсера, или как там он у них называется, еще свет не видывал.

– А нет разговоров, что у него роман с какой-нибудь звездой или просто с кем-то на стороне?

Том Тиддлер внимательно посмотрел на него.

– Нет, – ответил он. – Нет. Никто и словом не обмолвился. А вы считаете, что-то такое могло быть?

– Мало ли, – уклончиво ответил Дермот. – Марина Грегг уверена, что смертельная доза предназначалась для нее – вот в чем дело.

– Она и сейчас так считает? Думаете, она права?

– Почти наверняка, – категорично заявил Дермот. – Но важно не это. Она сказала об этом не мужу, а только доктору – вот что важно.

– Вы считаете, она сказала бы и ему, если…

– Я просто подумал, – произнес Крэддок, – вдруг она заподозрила мужа, будто это его рук дело. По крайней мере, поведение доктора меня насторожило. Может, это всего лишь плод моего воображения, но обычно чутье меня не подводит.

– Во всяком случае, на студии про это не говорят, – сказал Том. – А такое обычно не скроешь.

– А у нее самой другого мужчины нет?

– Нет, судя по всему, она хранит верность Радду.

– Может, какие-то пикантные подробности из ее прошло-

го?

Тиддлер ухмыльнулся:

– Только то, что можно прочитать в любом киношном журнале.

– Пожалуй, мне придется их полистать, – сказал Дермот, – проникнуться атмосферой.

– Бульварные новости из мира кино! – воскликнул Тиддлер.

– Интересно знать, – произнес Дермот задумчиво, – читает ли эти журналы мисс Марпл?

– Старушка, что живет возле церкви?

– Она самая.

– Говорят, сметливая. И все, что в здешних краях происходит, ей известно. Может, насчет киношников она вас не очень просветит, но всю подноготную Бэдкоков выложит, голову даю на отсечение.

– Это раньше было просто, – возразил Дермот. – А теперь тут не такая тихая заводь, как прежде. Вон сколько нового жилья понастроили. Бэдкоки поселились как раз там, причем не так давно.

– Местные сплетни до меня, естественно, не дошли. В ос-

новном – интимная жизнь кинозвезд.

– Но и про нее вы ничего особенного не узнали, – пробурчал Дермот. – А в прошлом Марины Грегг не нашлось ничего интересного?

– Несколько раз прогулялась замуж, но не больше, чем у них это принято. Первому мужу не нравилось, что ей некогда было его ублажать, хотя сам он был человеком заурядным. Чем-то он торговал, землей, что ли.

– Наверное, был агентом по продаже недвижимости.

– Короче, в ее образ жизни он не вписывался, не хватало надлежащего блеска, она с ним развелась и вышла замуж за какого-то иностранца – то ли графа, то ли принца. Тут вообще все кончилось в одночасье, и никто сильно не убивался. Она просто стряхнула его с себя и живо нашла третьего супружника. Кинозвезду, Роберта Траскотта. Этот брак якобы был пылким и страстным. Его не хотела отпускать прежняя жена, но в конце концов ей пришлось поднять лапки. Все-таки большие алименты. Как я понимаю, эти кинознаменитости потому и стеснены в средствах, что платят своим бывшим женам бешеные алименты.

– Но и этот брак не состоялся?

– Точно. Тут, кажется, разбитым оказалось ее сердце. Но еще через пару лет – очередная великая любовь. Изидор… фамилию не помню – драматург.

– Н-да, экзотика, – резюмировал Дермот. – Ладно, на сегодня хватит. Завтра нам предстоит тяжелая работа.

– Какая?

– Перелопатить список гостей. Двадцать с лишним фамилий надо свести к минимуму, а среди оставшихся будем искать нашего икса.

– Пока никаких идей насчет того, кто он?

– Ни малейших. Если только это не Джейсон Радд, – добавил Дермот, скривив губы в ироничной улыбке. – Пойду к мисс Марпл – надеюсь, она выложит мне все местные новости и интриги.

Глава 12

Мисс Марпл вела расследование, сообразуясь с собственной методикой.

– Вы очень добры, миссис Джеймсон, очень добры. Я вам так благодарна!

– Что вы, мисс Марпл. Я рада оказать вам услугу. Вам, наверное, нужны самые свежие?

– Как раз нет, – сказала мисс Марпл. – За прошлые годы даже лучше.

– Тогда пожалуйста, – предложила миссис Джеймсон, – вполне подходящая стопка, а мы без них вполне обой-

демся, не беспокойтесь. Так что держите их сколько понадобится. Только нести вам будет тяжело. Дженни, в каком состоянии твоя клиентка?

– В прекрасном, миссис Джеймсон. Я вымыла ей голову, и сейчас она сушится.

– В таком случае, дорогая, будь любезна, проводи мисс Марпл и отнеси для нее эти журналы. Что вы, что вы, мисс Марпл, никакого беспокойства. Всегда рады вам помочь.

Какими добрыми бывают люди, размышляла мисс Марпл, особенно если они знают тебя всю жизнь. Миссис Джеймсон уже много лет держала салон-парикмахерскую и теперь набралась храбрости, чтобы, шагая в ногу со временем, перекрасить вывеску и назвать свое заведение по-современному: ДИАНА. МОДНЫЕ ПРИЧЕСКИ. В остальном парикмахерская почти не изменилась, да и клиенты обслуживались на прежнем уровне. Здесь делали прочную и не лишенную изящества завивку, могли подкорнать и молодое поколение из не слишком прихотливых. Но в основном клиентуру миссис Джеймсон составляли солидные пожилые и слегка закосневшие в своих привычках дамы, которых почти нигде больше не могли постричь так, как им того хотелось.

– Интересно, – воскликнула Черри на следующее утро, собираясь пропылесосить неукротимым «Хувером» гостиную, как она продолжала называть про себя залу. – Это еще что такое?

– Стараюсь разобраться, – ответила мисс Марпл, – что происходит в мире кино.

Она отложила в сторону журнал «Новости кино» и взяла «В мире звезд».

– Очень занимательное чтение. Читаешь и видишь, что их жизнь во многом походит на нашу.

– Вот уж у кого не жизнь, а сказка, – вздохнула Черри.

– У них свой мир, – заметила мисс Марпл. – Довольно необычный. И тем не менее… читаю и вспоминаю, что мне рассказывала подруга. Она работала медсестрой в больнице. Так у них то же самое – на все смотрят просто, сплетничают и слухи распускают. И от докторов, которые покрасивее, просто некуда деваться.

– Откуда вдруг такой интерес к миру кино? – полюбопытствовала Черри.

– Вязать мне стало труднее, – объяснила мисс Марпл. – Тут, надо признаться, шрифт мелковат, но можно взять увеличительное стекло.

Черри с удивлением взглянула на нее:

– От вас так и жди сюрприза. Что вас только не интересует!

– Меня интересует все.

– Чтобы в вашем возрасте увлечься чем-то новым?

Мисс Марпл покачала головой:

– Ничего нового тут нет. Меня интересует человеческая природа, а она всегда одинакова, будь то кинозвезды, больничные сестры, жители Сент-Мэри-Мид или, – задумчиво добавила она, – жители Новых Домов.

– Большого сходства между собой и кинозвездой я не вижу, – засмеялась Черри. – Тем хуже для меня. Наверное, вы увлеклись миром кино, потому что в Госсингтон-Холле поселилась Марина Грегг с мужем?

– Отчасти это, а отчасти происшедшее там печальное событие.

– Вы про миссис Бэдкок? Да, не повезло бедняжке.

– А что об этом думают в… – Буква «Н» застыла на губах мисс Марпл, но так и не слетела с них. – Что об этом думаете вы и ваши друзья? – внесла она уточнение в свой вопрос.

– Дело темное, – сказала Черри. – С виду как будто убийство, хотя полиция помалкивает, ничего прямо не говорит. Но похоже все равно на это.

– Другого объяснения я просто не вижу, – высказала свою точку зрения мисс Марпл.

– О самоубийстве и речи быть не может, – поддержала ее Черри. – Хитер Бэдкок не из таких.

– Вы хорошо ее знали?

– Не очень. Скорее почти не знала. Она из тех, кому до всего есть дело. Только и пристают: вступите в общество, займитесь сбором средств, придите на собрание и тому подобное. Энергия бьет ключом. Мне кажется, ее мужу это иногда здорово надоедало.

– Но серьезных врагов у нее как будто не было?

– Люди от нее иногда уставали. Но я даже не представляю, кто мог бы ее убить, разве что муж. Но ему такое дело не осилить – слабак. В общем, как говорится, правда наружу выйдет. Хотя я слышала, что злодей Криппен, к примеру, был просто восторг, а не мужчина, а человека, очаровательнее Хейга,[3] что все свои жертвы мариновал в баке с кислотой, свет вообще не видывал. Так что кто знает?

– Бедный мистер Бэдкок, – горестно произнесла мисс Марпл.

– Между прочим, говорят, что в тот день он был словно в воду опущенный, нервничал – до того, как все случилось, – но люди всегда болтают такое. Я вам скажу – так хорошо, как сейчас, он уже много лет не выглядел. Будто в нем жизнь проснулась.

– Неужели?

– Вообще-то никто всерьез не думает, что это он, – сказала Черри. – Просто больше уж совсем некому. Так что мысль про несчастный случай сама в голову лезет. Ведь всякое бывает. Вот ты думаешь, что в грибах хорошо разбираешься, и идешь их собирать. Все тебе попадутся какие надо, а один ядовитый, и пожалуйста – катаешься, схватившись за живот, да молишь бога, чтобы врач вовремя поспел.

– Коктейли и бокалы с хересом – не очень это вяжется с несчастным случаем, – заметила мисс Марпл.

– Ну, не знаю, – возразила Черри. – Схватили по ошибке не ту бутылку – и вся недолга. У меня есть знакомые, так они однажды всей семьей приняли концентрированную дозу ДДТ. Чудом уцелели.

– Несчастный случай… – задумчиво повторила мисс Марпл. – Да, это самое удобное решение. Надо признаться, я и сама не верю, что кто-то имел намерение убить Хитер Бэдкок. Не говорю, что это невозможно. В этом мире возможно все, но уж больно это не похоже на правду. Нет, не похоже. – Перелистав страницы журнала, она потянулась за другим.

– Вы ищете что-то конкретное?

– Нет, – ответила мисс Марпл, – просто какие-нибудь необычные истории – о людях, об их образе жизни, что-то такое – вдруг поможет.

И она снова погрузилась в чтение журналов, а Черри с пылесосом перебралась на второй этаж. Мисс Марпл так увлеклась, что даже порозовела от удовольствия. С возрастом она стала слегка глуховата и не услышала, как кто-то прошел по садовой дорожке и приблизился к окну залы. Лишь когда на страницу упала легкая тень, она подняла голову. У окна, улыбаясь, стоял Дермот Крэддок.

– Выполняем домашнее задание? – поинтересовался он.

– Инспектор Крэддок, как это мило с вашей стороны. Надо же, нашли для меня время. Чашечку кофе? Или, может быть, бокал хереса?

– Хереса выпью с превеликой радостью, – не стал отказываться Дермот. – Сидите, сидите, – остановил ее он. – Я зайду в дом и сам попрошу.

Войдя через боковую дверь, он вскоре присоединился к мисс Марпл.

– Ну и как? – спросил он. – Эта макулатура навела вас на интересные мысли?

– Еще какие! Знаете, меня шокировать довольно трудно, но на сей раз я в легком шоке.

– Что же вас шокировало? Личная жизнь кинозвезд?

– О нет. Вовсе нет! Это как раз вполне естественно, если

учесть обстоятельства, деньги, которые проходят через их руки, возможности сойтись друг с другом. Нет, тут все естественно. Меня шокирует другое – как это написано! Я, знаете ли, человек старомодный и считаю, что такие вещи совершенно непозволительны.

– Новости! – Крэддок пожал плечами. – Иногда под видом объективного комментария можно столько грязи вылить, только держись.

– Верно, – мисс Марпл кивнула. – И меня это страшно злит. Вы, наверное, думаете: вот, старая дуреха, нашла что читать. Но ведь так хочется быть в курсе дела, а сидя дома много не узнаешь.

– Я так и подумал. Потому и решил прийти и ввести вас в курс дела.

– Дорогой мой мальчик, простите, ради бога, но ваше начальство ведь не погладит вас за это по головке, а?

– Ничего страшного, – ответил Дермот. – Я принес вам список. Эти люди стояли на площадке у лестницы в тот короткий отрезок времени, когда туда поднялась Хитер Бэдкок, и вплоть до ее смерти. Многих мы сами вычеркнули, возможно, и поспешили, но я так не думаю. Скажем, мэра с женой, члена местного совета с женой, еще кое-кого из местных, зато мужа оставили. Если я правильно помню, вы к мужьям всегда относились с подозрением.

– Как правило, в списке подозреваемых они первые, – слов-

но извиняясь, сказала мисс Марпл. – А то, что приходит в голову первым делом, часто оказывается правдой.

– Готов под этими словами подписаться.

– Но о каком муже, мой дорогой мальчик, вы ведете речь?

– А вы как считаете? – спросил Дермот, пристально посмотрев на собеседницу.

Взглянула на него и мисс Марпл.

– Джейсон Радд? – спросила она.

– Ага! – воскликнул Крэддок. – Мы с вами мыслим одинаково. Не думаю, что тут как-то замешан Артур Бэдкок – ведь никто не собирался убивать Хитер Бэдкок! Жертвой должна была стать Марина Грегг.

– В этом почти нет сомнений?

– Если мы пришли к такому выводу, поле деятельности сразу расширяется. Я скажу вам, кто там был, что они видели или утверждают, что видели, – в этом особой тайны нет. Будь вы там, вы бы все это видели своими глазами. Так что я поговорю с вами о том, что вам и так вполне могло быть известно, – едва ли мое начальство, как вы его называете, будет против этого возражать.

– Что ж, все логично, мой дорогой мальчик, – похвалила мисс Марпл.

– Я вкратце изложу вам то, что мне стало известно, а потом перейдем к списку.

Он быстро ввел ее в курс дела, потом достал список.

– Кто-нибудь из них, – сказал он. – Мой крестный отец сэр Генри Клитеринг рассказывал мне, что когда-то у вас здесь был клуб. Назывался «Во вторник вечером». Вы все по очереди обедали друг у друга, и кто-то рассказывал историю – обязательно невыдуманную и обязательно с загадочным концом. Разгадку, кроме рассказчика, никто не знал. И каждый раз, говорил крестный, вы угадывали правильный ответ. Вот я и пришел предложить – не хотите ли с утра погадать?

– Ну, это он переборщил, – укоризненно заметила мисс Марпл. – Кстати, один вопрос есть у меня.

– Да?

– Как у нее насчет детей?

– Детей? У нее только один ребенок. Умственно отсталый, в Америке, его держат в лечебнице. Вы про это спрашиваете?

– Нет. Это, конечно, очень печально. Такие трагедии случаются, и винить в них некого. Я не про это. Я про детей, о которых идет речь в этой статье. – Она постучала по лежащим перед ней газетам. – Которых она усыновила.

Если не путаю, два мальчика и девочка. В одном случае ей написала письмо многодетная мать, имевшая на воспитание детей мало денег, и сама предложила ей взять одного ребенка. Про эту историю трубили все газеты, и все писали какую-то слащавую чушь. Что мать, мол, правильно поняла материнский долг и что ребенок теперь будет жить в прекрасных условиях, получит отличное образование, его ждет хорошее будущее. А насчет двух других мне почти ничего выяснить не удалось. Один, как я поняла, был иностранным беженцем, а другая – из какой-то американской семьи. Марина Грегг всех их усыновила в разное время. Хотелось бы знать, что с ними случилось.

Дермот Крэддок с любопытством взглянул на нее.

– Странно, что вы об этом подумали, – сказал он. – Ведь и меня мысль об этих детях смутно беспокоит. Но как вы их связываете с этой историей?

– Насколько я понимаю, они с ней не живут?

– Я думаю, они всем обеспечены. Да что там думать, в законе об усыновлении об этом сказано прямо. Скорее всего, она открыла для них фонд и перевела туда деньги.

– Выходит, когда она… устала от них, – подытожила мисс Марпл, сделав легкую паузу перед словом «устала», – она просто выкинула их вон. Лишив всей роскоши, среди которой они выросли, всех преимуществ. Так?

– Может быть, – с сомнением произнес Крэддок. – Точно

не знаю. – Он продолжал взирать на нее с любопытством.

– Дети ведь, знаете ли, – мисс Марпл кивнула, словно соглашаясь с собой, – все тонко чувствуют. Взрослые и представить себе не могут, насколько тонко. Дети остро переживают, если их обидят, откажутся от них, посягнут на их права. Преимуществами всего не заменишь. И образованием тоже, и уютным жилищем, и твердым доходом, даже толчком в карьере. Такая рана не заживает.

– Согласен. Но думаю, что… по-моему, это несколько притянуто за уши… А вы что об этом думаете?

– Ну, далеко идущих выводов я не делала, – сказала мисс Марпл. – Просто хотелось бы знать, где эти дети сейчас, сколько им лет. Из того, что я здесь вычитала, следует, что они вполне взрослые.

– Это мы выясним, – медленно проговорил Дермот Крэддок.

– Я вовсе не хотела вас беспокоить и совсем не уверена, что эта моя мысль чего-то стоит.

– Выясним, – повторил Дермот Крэддок. – Не помешает. – Он что-то черкнул в своей книжке. – На мой список взглянуть хотите?

– Тут я едва ли смогу вам помочь. Я почти никого из них не знаю.

– Буду вас просвещать по ходу дела. Поехали. Джейсон Радд, муж (мужья всегда на первом месте среди подозреваемых). Все в один голос твердят, что Джейсон Радд ее обожает. Это само по себе подозрительно, согласны?

– Вовсе не обязательно, – ответствовала мисс Марпл с достоинством.

– Он активно пытался скрыть тот факт, что отравить на самом деле хотели его жену. Полиции он об этом и словом не намекнул. Неужели он считает нас ослами, которые сами до этого додуматься не могли? Нам первым делом пришло в голову именно это. Во всяком случае, мне он дал такое объяснение: боялся, что разговоры об этом дойдут до его жены и она ударится в панику.

– Она из тех, кто ударяется в панику?

– Да, она неврастеничка, легко выходит из себя, подвержена нервным вспышкам, перепадам настроения.

– Но это вовсе не значит, что она трусиха, – заметила мисс Марпл.

– С другой стороны, – продолжал Крэддок, – если она хорошо знает, что отравить собирались именно ее, ей может быть известно и кто это сделал.

– Думаете, она знает отравителя, но не хочет его называть?

– Я просто говорю, что такое возможно, а раз так, задаешь себе вопрос: почему нет? Допустим, она не хочет, чтобы мотив, суть всей истории, стал известен мужу.

– Интересно, – сказала мисс Марпл.

– Вот еще несколько имен. Секретарша Элла Зелински. Исключительно деловая и компетентная молодая дама.

– Думаете, у нее роман с мужем хозяйки? – спросила мисс Марпл.

– Почти не сомневаюсь, – заявил Крэддок. – Но почему так думаете вы?

– Ну, такое бывает часто, – сказала мисс Марпл. – Значит, от большой любви к бедной Марине Грегг она не страдает?

– Что вполне может быть мотивом для убийства, – заключил Крэддок.

– Секретарши и помощницы часто влюбляются в мужей своих хозяек, – продолжала мисс Марпл, – но мало кто из них решается соперницу отравить.

– Исключения всегда бывают. Дальше, там были два местных фотографа и еще дамочка из Лондона плюс двое газетчиков. Они почти наверняка ни при чем, но мы все равно их проверим. Еще была женщина, когда-то бывшая женой второго или третьего мужа Марины Грегг. То есть Мари-

на его у нее увела, и та отнюдь не была в восторге. Но с тех пор прошло одиннадцать или двенадцать лет. Трудно представить, что она приехала на это сборище специально, чтобы отомстить Марине за старую обиду. Был также некий Ардуик Фенн, когда-то близкий друг Марины. Они много лет не виделись. Никто не знал, что он сейчас в этих краях, и его появление было большой сенсацией.

– Она могла вздрогнуть, когда увидела его?

– Вполне.

– Вздрогнуть – и испугаться.

– «Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг…» – процитировал Крэддок. – Именно. Дальше. Взад-вперед носился Хейли Престон, делая свою работу. Очень словоохотлив, но ничего определенного не слышал, не видел, не знает. И всячески это подчеркивает. Что-нибудь конкретное в голову приходит?

– Не сказала бы, – ответила мисс Марпл. – Но интересных вариантов много. И все же хочется подробнее узнать о детях.

Он с любопытством взглянул на нее.

– Дались вам эти дети, – выговорил он. – Хорошо, постараюсь выяснить.

Глава 13

– Едва ли это мэр, – с затаенной надеждой произнес инспектор Корниш.

Он постучал карандашом по листу с именами. Дермот Крэддок усмехнулся.

– А хотелось бы? – спросил он.

– Еще как, – признался Корниш. – Напыщенный ханжа и лицемер! Им все сыты по горло. Строит из себя святошу, каких свет не видывал, а сам вовсю пользуется своим положением да и в лапу берет вот уже сколько лет!

– И что, вы не можете его взять за воротник?

– Нет. Уж больно ловок мерзавец. Умудряется оставаться в рамках закона.

– Да, свалить все на него было бы соблазнительно, – согласился Дермот Крэддок. – Но, боюсь, Фрэнк, эту голубую мечту придется выбросить из головы.

– Знаю, – сказал Корниш. – Теоретически возможно, что это он, но реально – едва ли. Кто у нас там еще?

Мужчины заглянули в список. В нем было еще восемь имен.

– Этот список полон, на этот счет у нас нет сомнений? – В голосе Крэддока слышалось именно сомнение.

Корниш не замешкался с ответом:

– Я уверен, что этот список – полный. После миссис Бэнтри пришел викарий, следом за ним – Бэдкоки. На лестнице было восемь человек. Мэр с женой, Джошуа Грайс с женой из «Лоу фарм». Дональд Макнейл, местный репортер. Двое гостей из США, Ардуик Фенн и Лола Брюстер, кинозвезда. И фотограф из Лондона, делает снимки с претензией, она расположилась прямо на лестнице. Если брать на вооружение версию миссис Бэнтри насчет «застывшего взгляда» Марины Грегг, значит, надо выбирать из этого списка. Мэра, к сожалению, придется исключить. Грайсов тоже – они никогда в жизни не выезжали за пределы Сент-Мэри-Мид. Остаются четверо. Местный журналист – вряд ли, девушка-фотограф находилась в доме уже полчаса, так что с какой стати у Марины возникла запоздалая реакция? Кто остается?

– Зловещие незнакомцы из Америки, – подытожил Крэддок, едва заметно улыбнувшись.

– Именно.

– Согласен, лучших подозреваемых у нас пока что нет. Явились они неожиданно. Ардуик Фенн – это старая любовь Марины, они не виделись бог знает сколько лет. Что до Лолы Брюстер, она когда-то была женой третьего мужа Марины Грегг, который развелся с ней и ушел к Марине. Бракоразводный процесс, насколько мне известно, отнюдь не протекал гладко и безболезненно.

– Пожалуй, в списке подозреваемых она на первом месте, – решил Корниш.

– Вы так считаете, Фрэнк? Ведь прошло почти пятнадцать лет, она сама с тех пор дважды была замужем.

– Этих женщин разве поймешь?

– Так-то оно так, – согласился Дермот. – И что?

– Но ведь червоточина между этими дамами явно осталась?

– Возможно. Но я от этой версии не в восторге. А как насчет тех, кто обслуживал гостей и обносил их напитками?

– «Застывший взгляд» набил вам оскомину? Что ж, насчет обслуги мы выяснили. За питание отвечала компания «Маркет бейзинг», она как раз и занимается обслуживанием таких приемов. В доме всем заправлял дворецкий Джузеппе; еще были две местные девушки из студийной столовой. Я их обеих знаю. Особым умом не отличаются, но вполне безвредные.

– Значит, все ложится на мои плечи? Ладно, первым делом поговорю с журналистом. Вдруг он что-то видел? Потом поеду в Лондон. Там встречусь с Ардуиком Фенном, Лолой Брюстер и девушкой-фотографом… как там ее?.. Марго Бенс. Может быть, что-то заметила она.

Корниш кивнул.

– Готов ставить на Лолу Брюстер, – сказал он. Потом с любопытством взглянул на Крэддока: – Вы, я вижу, в нее не слишком верите.

– Меня смущает техническая сторона дела, – пробурчал Дермот. – Как она могла незаметно подсыпать яд в бокал Марины?

– Сделать это было трудно любому. Надо быть безумцем, чтобы отважиться на это.

– Согласен, безумцем, но в случае Лолы Брюстер – еще большим безумцем, чем все остальные.

– Почему? – не понял Корниш.

– Важная гостья. Звезда, знаменитость. Наверняка все на нее пялились.

– Что верно, то верно.

– Едва она появилась, все наверняка поразевали рты, принялись подталкивать друг друга локтями и перешептываться, а когда Марина Грегг и Джейсон Радд с ней поздоровались, ее, конечно же, передали на попечение секретарей. Так что, Фрэнк, отравить коктейль ей было сложнее, чем остальным. Какой бы ловкой она ни была, все равно кто-нибудь мог заметить. И провернуть этот номер ей было совсем не просто.

– Как и всем остальным.

– Не в такой степени. Взять, к примеру, Джузеппе. Он отвечает за напитки и бокалы, разливает коктейли и обносит гостей. Ему ничего не стоило бросить в бокал щепотку или горсть таблеток «Калмо».

– Джузеппе? – Фрэнк Корниш задумался. – Вы считаете, это он?

– Причины подозревать его пока нет, – сказал Крэддок. – Но она может найтись. Какой-нибудь серьезный мотив. Да, я считаю, он вполне мог это сделать. Он или еще кто-то из обслуги. Правда, на месте убийства никого из них не было – увы.

– Может, кто-то поступил работать в «Маркет бейзинг» специально ради этого?

– То есть замыслил убийство гораздо раньше? Мы пока ничего не знаем, – устало произнес Крэддок. – Совершенно ничего. И не узнаем, пока не вытянем хоть что-нибудь из Марины Грегг или ее мужа. Они должны что-то знать, должны подозревать кого-то – но они не хотят нам говорить. А почему – неизвестно. В общем, нам еще искать и искать.

Сделав паузу, он продолжал:

– Если сбросить со счетов «застывший взгляд» – скажем,

это простое совпадение, – есть и другие люди, которые могли подсыпать в бокал отраву. Например, секретарша Элла Зелински. Она тоже наполняла бокалы, что-то подавала гостям. Уж за ней никто наблюдать бы не стал. Это относится и к подтянутому молодому человеку… забыл, как его зовут. Хейли… Хейли Престон? Да, именно. И она, и он без труда могли это сделать. Собственно, захоти кто-нибудь из них избавиться от Марины Грегг, большое скопище народу – это самый безопасный для них вариант.

– Еще кто-нибудь?

– Ну, муж, как водится, – сказал Крэддок.

– Опять, значит, беремся за мужей, – с легкой усмешкой произнес Корниш. – Мы ведь сначала грешили на этого бедолагу Бэдкока, пока не поняли, что отравить собирались Марину. Теперь подозреваем Джейсона Радда. Хотя с виду он ей сильно предан.

– Да, есть у него такая репутация, – согласился Крэддок. – Но в чужую душу не влезешь.

– Если бы он хотел от нее избавиться, не проще ли развестись?

– Конечно, проще и естественнее, – согласился Дермот. – Но в этой истории могут быть свои подводные камни, о которых нам ничего не известно.

Зазвонил телефон. Корниш поднял трубку.

– Что? Да? Соедините. Да, он здесь, – послушав несколько секунд, он прикрыл рукой трубку и взглянул на Дермота. – Мисс Марина Грегг, – сказал он, – чувствует себя гораздо лучше. Она готова ответить на наши вопросы.

– Тогда я пошел, – заторопился Дермот Крэддок, – пока она не передумала.

2

В Госсингтон-Холле Дермота Крэддока встретила Элла Зелински. Как всегда, деловитая и энергичная.

– Мисс Грегг ждет вас, мистер Крэддок.

Дермот не без интереса взглянул на нее. С самого начала Элла Зелински показалась ему интригующей особой. Не лицо, а мумия, сказал он себе тогда. Она с подчеркнутой готовностью ответила на все его вопросы. Ему не показалось, будто она что-то от него скрывает, но что у нее на уме, каково ее истинное отношение к случившемуся… Сквозь броню ее выдающейся деловитости было не пробиться. Может, она и правда ничего не знает; может, знает куда больше, чем говорит. Ясно одно: хотя доказательств никаких – она влюблена в Джейсона Радда. Он сам говорил, что для секретарш такое – неизбежный профессиональный риск. Возможно, за этим не стоит ровным счетом ничего. Но тут, по крайней мере, просматривается мотив, к тому же она явно что-то скрывает. Может, любовь? Или ненависть? Или просто чувство вины? Не исключено, в тот день ей подвернулась возможность, и она ею воспользова-

лась, а может, все хладнокровно продумала заранее. Ей-то все проделать было как раз несложно. Быстро, но неторопливо она движется среди гостей, что-то им говорит, передает бокалы с коктейлями, забирает пустые, а сама при этом следит за бокалом, который Марина поставила на стол. А потом, когда явились нежданные гости из Штатов, когда Марина радостно и удивленно вскрикнула и встретила их, пожираемая множеством глаз, Элла спокойно и без помех подбросила в бокал роковую дозу. Да, для этого нужны крепкие нервы, дерзость и быстрота. Но все это как будто при ней. Подбрасывая яд в бокал, она не стала бы затравленно озираться по сторонам. Преступление было бы совершено с простотой и блеском и почти наверняка увенчалось бы успехом. Но его величество шанс распорядился иначе. В переполненной комнате кто-то толкнул Хитер Бэдкок под руку. Коктейль из ее бокала выплеснулся, и Марина, со свойственной ей импульсивной любезностью хозяйки, быстро предложила гостье свой бокал, стоявший нетронутым. И смерть настигла другую.

«Н-да, все это чистая теория, да еще здорово притянутая за уши», – сказал себе Дермот Крэддок, обмениваясь вежливыми формальностями с Эллой Зелински.

– Хотел задать вам один вопрос, мисс Зелински. Готовкой занималась фирма «Маркет бейзинг»?

– Да.

– Почему выбор пал на нее?

– Не знаю, – Элла пожала плечами. – Кулинария в мои обязанности не входит. Мистер Радд, насколько мне известно, решил, что лучше обратиться к местной фирме, чем к лондонской. С нашей точки зрения, прием был не такой уж и большой.

– Ясно.

Он смотрел на нее, а она стояла, чуть нахмурив лоб и наклонив голову. Хороший лоб, решительный подбородок, фигура вполне могла бы выглядеть сладострастной, будь ей такое позволено, жестко очерченный алчный рот. А глаза? Он взглянул на них и слегка удивился. Веки почему-то покрасневшие. Уж не плакала ли она? Похоже. Но ведь она явно не из тех, кто ударяется в слезы. Словно прочитав его мысли, она подняла голову, достала носовой платок и как следует высморкалась.

– Вы простужены, – прокомментировал он.

– Нет, это не простуда. Сенная лихорадка. Своего рода аллергия. В это время года она донимает меня всегда.

Раздался низкий гудок. В комнате стояло два телефонных аппарата: один – на столе, другой – на столике в углу. Загудел последний. Элла Зелински подошла к нему и сняла трубку.

– Да, – сказала она, – он здесь. Сейчас я его приведу. – Она положила трубку на место. – Марина ждет вас.

3

Марина Грегг приняла Крэддока в комнате на втором этаже. Конечно же, это была ее собственная гостиная, соединенная со спальней. Наслушавшись рассказов о ее расшатанных нервах и общем упадке сил, он ожидал увидеть издерганную, взвинченную и полубольную женщину. Марина полулежала на диване, но голос ее звучал бодро, а в глазах мелькали живые огоньки. Почти никакой косметики, но он никогда не дал бы ей ее лет… Поразительно красивая женщина, прямо-таки лучится красотой. Изысканные линии щек и скул, прямые волосы естественно обрамляют лицо. Глаза удлиненные, цвета зеленоватой морской волны, тонко подведенные брови – тут было что-то от искусства, но верх брала все же природа, верх брали ее теплая и радушная улыбка, ее колдовские чары. Она сказала:

– Главный инспектор Крэддок? Знаю, мое поведение просто непростительно. Ради бога, извините меня. После всего этого ужаса я совершенно расклеилась. Могла бы взять себя в руки, но не взяла. Мне очень стыдно.

Улыбка, печальная и нежная, засветилась в уголках ее рта. Она протянула руку, и он принял ее.

– Ваше состояние, – успокоил ее он, – вполне объяснимо.

– Но ведь огорчены были все. Я не имела права переживать больше, чем остальные.

– Не имели?

С минуту она глядела на него, потом кивнула.

– Да, – сказала она, – вы очень проницательны. Конечно же, имела.

Она потупила взор, длинным указательным пальцем негромко постучала по диванному валику. Он вспомнил, что видел этот жест в одном из ее фильмов. Жест, казалось бы, вполне безобидный, но был в нем какой-то скрытый смысл. Какое-то томное размышление.

– Я трусиха, – сказала она, не поднимая глаз. – Меня кто-то хотел убить, а умирать совсем не хочется.

– Почему вы решили, что кто-то хотел вас убить?

Глаза ее широко распахнулись.

– Ведь это был мой бокал… мой коктейль… в него подсыпали отраву… Этой несчастной глупой женщине он достался по ошибке. Вот в чем весь ужас, вся трагедия. К тому же…

– Да, мисс Грегг?

Похоже, желания продолжать эту тему у нее поубавилось.

– У вас есть и другие причины думать, что предполагаемой жертвой были вы?

Она кивнула.

– Какие же, мисс Грегг?

Минутку помолчав, она сказала:

– Джейсон считает, что я вам должна обо всем рассказать.

– Значит, ему вы доверились?

– Да… Поначалу я не хотела… но доктор Гилкрист меня просто заставил. И тогда я поняла, что Джейсон думает то же, что и я. Он так считал с самого начала, но… занятно это… – Грустная улыбка снова завязала ее губы бантиком. – Он не говорил мне, потому что не хотел меня тревожить. Представляете? – Марина неожиданно взбодрилась, выпрямила спину. – Мой дорогой Джинкс! Неужели он считает, что я полная идиотка?

– Но почему же вы решили, мисс Грегг, что кто-то хотел убить вас?

Она помолчала, потом резко выбросила руку к сумочке, раскрыла ее, вытащила оттуда листок и сунула ему в руку. На нем была всего одна машинописная строчка:

«В следующий раз тебе не уйти».

Крэддок встрепенулся:

– Когда вы это получили?

– Когда я вышла из ванны, это лежало на моем туалетном столике.

– Выходит, кто-то в доме…

– Не обязательно. Кто-то мог забраться на балкон снаружи и подкинуть записку. Наверное, этот кто-то хотел меня еще сильнее запугать, но не тут-то было. Я разъярилась, как кошка, и немедля послала за вами.

Дермот Крэддок улыбнулся:

– Да, скорее всего, автор этого послания такого не ожидал. Вы впервые получили нечто подобное?

Марина снова заколебалась. Потом сказала:

– Нет, не впервые.

– Расскажите, пожалуйста, про другие случаи.

– Дело было три недели назад, когда мы только переехали. Записку принесли не сюда, а на студию. Смех, да и только! Текст даже не напечатали. Написали от руки, крупными буквами. Там было всего три слова: «Готовься к смерти». – Она засмеялась. Кажется, в этом смехе слышалось приближение истерии. Но веселилась она вполне искренне. – Такая глупость, – сказала она. – Не так уж редко приходится получать записки от психов, с угрозами и всякое такое. Я даже подумала: уж не религиозная ли тут подоплека? Вдруг у кого-то зуб на киноактрис? В общем, я разорвала

эту бумажку и выбросила в мусорную корзину.

– А вы кому-нибудь об этом сказали, мисс Грегг?

Марина покачала головой:

– Никому, ни слова. У нас тогда не шла сцена, которую мы снимали. И я ни о чем другом не могла думать. Так или иначе, я решила, что это либо глупая шутка, либо какой-нибудь религиозный фанатик.

– А еще записки были?

– Да. В день приема. Кажется, мне передал ее кто-то из садовников. Кто-то, мол, попросил его об этом, отвечу ли я прямо сейчас? Ну, я решила, там что-нибудь по поводу приема. Разорвала конверт. А там записка: «Сегодня твой последний день на этой земле». Я скомкала бумажку и сказала: «Ответа не будет». Садовник пошел было, но я его вернула и спросила, кто же принес письмо? Он ответил: человек в очках, на велосипеде. Ну, что я должна была делать? Решила, что это очередная дурацкая выходка. Мне и в голову не пришло, что угроза подлинная.

– Где эта записка сейчас, мисс Грегг?

– Понятия не имею. На мне было яркое итальянское шелковое платье – кажется, я скомкала записку и сунула в карман. Но сейчас ее там нет. Может, выпала.

– И вы никого не подозреваете, мисс Грегг? Кто автор за-

писок? Вы этого не знаете даже сейчас?

Ее глаза широко раскрылись – детская невинность и изумление. Это привело его в восторг, но не убедило.

– Откуда мне знать? Посудите сами, откуда же мне знать?

– Думаю, у вас на этот счет могут быть вполне конкретные мысли, мисс Грегг.

– Их нет. Уверяю вас.

– Вы – человек знаменитый, – сказал Дермот. – Очень знаменитый. Добились в жизни настоящего успеха. В своей профессии и в личной жизни. В вас влюблялись мужчины, они хотели на вас жениться, женились. К вам с ревностью и завистью относятся женщины. Любившие вас мужчины бывали вами отвергнуты. Согласен, поле довольно широкое, но что-то предполагать вы должны. Кто мог писать эти записки?

– Да кто угодно.

– Нет, мисс Грегг, не кто угодно. Кто-то один из большой группы людей. Кто-нибудь вполне скромный и незаметный: костюмер, электрик, служанка. Или, наоборот, кто-то из ваших друзей или так называемых друзей. В любом случае какие-то предположения на этот счет у вас должны быть.

Открылась дверь, и вошел Джейсон Радд. Марина повер-

нулась к нему и умоляюще вскинула руки:

– Джинкс, дорогой, мистер Крэддок убежден, что я должна знать автора этих кошмарных записок. А я его не знаю. Тебе это прекрасно известно. Его не знаем ни ты, ни я. Мы и понятия не имеем, кто он.

«Сразу все выложила, – подумал Крэддок, – не дала ему даже рта раскрыть. Почему такая спешка? Чтобы он не проговорился?»

Джейсон Радд, хмурый больше обычного, с темными кругами под глазами, подошел к ним. Взял руку Марины в свою.

– Знаю, инспектор, вам это кажется невероятным, – сказал он, – но это чистая правда: мы с Мариной ничего об этом не знаем.

– То есть вы те самые счастливые люди, у которых нет врагов? – В голосе Дермота отчетливо слышалась ирония.

Джейсон Радд вспыхнул:

– Враги? Это очень библейское слово, инспектор. Уверяю вас, что никакие враги в библейском смысле мне в голову не приходят. Люди, которые тебя не любят, которые жаждут обойти тебя на повороте, при случае сделать тебе пакость, люди злобные и жестокие – эти люди есть. Но подсыпать яд в бокал – это нечто совсем другое.

– Только что я спросил у вашей жены, кто мог написать эти записки или быть их вдохновителем. Она сказала, что не знает. Но поскольку за записками последовало действие, круг резко сужается. Ведь кто-то действительно положил яд в бокал. Это, знаете ли, могли сделать немногие.

– Я ничего не видел, – буркнул Джейсон Радд.

– Я тоже, – откликнулась Марина. – Естественно, если бы я видела, как что-то кладут в мой бокал, я бы не стала из него пить.

– Знаете, не могу отделаться от впечатления, – мягко произнес Дермот Крэддок, – что вам известно чуть больше, чем вы мне говорите.

– Это неправда! – воскликнула Марина. – Джейсон, скажи, что это неправда!

– Уверяю вас, – заговорил Джейсон Радд, – что я в полнейшем и совершеннейшем недоумении. Все это просто фантастика. Я мог бы считать, что это была шутка… оказавшаяся неудачной… роковой, а шутник и не думал о таких последствиях…

В голосе его слышался легкий вопрос, потом он покачал головой:

– Нет. Вижу, вас такое толкование не устраивает.

– Хочу спросить еще кое о чем, – сказал Дермот Крэддок.

– Вы, конечно, помните, когда пришли мистер и миссис Бэдкок. Сразу же после викария. Насколько я понимаю, мисс Грегг, вы встретили их так же тепло и дружелюбно, как и остальных гостей. Но от очевидца мне известно, что, поприветствовав их, вы посмотрели через плечо миссис Бэдкок и увидели нечто, сильно вас встревожившее. Правда ли это, и если да, то что же вы увидели?

– Конечно, неправда, – быстро сказала Марина. – Встревожило? Что могло меня встревожить?

– Это я и хочу выяснить, – терпеливо произнес Дермот Крэддок. – Мой свидетель говорит об этом с полной определенностью.

– Кто этот свидетель? И что он видел, он или она?

– Вы смотрели на лестницу, – сказал Дермот Крэддок. – По ней поднимались гости. Журналист, мистер Грайс с женой, почти всю жизнь прожившие в этой деревне, мистер Ардуик Фенн, только что приехавший из Штатов, мисс Лола Брюстер. Вы расстроились, увидев кого-то из этих людей?

– Говорю вам, я совсем не расстроилась, – почти рявкнула она.

– Тем не менее вы совершенно забыли о миссис Бэдкок. Она вам что-то говорила, но вы даже ее не слышали, потому что смотрели куда-то мимо нее.

Марина Грегг взяла себя в руки. Она заговорила быстро и напористо:

– Сейчас я вам все объясню. Если вы имеете представление об актерской игре, вы меня легко поймете. Наступает момент, даже если ты хорошо знаешь свою роль… собственно, обычно это как раз и происходит, когда роль ты знаешь очень хорошо… так вот, ты начинаешь вести ее машинально. Улыбаешься, двигаешься и жестикулируешь как нужно, произносишь слова с отработанной интонацией, но мысли твои бродят где-то далеко. И вдруг в какую-то минуту – провал, ты отключился настолько, что не знаешь, на каком месте в пьесе ты находишься, какие строчки должен произнести в следующую секунду. Автомат отключился, ты забыл свою роль! Это со мной и произошло. Физически я слабовата, муж это подтвердит. У меня сейчас довольно напряженное время, меня изматывают съемки, всякие дурные предчувствия по поводу нашего фильма. И мне хотелось, чтобы этот прием прошел на ура, хотелось быть милой, приятной и радушной для всех без исключения. Но поскольку всем говоришь одно и то же, начинаешь делать это машинально, потому что и тебе все говорят одно и то же. Как им давно хотелось с тобой встретиться. Как они однажды видели тебя у выхода из театра в Сан-Франциско или летели с тобой в одном самолете. В общем, всякую ерунду, но ведь надо всем приятно улыбаться и что-то отвечать. Так вот, это происходит машинально. Ты не думаешь, что именно сказать, потому что все это ты уже говорил много раз. Ну и вдруг на меня, видимо, накатила усталость. Мозг словно застлало пеленой. Тут я поняла, что миссис Бэдкок рассказывала мне

какую-то длинную историю, которую я пропустила мимо ушей, и теперь она возбужденно смотрит на меня, а я стою и молчу и не говорю того, чего от меня ждут. Это была просто усталость.

– Просто усталость… – медленно повторил Дермот Крэддок. – Вы настаиваете на этом, мисс Грегг?

– Да. Странно, что вы не хотите мне верить.

Дермот Крэддок повернулся к Джейсону Радду.

– Мистер Радд, – начал он, – я думаю, вам легче понять меня, чем вашей жене. Меня очень и очень беспокоит безопасность вашей жены. На ее жизнь было совершено покушение, она получала записки с угрозами. Согласитесь: это значит, что существует некто, кто был здесь в день приема, а возможно, и сейчас где-то неподалеку, некто очень близкий к этому дому и ко всему, что в нем происходит. Возможно, человек этот, кем бы он ни был, слегка не в своем уме. И дело не только в угрозах. От угроз, как говорится, еще никто не умирал. Но ведь этот человек не остановился на угрозах. Была совершена намеренная попытка отравить мисс Грегг. Разве вы не понимаете, что при этих обстоятельствах попытка обязательно повторится? Есть только один способ обеспечить безопасность мисс Грегг. Вы должны дать мне все возможные ключи к разгадке. Я не утверждаю, что вы знаете этого человека, но у вас должна быть какая-то догадка, какое-то смутное предположение. Почему вы не хотите сказать мне правду? Понимаю, возможно, вы сами ее не знаете, тогда убедите жену, чтобы

правду сказала она. Прошу вас об этом в интересах ее безопасности.

Джейсон Радд медленно повернул голову.

– Ты слышала, что сказал инспектор Крэддок, Марина? – произнес он. – Ему кажется, что есть нечто, известное тебе и не известное мне. Если это так, прошу тебя господом богом – не глупи. Если у тебя есть хоть крошечное подозрение, скажи нам.

– Нет у меня никаких подозрений! – почти фальцетом прокричала она. – Почему вы мне не верите?

– Кого вы боялись в тот день? – спросил Дермот.

– Никого.

– Мисс Грегг, среди тех, кто поднимался по лестнице, было двое ваших старых друзей, они явились неожиданно, вы давно их не видели и никак не ожидали увидеть в тот день. Это мистер Ардуик Фенн и мисс Брюстер. Может быть, у вас возникли какие-то особые чувства, когда вы увидели их на лестнице? Вы ведь не знали, что они приедут?

– Мы даже не знали, что они в Англии, – вставил Джейсон Радд.

– Я была в восторге, – сказала Марина. – В полнейшем восторге!

– Вас привело в восторг появление мисс Брюстер?

– Ну… – Она быстро взглянула на него, заподозрив неладное.

– Лола Брюстер, насколько мне известно, – сказал Крэддок, – в свое время была женой вашего третьего мужа, Роберта Траскотта?

– Да.

– Он развелся с ней, чтобы жениться на вас.

– Ну, это известно всему свету, – нетерпеливо бросила Марина Грегг. – Не думайте, будто вы раскопали что-то новое. Вокруг этой истории тогда подняли шумиху, но в конце концов все окончилось мирно.

– Она вам не угрожала?

– В некотором роде… да. Господи, сейчас попробую объяснить. Ведь такие угрозы никто не принимает всерьез. Была вечеринка, она много выпила. Кажется, попадись ей тогда под руку пистолет, она, может, и выстрелила бы в меня, закрыв глаза от страху. Но, к счастью, пистолета под рукой не оказалось. А с тех пор столько воды утекло. А такие чувства, они ведь недолговечны. Проходят как не было. Я права, Джейсон?

– Думаю, что да, – согласился Джейсон Радд. – И хочу заверить вас, мистер Крэддок, что Лола Брюстер просто фи-

зически не могла отравить коктейль моей жены. Почти все время я находился рядом с Лолой. И подумать, что Лола внезапно, после долгих лет хороших отношений, специально приезжает в Англию, в наш дом, чтобы подсыпать яд в бокал моей жены… Нет, это полный абсурд!

– Что ж, я приму во внимание вашу точку зрения, – сказал Крэддок.

– Учтите, что она не могла сделать этого физически. Она не была даже рядом с местом, где стоял бокал Марины.

– А другой ваш гость… Ардуик Фенн?

Джейсон Радд ответил не сразу.

– Ардуик Фенн – наш очень старый друг, – сказал он. – Мы не виделись бог знает сколько лет, хотя иногда обменивались письмами. На американском телевидении это крупная фигура.

– Вы тоже считаете его старым другом? – обратился Дермот Крэддок к Марине.

Она заговорила несколько сбивчиво:

– Да, о да. Он… он был моим добрым другом всегда, но последние годы мы совсем не виделись. – Она вдруг затараторила: – Если вы думаете, что я подняла голову, увидела Ардуика и испугалась, то это полная чепуха. Полнейшая. Почему мне его пугаться, с какой стати? Мы всегда были

большими друзьями. Когда я неожиданно его увидела, мне было очень, очень приятно. Это был чудесный сюрприз, я уже вам говорила. Просто чудесный сюрприз. – Вскинув голову, она взглянула на Крэддока, взглянула с живостью и вызовом.

– Спасибо, мисс Грегг, – спокойно поблагодарил ее тот. – Если вдруг пожелаете довериться мне чуть больше, я сильно рекомендую это желание осуществить.

Глава 14

1

Миссис Бэнтри стояла на коленях. День для прополки выдался подходящий. Отличная сухая почва. Но мотыгой со всеми сорняками не расправишься. Вон как лезет чертополох, как разгулялись одуванчики. Она решительно боролась с этими злодеями.

Поднявшись на ноги, запыхавшаяся, но довольная, она взглянула через изгородь на дорогу. Из телефона-автомата около автобусной остановки на другой стороне дороги выходила темноволосая секретарша Марины Грегг. Странно, зачем ей звонить из телефона-автомата?

Как же ее фамилия? На «Б»? Или на «Р»? Нет, Зелински, вот как. Миссис Бэнтри вспомнила это как раз в ту секунду, когда Элла, перейдя через дорогу, шла мимо ее сада.

– Доброе утро, мисс Зелински, – дружелюбно воскликнула она.

Элла Зелински прямо-таки подпрыгнула на месте. Не подпрыгнула даже, а отпрянула, как испуганная лошадь. Странно: что это она?

– Доброе утро, – откликнулась Элла и быстро добавила: – Вот вышла позвонить. У нас что-то телефон не работает.

Миссис Бэнтри еще больше удивилась. С чего бы это Элла Зелински стала оправдываться? Но виду не подала.

– Какое неудобство. Заходите ко мне и звоните, сколько вам нужно.

– О-о… большое спасибо. – Элла вдруг расчихалась.

– Э-э, да у вас сенная лихорадка, – немедленно поставила диагноз миссис Бэнтри. – Вам нужен слабый раствор двуокиси соды с водой.

– Не беспокойтесь. У меня есть пульверизатор с проверенным средством. Все равно спасибо.

Она еще раз чихнула и быстро зашагала в направлении Госсингтон-Холла.

Миссис Бэнтри смотрела ей вслед. Потом перевела взгляд на свой сад. Ну вот! Сорняков что-то нигде не видно – значит, с работой покончено. А она только разохотилась.

– Душить больше некого, Отелло может отдохнуть, – пробурчала себе под нос миссис Бэнтри. – Наверное, я любо-

пытная старуха, но хотелось бы знать…

Соблазн взял верх над минутной нерешительностью. Ну и пусть она будет любопытной старухой! Миссис Бэнтри вошла в дом, взяла телефонную трубку и набрала номер. Ей ответил деловой заокеанский голос.

– Госсингтон-Холл.

– Это миссис Бэнтри, из Ист-Лоджа.

– О-о, доброе утро, миссис Бэнтри. Это Хейли Престон. Я встречал вас в день приема. Чем могу быть полезен?

– Я думала, может, я могу быть полезна вам. Если у вас не работает телефон…

Он с удивлением ее перебил:

– У нас не работает телефон? Нет, он в полном порядке. А почему вы так подумали?

– Наверное, ошиблась, – сказала миссис Бэнтри. – У меня иногда бывает плохо со слухом, – без смущения пояснила она.

Она положила трубку, подумала минутку, потом снова набрала номер.

– Джейн? Это Долли.

– Да, Долли? Что-нибудь случилось?

– Какая-то странная вещь. Секретарша Марины Грегг звонила из телефона-автомата на дороге. И без всяких причин принялась объяснять мне, что звонит с улицы, потому что в Госсингтон-Холле не работает телефон. Но я только что туда позвонила, и телефон в полном порядке…

Она смолкла, ожидая проявления интеллекта на другом конце провода.

– Интересно… – задумчиво произнесла мисс Марпл. – Весьма интересно.

– С чего бы это ей вздумалось, как считаете?

– Наверное, хотела знать наверняка, что ее никто не подслушает.

– Именно.

– А причины для этого могут быть разные.

– Да.

– Интересно, – повторила мисс Марпл.

2

Дональд Макнейл жаждал пообщаться. Это был дружелюбный рыжеволосый парень. Он встретил Дермота с улыбкой и нескрываемым любопытством.

– Ну, что-нибудь уже раскопали? – весело начал он разговор. – Припасли для меня какую-нибудь пикантную новость?

– Нет пока. Чуть позже.

– Как всегда, увиливаете. Молчим как рыбы. Еще не дошли до стадии, когда нужно кого-то пригласить «помочь в расследовании»?

– Я дошел до вас, – ухмыльнувшись, сказал Дермот Крэддок.

– Тут что, кроется какая-то double-entendre?[4] Вы и вправду подозреваете, что я убил Хитер Бэдкок по ошибке, намереваясь убить Марину Грегг, или так-таки и целил в бедную Хитер Бэдкок?

– Я, кажется, ни на что не намекал, – заметил Крэддок.

– Нет-нет, и не будете. У вас все с подходом, корректно. Ну, хорошо. Займемся делом. Да, я был на месте преступления. Я мог его совершить, но как насчет мотива? Вот что вам хочется узнать. Какой у меня был мотив?

– Пока я этого не выяснил, – признался Крэддок.

– Приятно слышать. Мне сразу стало как-то спокойнее.

– Расскажите, что вы в тот день видели.

– Я уже все рассказал. Местная полиция допросила меня тут же, не откладывая в долгий ящик. Я был готов от стыда сквозь землю провалиться. Ведь убийство совершилось, можно сказать, у меня на глазах. Я должен бы знать, кто убийца, а я и представления не имею. Я ведь обо всем догадался, только когда увидел, что эта несчастная сидит на стуле и хватает ртом воздух, не раньше… а потом бабах – и нет человека. Конечно, я был очевидцем, все видел своими глазами. И дал в газету классный материал. Но, признаюсь, мне жуть как стыдно, что я не знаю больше. Я должен знать больше. И не говорите мне, что смертельная доза предназначалась для Хитер Бэдкок. Она была милая женщина, пусть болтливая, но за это не убивают – если, конечно, ты не выбалтываешь чьи-то тайны. Но едва ли кто-то мог доверить Хитер Бэдкок свою тайну. Таких, как она, не интересуют чужие тайны. Насколько я понимаю, такие говорят исключительно о себе.

– Это мнение высказывали и другие, – заметил Крэддок.

– Стало быть, отравить хотели знаменитую Марину Грегг. Не сомневаюсь, есть множество замечательных мотивов, чтобы убить Марину. Зависть, ревность, любовные связи – все, что полагается для драмы. Но кто мог это сделать? Наверное, кто-то, у кого не все винтики на месте. Вот вам, пожалуйста, мое ценное мнение! Вы ведь это хотели услышать?

– Не только. Насколько я знаю, вы поднимались по лестнице вместе с викарием и мэром.

– Совершенно верно. Но до этого я уже был в доме.

– Я этого не знал.

– Так знайте. Я был наделен эдакими особыми полномочиями, бегал взад и вперед. При мне был фотограф. Я спустился вниз снять прибытие мэра и немножко развеяться – побросать кольца, воткнуть колышек туда, где закопано сокровище, и так далее и тому подобное. Потом я снова поднялся наверх, уже не работать, а просто чего-нибудь выпить. Выпивка была что надо.

– Понятно. А помните, кто еще был на лестнице, когда вы поднимались?

– Марго Бенс из Лондона щелкала своей фотокамерой.

– Вы хорошо ее знаете?

– Да, мы сталкиваемся частенько. Она девушка толковая, свое дело хорошо знает. Она фотографирует всякие светские дела: премьеры, приемы, концерты, причем специализируется на снимках под необычным углом зрения. С претензией! Она стояла в углу площадки посреди лестницы, оттуда было очень удобно снимать гостей, когда они здоровались с хозяевами. Впереди меня шла Лола Брюстер. Я ее сначала не узнал. Новая прическа и выкрасилась в огненно-рыжую. Последняя мода острова Фиджи. Когда я видел ее в прошлый раз, золотисто-каштановые локоны спадали вниз до самого подбородка. С ней был высокий

темноволосый мужчина, американец. Его я не знаю, но с виду – важная птица.

– А вы, когда поднимались, на саму Марину Грегг смотрели?

– Да, конечно.

– Вам не показалось, что она чем-то расстроена, будто ее что-то шокировало или испугало?

– Странно, что вы об этом спрашиваете. Секунду-другую мне и вправду казалось, что она вот-вот бухнется в обморок.

– Понятно, – задумчиво произнес Крэддок. – Спасибо. Больше ничего не хотите мне сказать?

Макнейл широко раскрыл глаза, изображая невинность.

– Что же еще?

– Я вам не доверяю, – заявил Крэддок.

– Но вы, похоже, убедились, что отравление – не моих рук дело. Понимаю, обидно. Вы, наверное, ждали, вдруг я окажусь ее первым мужем? Ведь никто даже не знает, кто он, даже имени никто не помнит, такой он был мелкотравчатый.

Дермот ухмыльнулся.

– Вы на ней женились сразу после детского садика? – спросил он. – Или непосредственно в ползунках? Ладно, я спешу. Надо успеть на поезд.

3

На столе Крэддока в Нью-Скотленд-Ярде лежала аккуратная стопка бумаг. Быстро проглядев их, он бросил через плечо:

– Где остановилась Лола Брюстер?

– В «Савое», сэр. Номер тысяча восемьсот. Она вас ждет.

– А где Ардуик Фенн?

– В «Дорчестере». Первый этаж, номер сто девяносто.

– Прекрасно.

Он взял со стола несколько телеграмм, еще раз пробежал их глазами и запихнул в карман. Читая последнюю, он не сдержал довольную улыбку.

– И не говорите, тетушка Джейн, что я плохо делаю свое дело, – пробурчал он себе под нос.

Выйдя на улицу, Дермот Крэддок направился к «Савою».

Лола Брюстер приняла его в номере, всем своим поведением давая понять, что безумно ему рада. Крэддок внима-

тельно разглядывал ее, сопоставляя увиденное со строчками недавно прочитанного отчета. Еще вполне красивая и даже роскошная женщина, может быть, слегка пышновата, но такие вполне пользуются успехом. С Мариной Грегг, разумеется, ничего общего, совершенно другой тип. Когда обмен любезностями был закончен, Лола отбросила со лба волосы – прическа жительницы острова Фиджи, – игриво надула щедро напомаженные губки, над карими глазами порхнули голубые веки.

– Вы пришли, чтобы опять задавать мне эти кошмарные вопросы? Как местный инспектор?

– Надеюсь, мисс Брюстер, они не будут уж очень кошмарными.

– Будут, как же не будут, и вообще вся эта история – жуткая ошибка.

– Вы действительно так считаете?

– Да. Такая нелепость. Неужели вы всерьез считаете, что кто-то пытался отравить Марину? Да кому такое придет в голову? Это же милейшая женщина. Все ее обожают.

– Включая вас?

– Я всегда относилась к Марине с нежностью.

– Мисс Брюстер, а разве одиннадцать или двенадцать лет назад между вами не возник некий конфликт?

– Ах это! – Лола махнула рукой – мол, какие пустяки. – Я тогда была в растрепанных чувствах, сильно нервничала, мы с Робом жутко цеплялись друг к другу. И он, и я были на себя не похожи. Марина страстно влюбилась в него и смела этого беднягу вихрем своей страсти.

– Вы ведь были сильно против?

– Тогда мне казалось, что да, инспектор. Но сейчас могу сказать: какое счастье, что мы разошлись! Если что меня и беспокоило, так это дети. Что рушится наш дом. Боюсь, к тому времени я уже поняла – у нас с Робом несовместимость. Вы, наверное, знаете, что, едва мы развелись, я вышла за Эдди Гроувза. В общем, я любила его давно, но не хотела разводиться из-за детей. Важно, чтобы у детей был дом, правда же?

– Но от людей мне известно, что вы были очень расстроены.

– Ну, люди вам расскажут, – туманно заметила Лола.

– Вы ведь тогда наговорили много, да, мисс Брюстер? Даже, я слышал, угрожали застрелить Марину Грегг.

– Ну и что, мало ли кто чего говорит. От меня ведь ждали чего-нибудь подобного. Ни в кого я стрелять не собиралась, это же ясно.

– А кто пальнул в Эдди Гроувза несколько лет спустя?

– Да, было дело, мы здорово поссорились, – признала Лола. – Я тогда вышла из себя.

– У меня есть достоверные сведения, мисс Брюстер, что вы произнесли буквально следующее. – Он раскрыл записную книжку и стал читать: – «Пусть эта сука не думает, что это сойдет ей с рук. Если не застрелю ее сейчас, рано или поздно все равно до нее доберусь. Не знаю, сколько придется ждать, пусть даже годы, но в конце концов я все равно с ней поквитаюсь».

– О-о, я уверена, что в жизни ничего подобного не говорила. – Лола засмеялась.

– А я уверен, мисс Брюстер, что говорили.

– Люди так любят преувеличивать! – На лице ее возникла очаровательная улыбка. – В ту минуту я просто взбеленилась, вот и все, – доверительно проворковала она. – А в таком состоянии чего только не скажешь. Неужели вы думаете, что я ждала четырнадцать лет, чтобы из-за океана приехать в Англию, отыскать Марину и через три минуты после встречи подсыпать ей в коктейль яд?

Дермот Крэддок так не думал. Ну правда, мыслимо ли такое? Он сказал:

– Я лишь напоминаю вам, мисс Брюстер, что в прошлом имели место угрозы и что, увидев кого-то в тот день на лестнице, Марина Грегг, безусловно, вздрогнула и испуга-

лась. Логично предположить, что этим кем-то были вы.

– Но милейшая Марина была счастлива меня видеть! Она поцеловала меня и воскликнула, как прекрасно, что я приехала! Нет, правда, инспектор, думать так – ужасная глупость с вашей стороны.

– В общем, воссоединилось счастливое семейство, да?

– Ну, это больше похоже на правду, чем все, что вы тут навыдумывали.

– И вы ничем нам не можете помочь? Не представляете, кто хотел бы ее убить?

– Говорю вам, убивать Марину не хотел никто. Вообще она очень глупая женщина. Все время поднимает волну из-за своего здоровья, то ей нужно одно, то другое, а стоит получить вожделенное, оно тут же ее не устраивает! Понятия не имею, почему люди ею так восхищаются. Джейсон всегда был от нее совершенно без ума. Чего только он из-за нее не натерпелся! И вот поди ж ты. Марину терпят все, все готовы ради нее наизнанку вывернуться. После этого она одаривает их грустной, нежной улыбкой и говорит спасибо! Видимо, этого им вполне достаточно, их труды вознаграждены! Не знаю, как ей это удается. Так что выкиньте из головы мысль о том, что кто-то хотел ее убить.

– Я бы рад, – сказал Дермот Крэддок. – Но не могу, ибо это произошло.

– Что произошло? Марину ведь никто не убил?

– Нет. Но покушение на ее жизнь было.

– Не верю я в это! Уж не знаю, кто убийца, но убить он хотел другую – ту, которую и убил. Может быть, с ее смертью кто-то здорово разбогатеет?

– Никаких денег у нее не было, мисс Брюстер.

– Значит, другая причина. В общем, на вашем месте я насчет Марины не беспокоилась бы. У Марины всегда все в порядке!

– Вы считаете? А мне она не показалась очень счастливой женщиной.

– Да потому что она все превращает в трагедию. То у нее неудачный роман. То она не может иметь детей.

– Кстати, нескольких детей она усыновила? – спросил Дермот, живо припомнив настойчивые просьбы мисс Марпл.

– Да, было такое. Правда, ничего путного из этого не вышло. Взбредет ей что-то в голову, она и сделает, а потом жалеет.

– И что случилось с этими детьми?

– Понятия не имею. Взяли и исчезли. По-моему, она прос-

то от них устала, как устает от всего на свете.

– Ясно.

4

Следующий визит – гостиница «Дорчестер». Номер 190.

– Итак, главный инспектор… – Ардуик Фенн взглянул на карточку, которую ему передал Дермот.

– Крэддок.

– Чем могу быть полезен?

– Хочу задать вам несколько вопросов, если не возражаете.

– Ради бога. Вы насчет этой истории в Мач-Бенэме? Вернее, как называется это место… Сент-Мэри-Мид?

– Да. Именно так. Госсингтон-Холл.

– Не представляю, зачем Джейсону понадобилось покупать такой дом. В Англии полно прекрасных усадеб георгианской эпохи… даже эпохи королевы Анны. А Госсингтон-Холл – чисто викторианская обитель. Что его здесь привлекло?

– Кое-кого привлекает викторианская незыблемость.

– Незыблемость? Что ж, может, вы и правы. Наверное, Ма-

рина жаждет как раз незыблемости. У нее, бедняжки, этой незыблемости никогда не было, вот она к ней и стремилась. Может быть, какое-то время этим Госсингтон-Холлом она будет довольна.

– Вы хорошо ее знаете, мистер Фенн?

Ардуик Фенн пожал плечами:

– Хорошо? Не сказал бы. Мы знакомы много лет. Время от времени встречаемся.

Крэддок оценивающе взглянул на него. Темноволосый крепкий мужчина, за толстыми линзами очков проницательные глаза, тяжелый подбородок. Ардуик Фенн продолжал:

– Насколько я понял из газет, эту миссис, не помню фамилии, отравили по ошибке. Смертельная доза предназначалась для Марины. Правильно?

– Да. Именно так. Яд подсыпали в коктейль Марине Грегг. Миссис Бэдкок свой коктейль расплескала, и Марина дала ей свой бокал.

– Что ж, звучит убедительно. Хотя не могу себе представить, что кому-то понадобилось убивать Марину. Тем более что Линетт Браун поблизости не было.

– Линетт Браун? – с легким недоумением переспросил Крэддок.

Ардуик Фенн улыбнулся:

– Если Марина разорвет контракт и откажется сниматься… ее роль получит Линетт, и для Линетт это будет большая удача. Но все равно не представляю, чтобы она подослала кого-то с предписанием отравить Марину. Это уже какая-то мелодрама.

– Да, слегка притянуто за уши, – сухо подтвердил Дермот.

– Хотя женщины из честолюбия способны на такое! Кстати, возможно, намерения убивать и не было. Скажем, ее хотели припугнуть – выбить из колеи, но не травить насмерть.

Крэддок покачал головой.

– Доза явно была чрезмерной, – сказал он.

– Дозы часто путают, и довольно сильно.

– Вы и вправду считаете, что кто-то перепутал дозу?

– Нет-нет. Это так, предположение. Я ничего не считаю. Я случайно оказался рядом, вот и все.

– Ваше появление Марину Грегг удивило?

– Да, для нее это был полный сюрприз. – Он довольно рассмеялся. – Она просто глазам не поверила, когда увиде-

ла меня на лестнице. И очень тепло меня приняла, честно скажу.

– Вы давно не виделись?

– Четыре-пять лет.

– А когда-то в прошлом вы были близкими друзьями?

– Вы на что-то намекаете, инспектор?

Голос его почти не изменился, но какая-то новая нотка в нем появилась. Стальная, угрожающая. Дермот вдруг почувствовал, что этот человек может быть очень безжалостным противником.

– Лучше выкладывайте прямо, – добавил Ардуик Фенн, – что у вас на уме.

– Пожалуйста, мистер Фенн. Мне надо выяснить, какие у Марины Грегг были отношения с людьми, собравшимися в доме. Отношения в прошлом. Как я узнал из самых разных источников, вы были безумно влюблены в Марину Грегг.

Ардуик Фенн пожал плечами:

– Бывает, инспектор, накатывает страсть. К счастью, это быстро проходит.

– Говорят, что вашу страсть она поощряла, а потом перестала, и вам это очень не понравилось.

– Говорят, говорят! Вы, наверное, вычитали это в «Между нами»?

– Мне об этом рассказали хорошо осведомленные и вполне здравомыслящие люди.

Ардуик Фенн откинул назад голову, открыв контуры своей бычьей шеи.

– Да, когда-то я был от нее без ума, – признал он. – Она была красивой и привлекательной женщиной, была и есть. Но говорить, что я ей угрожал, – это несколько чересчур. Я не люблю, когда кто-то встает у меня на пути, главный инспектор, и такие люди потом обычно жалеют, что связались со мной. Но этот принцип распространяется только на мои деловые контакты.

– Насколько я знаю, вы своей властью сняли ее с картины в разгар работы?

Фенн снова пожал плечами:

– Она не годилась на эту роль. Не могла найти общий язык с режиссером. Я вложил в эту картину деньги и не имел ни малейшего намерения ими рисковать. Уверяю вас, это был шаг, продиктованный исключительно соображениями дела.

– Но, может быть, Марина Грегг посчитала иначе?

– Естественно. Она из тех, кто все сводит к личным отношениям.

– И кое-кому из друзей даже сказала, что боится вас?

– Правда? Ну, это уже ребячество. Наверное, это ощущение щекотало ей нервы.

– Вы считаете, ей нечего было вас бояться?

– Разумеется, нечего. Как бы я ни был разочарован на личном фронте, я вскоре об этом забыл. С женщинами я всегда придерживался одного принципа: ни на одной из них свет клином не сошелся.

– Что ж, с таким принципом можно спокойно шагать по жизни, мистер Фенн.

– Я тоже так считаю.

– Мир кино вам хорошо известен?

– Я вкладываю в него деньги.

– Поэтому вы должны неплохо его знать.

– Возможно.

– Вы из тех, к чьему мнению стоит прислушаться. Можете ли вы назвать хоть одного человека, которому Марина Грегг так насолила, что он решил с ней разделаться?

– Я назову вам таких с десяток, – сказал Ардуик Фенн. – Только если им не придется заниматься этим лично. Другими словами, если бы для этого пришлось, скажем, нажать кнопку в стене, и все, пальцев нашлось бы предостаточно.

– Вы были там в тот день. Видели Марину Грегг и разговаривали с ней. Как вы считаете, был ли среди окружавших вас людей в те недолгие минуты – со времени вашего прибытия и до смерти Хитер Бэдкок, – был ли среди них кто-то, способный, по вашему мнению – я сейчас говорю лишь о догадке, – способный отравить Марину Грегг?

– Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос, – произнес Ардуик Фенн.

– Это значит, что какие-то мысли на этот счет у вас есть?

– Это значит, что мне нечего об этом сказать. И что наш с вами разговор, главный инспектор, закончен.

Глава 15

Дермот Крэддок взглянул на последнюю фамилию и адрес, записанные в его книжке. По его просьбе туда звонили уже дважды, но никто не брал трубку. Он набрал номер еще раз. Безрезультатно. Пожав плечами, он поднялся – придется идти и выяснять самому.

Студия Марго Бенс находилась в тупичке, в стороне от Тоттенхэм-Корт-роуд. На двери висела только табличка с

фамилией, больше ничего приметного, тем более никакой рекламы. В полутьме Крэддок на ощупь поднялся на второй этаж. По белой панели шла броская черная надпись: «Марго Бенс, художественная фотография. Пожалуйста, входите».

Крэддок вошел. В маленькой комнате ожидания никого не оказалось. Он постоял в нерешительности, потом громко, на театральный манер, откашлялся. Ответом ему была тишина, и он громко спросил:

– Кто-нибудь есть?

Из-за бархатной занавески послышался перестук шлепанцев, чья-то рука отдернула занавеску, и наружу высунулся молодой человек с буйной шевелюрой и бледно-розовым лицом.

– Извините, ради бога, дружище, – сказал он. – Совершенно вас не слышал. Мне пришла в голову шикарная идея, и я как раз пытался ее развить.

Он оттолкнул бархатный занавес в сторону, и Крэддок прошел за ним во внутреннее помещение. Оно оказалось неожиданно большим. Это, конечно, была студия. Тут стояли фотокамеры, прожектора, лампы дугового света, шторки, ширмы на колесах.

– Извините за беспорядок, – сказал молодой человек, почти такой же худощавый, как Хейли Престон. – Но, по-моему, без такого беспорядка трудно работать. Так о чем вы

хотели с нами поговорить?

– Я хотел видеть мисс Марго Бенс.

– А-а, Марго. Обидно. Еще полчаса назад она была здесь. Пошла снимать фотомодели для журнала «Вожделенная мечта». Надо было позвонить заранее, договориться. У Марго сейчас все дни расписаны.

– Я звонил. Никто не брал трубку.

– И правда, – согласился молодой человек. – Трубка-то у нас снята. Вспомнил. Звонки нам мешают. – Он разгладил свой фиолетовый халат. – А я не могу быть вам полезен? Вы хотите сделать заказ? Я для Марго часто заказы принимаю. Нужно что-то где-то поснимать? Что-то светское или, наоборот, деловое?

– Ни то ни другое, – сказал Дермот Крэддок. И протянул молодому человеку свою карточку.

– Потрясающе! – вскричал тот. – Департамент уголовного розыска! Знаете, я, кажется, видел вас на фотографиях. Вы один из Большой четверки… или Большой пятерки? А может, теперь она уже называется Большой шестеркой? Сейчас такой разгул преступности, приходится увеличивать численность, да? Ой, я совсем не хотел вас обидеть. Обидел, да? Честное слово, совсем не хотел. Так зачем же вам нужна Марго – надеюсь, не для того, чтобы арестовать?

– Я хотел задать ей несколько вопросов.

– Никаких неприличных снимков или чего-то такого она не делает, – взволнованно заверил Дермота молодой человек. – Надеюсь, никто вам такого про нее не рассказывал, потому что это вранье. Марго – настоящая художница. Она много работает для сцены, много снимает в студии. Но все ее эксперименты исключительно благонравные… я бы даже сказал, пуританские.

– Скажу прямо, что меня привело к мисс Бенс. Недавно она стала свидетельницей преступления, происшедшего около Мач-Бенэма, в деревне Сент-Мэри-Мид.

– А-а, ну конечно! Про это я знаю. Марго вернулась и все мне рассказала. Какой-то яд подсыпали в коктейль, да? Что-то такое. Тоска, да и только. Хотя, если учесть, что дело было на приеме в честь «Службы скорой помощи Святого Иоанна», картина несколько меняется, верно? Но вы уже спрашивали Марго об этом… или не вы, а кто-то другой?

– По мере расследования часто возникают новые вопросы, – уклонился от прямого ответа Дермот.

– Ну да, проявляется что-то новое. Понимаю. Как фотография. Проявляются контуры убийства.

– Действительно, как фотография, – согласился Дермот. – Очень тонко подмечено.

– Спасибо, приятно слышать. Так, насчет Марго. Хотите

заполучить ее прямо сейчас?

– Был бы вам очень признателен.

– Так, в данную минуту, – пробормотал молодой человек, взглянув на часы, – она должна быть у дома Китса в Хэмпстед-Хите. Моя машина на улице. Могу подбросить, если хотите.

– Вы очень любезны, мистер…

– Джетроу, – представился молодой человек. – Джонни Джетроу.

Спускаясь по лестнице, Дермот спросил:

– Чем она занимается у дома Китса?

– Понимаете, художественные фотоснимки мы в студии больше не делаем. Предпочитаем естественное окружение, чтобы чувствовалось дуновение ветра. Ну и по возможности какой-нибудь неординарный фон. Например, строгое платье на фоне тюрьмы Уондсуорт или легкомысленный костюмчик возле дома известного поэта.

Мистер Джетроу быстро, но искусно провел машину по Тоттенхэм-Корт-роуд, вырулил на Кэмден-Таун и наконец оказался в районе Хэмпстед-Хит. На тротуаре возле дома Китса разыгрывалась сценка. Стройная девушка в прозрачном органди стояла, вцепившись в огромную черную шляпу. Чуть позади другая девушка оттягивала юбку

первой, как бы прикрывала материей свои колени, а юбка плотно обхватывала бедра и колени девушки в органди. Тут же была и фотохудожница – низким и глухим голосом она руководила съемкой:

– Господи, Джейн, задницу чуть опусти. А то она торчит прямо у нее над правым коленом. Чуть присядь. Вот, другое дело. Нет, чуть левее. Теперь то, что нужно. И куст хорошо оттеняет. Отлично. Снимаем! И еще раз. Сейчас вцепись в шляпу обеими руками. Голову выше. Блеск! Теперь ты повернись, Элси. Наклонись. Еще. Наклонись как следует! Ты поднимаешь с земли портсигар. Вот так. Шикарно! Есть! Теперь встань чуть левее. Позу не меняй, только голову чуть разверни к плечу. Точно.

– Не понимаю, зачем надо снимать мою задницу, – недовольно проворчала Элси.

– У тебя же не задница, а конфетка, дорогая. Просто глаз не оторвать, – растолковала ей фотограф. – А когда ты поворачиваешь голову, подбородок поднимается, будто луна восходит над горой. Не переживай, все как надо.

– Привет, Марго, – окликнул ее мистер Джетроу.

Она обернулась:

– А-а, это ты. Откуда ты взялся?

– Тут кое-кто хочет с тобой пообщаться. Главный детектив-инспектор Крэддок, департамент уголовного розыска.

Девушка метнула на Крэддока быстрый взгляд. Взгляд подозрительный, изучающий, но, в конце концов, вполне обычный. На появление детектива-инспектора так реагируют почти все. Девушка была худощавая, сплошь локти и острые углы, но в целом фигура выглядела привлекательной. Тяжелые занавеси темных волос ниспадали на щеки, цвет лица болезненно-желтоватый. Была в ее облике какая-то неопрятность. «В общем, – решил Крэддок, – не в моем вкусе». Зато в ней чувствовалась воля. Чуть приподняв брови, уже и так поднятые художественными средствами, она спросила:

– Чем могу быть полезна, детектив-инспектор Крэддок?

– Здравствуйте, мисс Бенс. Если не возражаете, ответьте мне на несколько вопросов о печальной истории, случившейся в Госсингтон-Холле, около Мач-Бенэма. Вы, если не ошибаюсь, были там по работе.

Девушка кивнула:

– Была. И все хорошо помню. – Она снова стрельнула в него глазами. – Но вас там не было. Был кто-то другой. Инспектор… инспектор…

– Инспектор Корниш? – подсказал Дермот.

– Точно.

– Нам позвонили чуть позже.

– Вы из Скотленд-Ярда?

– Да.

– То есть вы встряли и выхватили это дело у местной полиции. Так?

– Не совсем, никто ничего не выхватывал. Кому вести дело, решает начальник полиции графства.

– На основании чего?

– Если преступление чисто местное – одно дело, а если оно выходит за пределы деревни – другое. Случаются преступления международного масштаба.

– И что же, начальник полиции решил, что это преступление как раз международного масштаба?

– Лучше сказать, охватывающее два континента.

– Да, в газетах на это намекали. Что, мол, убийца хотел укокошить Марину Грегг, а по ошибке приговорил несчастную местную бабенку. Это правда или тут больше рекламы для их будущего фильма?

– Боюсь, мисс Бенс, что это правда, и правда несомненная.

– И что вы хотите от меня? Мне придется ехать в Скот-

ленд-Ярд?

Он покачал головой:

– Если только вы сами этого пожелаете. А вообще меня вполне устроит разговор в вашей студии.

– Хорошо. Моя машина за углом.

И она быстро зашагала по дорожке. Дермот последовал за ней.

– Пока, дорогая, – крикнул им вслед Джетроу, – давайте без меня. Знаю, вы с инспектором будете обсуждать великие тайны.

Он подошел к девушкам на тротуаре и принялся оживленно с ними болтать.

Марго села в машину, открыла другую дверцу и впустила Дермота Крэддока. За всю дорогу до Тоттенхэм-Корт-роуд она не произнесла ни слова. Машина свернула в тупик и в самом конце его заехала в открытые ворота.

– Тут у меня стоянка, – объяснила она. – Вообще-то здесь мебельный склад, но они сдали мне кусочек своей площади. Сами знаете, что значит запарковать машину в Лондоне. Или проблемы дорожного движения вас не сильно волнуют?

– Да, у меня другие проблемы.

– Надо думать, убийство вам больше по вкусу, – поддела его Марго Бенс.

Она провела его в студию, указала на кресло, предложила закурить и опустилась на просторную тахту напротив. Сквозь занавесь темных волос окинула его вопросительно-хмурым взглядом.

– Что ж, валяйте, – разрешила она.

– Насколько я знаю, вы фотографировали в день, когда умерла эта женщина? – спросил он.

– Да.

– К вам обратились как к профессионалу?

– Да. Им требовались специальные снимки. А я на этом деле собаку съела. Я частенько работаю для киностудий, а тут просто фотографировала прием, сделала несколько снимков, когда Марина Грегг и Джейсон Радд встречали именитых гостей. Местную знать и прочих важных птиц. В таком духе.

– Понимаю. Вы расположились с вашей камерой на лестнице?

– На некоторое время да. Уж больно хорошая была точка съемки. Люди проходят мимо тебя по ступеням, а потом ты разворачиваешься и видишь, как Марина с ними здоро-

вается. Стоя на месте, можно сделать массу снимков под разными углами зрения.

– Я знаю, вас уже спрашивали, не показалось ли вам что-то необычным, может быть, важным. Спрашивали вообще.

– Вы хотите спросить конкретно?

– Я бы сказал, чуть более конкретно. С того места, где вы стояли, вы хорошо видели Марину Грегг?

Она кивнула:

– Прекрасно видела.

– А Джейсона Радда?

– Иногда. Он больше двигался. Приносил выпить, представлял гостей друг другу. Знакомил местную знать со знаменитостями. В таком духе. Я не видела, как эта миссис Бэддли…

– Бэдкок.

– Да, извините, Бэдкок. Я не видела, как она сделала роковой глоток. Я ее вообще в этой толпе не видела.

– А вы помните, когда появился мэр?

– Да. Мэра я запомнила. Он был одет официально: цепь, мантия. Я сняла его крупным планом сверху вниз, суро-

вый вышел снимок, а потом щелкнула его, когда он здоровался с Мариной.

– Попробуйте восстановить в памяти ход событий. Дело в том, что миссис Бэдкок с мужем поднимались по лестнице непосредственно перед мэром.

Она покачала головой:

– Но я все равно ее не помню.

– Это не так важно. Важно другое: Марину Грегг вы все время видели хорошо, часто направляли на нее свою камеру, верно?

– Да. Почти все время. Ждала, когда можно будет щелкнуть.

– Вы знаете в лицо Ардуика Фенна?

– Да, конечно. Сколько раз видела по телевизору… и в кино.

– Вы его сфотографировали?

– Да, он поднимался с Лолой Брюстер.

– Сразу после мэра?

Секунду подумав, она согласно кивнула:

– Да, кажется.

– А вы не заметили, что примерно в это время Марине Грегг вдруг стало нехорошо? Не заметили какое-то необычное выражение на ее лице?

Марго Бенс наклонилась вперед, открыла портсигар и извлекла из него сигарету. Закурила. Она не ответила, но Дермот не стал ее подгонять. Он ждал, пытаясь догадаться, что именно она сейчас прокручивает в мозгу. Внезапно она бросила:

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Потому что очень хочу услышать ответ – надежный ответ.

– Вы считаете, что мой ответ будет надежным?

– Да, именно так. Вы ведь привыкли всматриваться в лица людей, подлавливать какие-то благоприятные моменты, ждать, когда появится нужное выражение лица.

Она кивнула.

– Так вы заметили что-то необычное?

– Не я одна, да?

– Да. Несколько человек, и все говорят разное.

– Что именно?

– Кто-то сказал, что она была на грани обморока.

Марго Бенс медленно покачала головой.

– Другой свидетель утверждает, что она словно чего-то испугалась. – Он выждал паузу, потом продолжил: – А третьему показалось, что у нее был застывший взгляд.

– Застывший… – задумчиво повторила Марго.

– Вы согласны с последним наблюдением?

– Не знаю. Может быть.

– Мне это преподнесли в более изысканной форме, – продолжал Дермот. – Словами давно почившего поэта, Теннисона: «…И в трещинах зеркальный круг. Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг Леди из Шалотта».

– Никакого зеркала там не было, – возразила Марго Бенс. – Но, будь оно там, оно вполне могло бы дать трещины. – Она резко поднялась. – Минутку. Я вам предложу нечто поинтереснее описания. Поглядите своими глазами.

Она оттолкнула занавеску в дальнем конце комнаты и ненадолго исчезла. Он слышал, как она ворчит за занавеской.

– Черт подери, – выругалась она, появившись снова. – Ни-

когда сразу не найдешь то, что нужно. Вот.

Подойдя ближе, она протянула ему глянцевую фотографию. Дермот взглянул на нее. Перед ним был очень хороший фотоснимок Марины Грегг. Она сжимала руку женщины, стоявшей перед ней и потому обращенной спиной к фотоаппарату. Но Марина Грегг не смотрела на собеседницу. Она уставилась… в камеру, но чуть левее и по диагонали. Любопытно, отметил про себя Крэддок, на лице никаких чувств. Ни страха, ни боли. Женщина на что-то смотрела, она что-то увидела, и охватившие ее чувства оказались столь сильны, что она была физически не в состоянии выразить их на лице. Однажды Дермот Крэддок видел такое лицо – лицо мужчины, который через секунду был застрелен, убит наповал…

– Удовлетворены? – спросила Марго Бенс.

Крэддок глубоко вздохнул:

– Да, спасибо. Знаете, иногда очень трудно определить, преувеличивают свидетели или нет, домысливают что-то или нет. Но тут, как выясняется, ничего подобного не было. Она действительно что-то увидела. Могу я попросить у вас фотографию?

– Пожалуйста. У меня есть негатив.

– В газеты вы ее не посылали?

Марго Бенс покачала головой.

– А почему? Ведь снимок, вообще-то говоря, довольно драматичный. Наверняка нашлась бы газета, заплатившая за него хорошие деньги.

– Нельзя же все мерить на деньги, – сказала Марго Бенс. – Если ты заглянул в чью-то душу по чистой случайности, наживаться на этом как-то неловко.

– Вы Марину Грегг раньше знали?

– Нет.

– Вы приехали сюда из Штатов?

– Родилась я в Англии. А учиться уехала в Америку. Года три назад приехала сюда.

Дермот Крэддок кивнул. Он заранее знал ответы на эти вопросы. Они лежали в его кабинете на столе, вместе с другой информацией. Похоже, девушка не собиралась ничего скрывать. Он спросил:

– Где вы учились?

– В студии Райнгардена. Какое-то время – у Эндрю Куилпа. Он многому меня научил.

Студия Райнгардена и Эндрю Куилп… Внезапно Дермот Крэддок насторожился. Где-то он эти фамилии уже слышал.

– Вы жили в Севен-Спрингс?

Она заметно удивилась:

– Вам, я вижу, обо мне многое известно. Наводили справки?

– Вы, мисс Бенс – известный фотограф. О вас можно прочитать в газетах. Почему вы приехали в Англию?

Она пожала плечами:

– Не люблю сидеть на месте. К тому же в Англии я родилась, хотя и переехала ребенком в Штаты.

– В раннем детстве?

– Вас интересуют такие подробности? Мне было пять лет.

– Интересуют. Мне кажется, мисс Бенс, вы рассказали далеко не все.

Лицо ее напряглось. Она пристально посмотрела на него:

– Как вас понимать?

Дермот Крэддок взглянул на нее и решил рискнуть. Собственно, почти никаких улик у него нет. Студия Райнгардена, Эндрю Куилп и название города. Но, казалось, старая

мисс Марпл сидит рядом и толкает его в бок.

– По-моему, вы знаете Марину Грегг гораздо лучше.

Она засмеялась:

– Докажите. У вас просто разгулялась фантазия.

– В самом деле? Сомневаюсь. А доказать можно, надо только постараться. Может быть, мисс Бенс, лучше самой сказать правду? Признаться, что Марина Грегг удочерила вас и вы жили в ее доме четыре года?

С резким шипением она втянула в себя воздух.

– Пронюхали, черт вас дери! – воскликнула она.

Он даже чуть вздрогнул, настолько это не вязалось с ее прежней манерой. Она поднялась, тряхнула копной черных волос.

– Да, да, это правда! Правда. Марина Грегг забрала меня с собой в Америку. У моей матери было восемь детей. Мы жили в каких-то трущобах. Сотни таких, как она, писали кинозвездам, о которых узнавали совершенно случайно, рассказывали им горькую историю своей жизни и умоляли взять ребенка, потому что сами ничего не могли ему дать. Об этом и вспоминать-то противно.

– Вас было трое, – сказал Дермот. – В разное время Марина Грегг взяла троих детей из разных мест.

– Верно. Меня, Рода и Энгуса. Энгус был постарше, Род совсем крошкой. Жизнь у нас была – лучше не придумать. Ах, какая жизнь! Все, что твоей душе угодно! – Она заговорила громче, слегка кривляясь: – Тряпки, машины, шикарный дом, гувернантки, хорошее образование, еда, что пальчики оближешь! Все одно к одному! И она – наша мамочка! «Мамочка» в кавычках! О-о, она честно играла свою роль, сюсюкала с нами, фотографировалась с нами. От умиления прямо плакать хочется.

– Но ей действительно хотелось иметь детей, – заметил Дермот Крэддок. – Тут никакой игры не было. Она взяла вас отнюдь не ради рекламы.

– Может быть. Пожалуй, вы правы. Ей хотелось иметь детей. Но ей не были нужны мы! По-настоящему – нет! Игра, представление, показуха: «Моя семья», «Так прекрасно, когда у тебя есть семья». И все это – при попустительстве Иззи. Уж он-то должен был понимать.

– Вы имеете в виду Изидора Райта?

– Да, это ее третий муж, если не четвертый, точно не помню. Кстати, замечательный человек. По-моему, он ее понимал и иногда беспокоился о том, что будет с нами. К нам он был очень добр, но отцом не прикидывался. Да и не чувствовал себя таковым. По-настоящему его волновало только его писательство. Я потом кое-какие его книги прочитала. Все больше мрачное и жестокое, но написано сильно. Наверное, когда-нибудь его причислят к великим

писателям.

– И долго это продолжалось?

Марго Бенс криво улыбнулась:

– Пока эта игра ей не надоела. Нет, не совсем так… Оказалось, что она ждет ребенка.

– И что?

Она засмеялась с неожиданной горечью:

– Тут нашему счастью и пришел конец! Мы ей стали не нужны. Как заменители мы ее устраивали, но на самом деле ей было на нас наплевать, совершенно. О-о, она дала отставку на вполне приличных условиях. Дом, приемная мать, деньги на учебу и кругленькая сумма, чтобы запустить нас на орбиту, – все это мы получили. Никто не отрицает, она соблюла все приличия, была достаточно щедра. Но мы никогда не были ей нужны – ей был нужен ее собственный ребенок.

– Едва ли ее следует за это винить, – мягко заметил Дермот.

– Я не виню ее в том, что ей хотелось иметь своего ребенка, вовсе нет! Но как же мы? Она оторвала нас от наших родителей, от родных мест. Моя мать, можно сказать, продала меня за тарелку похлебки, но о своей выгоде она при этом не думала. Она продала меня, потому что была дурой

и искренне считала, что я получу какие-то выгоды, образование и вообще буду жить как у Христа за пазухой. Она считала, что делает это для моего же блага. Знала бы она, какое это благо!

– Я вижу, рана саднит до сих пор.

– Нет, не саднит. Я это пережила и успокоилась. А горечь от того, что вспомнилось прошлое. Нам всем тогда было горько.

– Всем?

– Разве что кроме Рода. Род вообще никогда не переживал. К тому же он был совсем малыш. А мы с Энгусом страдали, только он, пожалуй, жаждал мести куда больше, чем я. Он сказал: «Когда вырасту, убью этого ребенка, который у нее родится».

– А про ребенка вы знали?

– Конечно. И о том, что случилось дальше, известно всем. Она с ума сходила от радости, что у нее наконец-то будет свой ребенок, а он родился идиотом! Так ей и надо. Как бы то ни было, забрать назад нас она не захотела.

– Вы ее ненавидите?

– А вас это удивляет? За всю жизнь никто не причинял мне такой боли. Думаешь, что ты любима и желанна, а потом оказывается, что тебя просто надули!

– А что случилось с вашими… Удобства ради назовем их братьями?

– Потом нас всех развело в разные стороны. У Рода ферма где-то на Среднем Западе. Он из тех, у кого всегда легко на душе. Про Энгуса ничего не знаю. Начисто потеряла его из виду.

– А жажда отмщения у него осталась?

– Не думаю, – сказала Марго. – Обычно такое со временем улетучивается. Когда мы виделись в последний раз, он сказал, что собирается стать актером. Стал или нет – не знаю.

– Во всяком случае, этот разговор вам запомнился, – сказал Дермот.

– Да, запомнился.

– А Марина Грегг удивилась, когда увидела вас в тот день, или вас пригласили по ее просьбе – ей хотелось сделать вам приятное?

– По ее просьбе? – Девушка презрительно усмехнулась. – Да она и понятия не имела, что я здесь. Мне было любопытно ее увидеть, вот я и подсуетилась, чтобы получить эту работу. У меня в мире фото и кино свои связи. Хотелось посмотреть, как она нынче выглядит. – Марго провела рукой по крышке стола. – Она меня даже не узнала. Как

вам это нравится? Я жила у нее четыре года. С пяти лет до девяти, а она меня даже не узнала.

– Дети меняются, – заметил Дермот Крэддок. – И очень часто до неузнаваемости. Я на днях встретил на улице племянницу, и, не останови она меня, клянусь вам, я бы прошел мимо.

– Это вы чтобы я так сильно не расстраивалась? Да мне вообще-то все равно. Впрочем, какого черта? Если честно, мне совсем не все равно. И никогда не было все равно. Есть у нее какие-то чары. Марина! Чары, перед которыми невозможно устоять и которые тебя губят. Можно человека ненавидеть и при этом по-своему его любить.

– И вы не сказали ей, кто вы?

Она покачала головой:

– Нет. Не сказала. И ни за что не скажу.

– А вы не пытались отравить ее, мисс Бенс?

Ее настроение изменилось. Она поднялась и засмеялась.

– Ну и вопросики вы задаете! Впрочем, куда вам деваться? Такая работа. Нет, могу вас заверить, я ее не убивала.

– Я вас спросил не об этом, мисс Бенс.

Она взглянула на него и озадаченно нахмурилась.

– Марина Грегг, – пояснил он, – пока еще жива.

– Надолго ли?

– Как вас понимать?

– Разве вам не кажется, инспектор, что кто-то попробует повторить попытку, и на сей раз, скорее всего, добьется успеха?

– Приняты меры предосторожности.

– Разумеется. Обожающий муж бдительно несет вахту и следит за тем, чтобы с женой ничего не случилось? – В голосе ее явно слышалась издевка. – Значит, вы спрашивали меня не об этом, – сказала она, видимо все еще озадаченная. – О чем же?

– О том, пытались ли вы убить ее. Вы ответили, что вы ее не убивали. Это правда, но другой-то человек умер, другого человека убили.

– Вы намекаете на то, что я пыталась убить Марину и по ошибке убила миссис… не помню, как ее звали. Если вам требуется полная ясность, могу сказать: я не пыталась отравить Марину и не отравила миссис Бэдкок.

– Может быть, вы знаете, кто это сделал?

– Уверяю вас, инспектор, не знаю абсолютно ничего.

– И даже никого не подозреваете?

– Ну, подозревать и строить догадки может любой, – она улыбнулась ему, опять-таки насмешливо. – В числе прочих убийцей может быть – вы со мной согласитесь? – черноволосая робот-секретарша, элегантный Хейли Престон, слуги, горничные, массажистка, парикмахерша, кто-то с киностудии, и, вполне возможно, этот человек совсем не тот, за кого себя выдает?

Неосознанно он сделал шаг в ее сторону, но она яростно замотала головой.

– Успокойтесь, инспектор, – сказала она. – Я просто вас поддразниваю. Кто-то жаждет Марининой крови, но кто – понятия не имею. Честное слово. Не имею понятия.

Глава 16

1

В доме номер 16 по Обри-клоуз миссис Бейкер разговаривала с мужем. Джим Бейкер, видный здоровяк блондин, в эту минуту собирал макет стратостата и был полностью поглощен этим занятием.

– Соседи! – воскликнула Черри. И тряхнула своими черными кудрявыми локонами. – Соседи! – ядовито прошипела она еще раз.

Она осторожно подняла сковородку с плиты, аккуратно переложила содержимое в две тарелки, сделав две нерав-

ные порции. Тарелку, где еды было больше, она поставила перед мужем.

– Сегодня у нас жареное мясо, – объявила она.

Джим поднял голову и оценивающе потянул носом воздух.

– Чувствую, – сказал он. – Что у нас сегодня за праздник? Мой день рождения?

– Тебе нужно хорошо питаться, – объяснила Черри.

В кремово-белом полосатом переднике с оборочками она выглядела обворожительно. Джим Бейкер чуть сдвинул в сторону составные части стратостата, чтобы освободить место для тарелки. Одарив жену широкой улыбкой, он спросил:

– Это кто сказал?

– К примеру, моя мисс Марпл! Если на то пошло, – добавила Черри, садясь напротив Джима и пододвигая к себе другую тарелку, – ей и самой не мешало бы подкормиться. Эта ее старая пантера, мисс Найт, потчует ее одними углеводами. Только и знает, что «чудесная каша», «чудесный пшеничный пудинг с маслом», «чудесный сыр с макаронами». И снова мягкий пудинг в розовом соусе. И целыми днями не дает ей покоя. Кажется, может заговорить до смерти.

– Ну, знаешь, – неопределенно пробурчал Джим. – Может, для инвалидов такая диета – в самый раз.

– Ничего себе, – фыркнула Черри, – для инвалидов! Мисс Марпл совсем не инвалид, просто лет ей много. И главное, всегда во все влезает!

– Кто, мисс Марпл?

– Нет. Эта ее мисс Найт. Меня учить изволит! Даже имеет наглость советовать, как готовить. Уж в готовке я как-нибудь лучше ее разбираюсь.

– Ну, тут тебе просто нет равных, – уважительно вставил Джим.

– Готовка – еще не все, – заметила Черри. – Надо еще, чтобы было из чего готовить, во что зубы вонзить.

Джим засмеялся:

– В это мясо зубы можно вонзать смело. Интересно, почему твоя мисс Марпл сказала, что меня надо подкормить? Когда я приходил к ней чинить полку в ванной, она решила, что у меня изможденный вид?

Теперь засмеялась Черри.

– Знаешь, что она мне сказала? «У вас красивый муж, моя дорогая. Очень красивый». Прямо как из романа, какие частями читают по телевизору.

– Надеюсь, ты с ней согласилась? – ухмыльнулся Джим.

– Я ответила, что муж у меня ничего.

– «Ничего»! По-моему, это слегка пресновато.

– А потом она добавила: «Дорогая моя, вы должны как следует ухаживать за вашим мужем. Как следует его кормить. Мужчине нужно много хорошего, отлично приготовленного мяса».

– Что верно, то верно!

– А еще она сказала: «Обязательно готовьте ему сами, а не пичкайте его всякими полуфабрикатами, которые только надо в печке разогреть». Вообще-то я этим и не злоупотребляю, – тут же оправдалась она.

– Ну, иногда можно, – разрешил Джим. – Эти полуфабрикаты на вкус очень разные.

– Лишь бы ты обращал внимание на то, что ешь, – сказала Черри. – И не слишком увлекался этими своими стратостатами и прочими моделями. И не говори мне, что этот набор ты купил в подарок своему племяннику Майклу на Рождество. Это ты купил игрушку себе.

– Он до нее еще не дорос, – извиняющимся тоном проговорил Джим.

– Знаю, ты хочешь провозиться с этой штукой целый вечер. Может, послушаем музыку? Ты купил пластинку, которую все нахваливал?

– Купил. Чайковский – «Тысяча восемьсот двенадцатый год».

– Бравурная такая музыка, будто идет битва, да? – спросила Черри. Она скорчила гримасу. – Наша миссис Хартуэлл тебе за это спасибо не скажет. Ох, эти мне соседи. Мочи нет их терпеть. Все время скулят и жалуются. Даже не знаю, кто из них хуже. То ли Хартуэллы, то ли Барнаби. Хартуэллы иногда барабанят в стену без двадцати одиннадцать. Это уж слишком, ведь еще не поздно! Даже телевидение и Би-би-си так рано не заканчивают. А нам, значит, нельзя музыку послушать? Только и знают: сделайте, пожалуйста, потише!

– Такую музыку нельзя делать потише, – авторитетно заявил Джим. – Если мало мощности, пропадает весь эффект. Это любому дураку известно. Для тех, кто любит музыку, это азбучная истина. Между прочим, их кошка все время наведывается в наш сад и раскидывает мои любимые клумбы.

– Если честно, Джим, мне здесь жуть как надоело.

– В Хаддерсфилде ты не очень тяготилась соседями, – заметил Джим.

– Там все было иначе! – воскликнула Черри. – Там мы

были сами по себе. А если что приключится, знаешь, что тебе помогут, да и ты готов помочь другим. Но в чужую жизнь никто не совался. А в таких новых застройках людям почему-то не дают покоя их соседи. Наверное, потому, что все мы здесь – приезжие. Сколько здесь сплетен, пересудов, жалоб – с ума сойти! В настоящих городах людям просто не до этого.

– Да, радость моя, может, ты и права.

– Тебе-то здесь нравится?

– Работа подходящая. Да и дом новехонький. Тесновато, правда, не могу как следует развернуться. Мне бы здесь мастерскую – было бы то, что надо.

– Сначала мне тут понравилось, – сказала Черри. – А сейчас сомнения берут. Дом вроде бы ничего, и синий цвет радует глаз, и ванная – загляденье, но люди… Что-то тут носится такое в воздухе… Нет, есть вполне симпатичные. Я тебе говорила, что Лили Прайс со своим Харри разбежались в разные стороны? Помнишь эту дурацкую историю, когда они пришли дом смотреть? И она чуть из окна не выпала? Так она потом сказала, что Харри даже не шевельнулся, так и стоял как истукан.

– И слава богу, что она от него убежала. Мерзавец – каких мало, – заметил Джим.

– Раз ребенок скоро появится, значит, надо замуж, да? Совсем не надо. Он на ней и жениться-то не хотел. Не шибко

он симпатичный. И мисс Марпл так сказала, – добавила Черри задумчиво. – Самой Лили. Лили решила, что старушка совсем сбрендила.

– Мисс Марпл? Я и не знал, что она его вообще видела.

– Видела, она как раз в тот день здесь прогуливалась и упала, а миссис Бэдкок помогла ей подняться и завела к себе. Как думаешь, у Артура и миссис Бейн что-нибудь получится?

Джим, чуть нахмурившись, взял в руки часть стратостата и сверился со схемой сборки.

– Мне неприятно, когда ты меня не слушаешь, – проворчала Черри.

– Что ты сказала?

– Артур Бэдкок и Мэри Бейн.

– Господи, Черри, да его жену только похоронили! Ох, женщины! Я слышал, у него сейчас с нервами совсем никуда – прямо подскакивает, если к нему обратишься.

– Вот уж странно. Никак не думала, что он будет так переживать. А ты?

– Убери, пожалуйста, все с этого края стола, – попросил Джим, не проявляя даже мимолетного интереса к делам соседей. – Тогда я смогу попросторнее разложиться.

Черри горестно вздохнула.

– Чтобы в этом доме на тебя обратили внимание, – язвительно сказала она, – надо как минимум быть турбореактивным двигателем. Жизни нет из-за этих твоих моделей!

Составив на поднос остатки ужина, Черри понесла его к раковине. Мыть посуду она не любила и оттягивала эту неизбежную процедуру до последней минуты. Вывалив посуду в раковину, она накинула вельветовую куртку и вышла из дому, бросив через плечо:

– Забегу к Глэдис Диксон. Хочу взять у нее выкройки из журнала мод.

– Давай, давай, старушка. – И Джим снова занялся моделью.

Метнув ядовитый взгляд в сторону соседской двери, Черри прошла мимо, свернула за угол на Бленхейм-клоуз и остановилась у дома номер 16. Дверь была открыта. Черри постучала, вошла в холл и позвала:

– Глэдис? Ты дома?

– Это ты, Черри? – миссис Диксон выглянула из кухни. – Она наверху, в своей комнате, что-то там кроит.

– Ладно, я поднимусь.

Черри вошла в маленькую комнату, там Глэдис, пухленькая простушка, раскрасневшись, стояла на коленях с булавками во рту и колдовала над бумажной выкройкой.

– Привет, Черри. Смотри, какую прелесть я купила в Мач-Бенэме на распродаже. К поперечному рисунку хорошо пойдут оборки, какие я сделала на териленовом платье.

– Должно получиться ничего, – одобрила Черри.

Глэдис поднялась, отдышалась.

– Нажила себе несварение желудка, – пожаловалась она.

– Нельзя тебе сгибаться вдвое сразу после ужина.

– Наверное, надо сесть на диету, – сказала Глэдис. Она опустилась на кровать.

– Что нового на студии? – спросила Черри, как всегда охочая до сплетен из мира кино.

– Ничего особенного. Правда, языками чесать не перестали. Вчера на площадку вернулась Марина Грегг – и тут же устроила кошмарную сцену.

– В смысле?

– Ей не понравился вкус кофе. По утрам, чуть попозже, на съемках всегда пьют кофе. Короче, она сделала глоток и говорит: вкус какой-то странный. Чушь, ясное дело. Ни-

какого странного вкуса быть не могло. Кофе приносят в кофейнике прямо из столовой. Ей-то я, конечно, наливаю в специальную фарфоровую чашку, шикарную такую, не как у других, – но из того же кофейника. Так что ничего странного в этой чашке быть не могло.

– Нервы, наверное, – предположила Черри. – И что дальше?

– Да ничего. Мистер Радд быстро всех успокоил. У него насчет этого настоящий талант. Он забрал у нее кофе и вылил в раковину.

– Между прочим, довольно глупо, – медленно сказала Черри.

– Почему… что глупо?

– Если с кофе что и было не так, теперь об этом никто не узнает.

– Что могло быть не так? – с тревогой в голосе спросила Глэдис.

– Видишь ли, – Черри пожала плечами, – в коктейле у нее в день приема что-то оказалось, верно? Такую штуку можно провернуть и с кофе. Не вышло с первой попытки – вдруг выйдет со второй?

Глэдис поежилась.

– Уж больно не нравится мне все это, Черри, – сказала она. – Кто-то ведь на нее взъелся. Были новые письма с угрозами… а тут еще эта история с бюстом.

– С каким бюстом?

– Мраморным. В павильоне на съемочной площадке отстроили кусочек то ли австрийской усадьбы, то ли дворца. С каким-то смешным названием, Шотбраун, кажется. По стенам развешали картины, кругом фарфоровая посуда, мраморные бюсты. Этот стоял наверху, на полке, – видно, не затолкнули его назад как следует. В общем, по дороге прогромыхал тяжелый грузовик, и от тряски этот бюст слетел вниз – прямо на то самое место, где Марина сидит во время большой сцены с графом… не помню, как его. Размолотил это кресло вдребезги! Слава богу, что в это время не снимали. Мистер Радд велел не говорить ей об этом ни слова и притащил вместо разбитого другое кресло, а когда вчера она появилась и спросила, почему поменяли кресло, он сказал: то кресло, мол, было из другой исторической эпохи, а это к тому же лучше смотрится в кадре. Но больно не понравилось ему все это, точно могу сказать.

Молодые женщины переглянулись.

– Занятно, – медленно произнесла Черри. – И в то же время…

– Пожалуй, уйду я оттуда, из студийной столовой, – сказала Глэдис.

– Почему? Тебя-то никто не собирается травить или бросать мраморные бюсты тебе на голову.

– Так-то оно так. Да ведь иногда хотят угробить одного, а достается другому. Ни в чем не повинному. Как Хитер Бэдкок.

– Что правда, то правда, – согласилась Черри.

– Знаешь, – сказала Глэдис, – я тут соображала. Я ведь была в тот день в Госсингтоне, помогала с обслуживанием. И в тот момент была совсем рядом.

– Когда Хитер умерла?

– Нет, когда она расплескала коктейль. Все платье заляпала. А платье, между прочим, просто прелесть, нейлоновое, ярко-синее. Купила его специально для этого случая. И чудно все как-то вышло.

– Что чудно?

– Я тогда сразу и не подумала. А вот сейчас соображаю, и выходит чудно.

Черри выжидательно смотрела на нее. Она поняла, что «чудно» в данном случае вовсе не означает «весело» или «забавно».

– Господи, и что там было чудного? – категорично спросила она.

– Я почти уверена, что она сделала это нарочно.

– Нарочно пролила коктейль?

– Да. Разве это не чудно?

– На совершенно новое платье? Не верю.

– А я себе думаю, – продолжала Глэдис, – что Артур Бэдкок будет делать со всеми платьями Хитер? Это платье отчистится, и сомневаться нечего. Я бы могла низ отрезать, прекрасная вышла бы юбка. Как считаешь, Артур Бэдкок рассердится, если я попрошу, чтобы он это платье мне продал? Там и переделывать почти ничего не надо, а платье – просто залюбуешься.

– А тебе… – Черри заколебалась, – не будет в нем…

– Что не будет?

– Ну, все-таки в этом платье умер человек… да еще не своей смертью…

Глэдис уставилась на нее.

– Я про это как-то не подумала, – призналась она. На минутку-другую задумалась. Потом воспрянула духом. – Ничего тут такого нет, – сказала она. – Ведь когда подержанные вещи покупаешь, они часто после покойника, верно же?

– Да. Но это не совсем одно и то же.

– Это уж ты капризничаешь, – сказала Глэдис. – Синева такая, что глаз не оторвать, и вещь, видно, дорогая. А насчет этой чудной истории… – задумчиво продолжала она. – Завтра перед работой я, пожалуй, загляну в Госсингтон и перекинусь словечком с мистером Джузеппе.

– Это их итальянский дворецкий?

– Да. Красивый до жути. Глаза так и сверкают. А уж нраву грозного, прямо страх. Когда мы, девушки, приходим туда помогать, он нас держит в ежовых рукавицах. – Она хихикнула. – А иногда бывает такой разлюбезный… В общем, надо рассказать ему про это и спросить, что делать.

– Не понимаю, о чем ты собираешься ему рассказывать.

– Ну как же, ведь чудно, – Глэдис не без вызова повторила любимое словечко.

– По-моему, – сказала Черри, – ты просто ищешь предлог, чтобы поболтать с мистером Джузеппе, только советую тебе быть осторожнее, девочка моя. Знаешь небось, что за народ эти итальянцы! Пылкие да страстные, только и знают, что внебрачных детей плодить!

Глэдис мечтательно вздохнула.

Черри взглянула на расплывшееся, чуть тронутое пятнами

лицо подруги и решила, что большой нужды в ее предупреждении нет. Клюнуть на Глэдис мистер Джузеппе мог разве что на полном безрыбье.

2

– Ага! – воскликнул доктор Хейдок. – Развязываем узелок, вижу, вижу.

Он перевел взгляд на горку пушистой белой шерсти.

– Вы сами посоветовали мне заняться развязыванием, когда не смогу вязать, – напомнила мисс Марпл.

– Вижу, вы вовсю взялись за дело.

– Я ошиблась в рисунке с самого начала. Все пошло не туда, вот и приходится развязывать. Уж больно сложный рисунок, вот в чем дело.

– Разве вас можно испугать сложным рисунком? Не думаю.

– Все-таки зрение у меня теперь не то, надо было вязать без всяких премудростей.

– Ну, это вам быстро наскучит. Рад, что вы вняли моему совету.

– Разве я не внимаю вашим советам всегда, доктор Хейдок?

– Нет, только когда вам это удобно.

– Скажите, доктор, когда вы давали этот совет, вы действительно имели в виду вязанье?

– А как развязывается другой узел? Убийство? – спросил он.

Мисс Марпл ему подмигнула, и он подмигнул в ответ.

– Боюсь, я уже не та, что была раньше, – мисс Марпл вздохнула и покачала головой.

– Ерунда, – возразил доктор Хейдок. – Не говорите мне, что вы не сделали некоторые выводы.

– Конечно, выводы я сделала. И даже весьма определенные.

– Например? – поинтересовался доктор.

– Если коктейль кто-то отравил… хотя плохо себе представляю, как это могли сделать…

– Скажем, заранее наполнить ядовитым веществом пипетку, – предположил доктор Хейдок.

– Вы блестящий профессионал! – восхитилась мисс Марпл. – Но и в таком случае весьма странно, что никто вокруг ничего не заметил.

– Значит, убить мало, нужно еще, чтобы это кто-то заметил?

– Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать.

– Выходит, убийца пошел на этот риск.

– Конечно. В этом я как раз не сомневаюсь. Я выяснила, что на месте преступления находились восемнадцать или двадцать человек. Уж кто-нибудь должен был что-то заметить.

Хейдок кивнул:

– Эта мысль напрашивается сама собой. Но никто ничего не заметил.

– То и странно, – задумчиво произнесла мисс Марпл.

– Что конкретно вас смущает?

– Тут есть три возможности. Я считаю, что по крайней мере один человек должен был что-то видеть. Один из двадцати. Иначе просто быть не может.

– Ну, это как сказать, – усомнился Хейдок. – Есть такой дурацкий тест по теории вероятности, когда на шестерых надеты белые шляпы, а на шестерых – черные, и надо математическим путем вычислить, перемешаются ли шляпы и в какой пропорции. Если ломать голову над такими проблемами, недолго и свихнуться. Можете мне поверить!

– Ни о чем подобном я не думала, – остановила его мисс Марпл. – Я думала лишь о степени вероятности…

– Да, тут вам нет равных. И никогда не было.

– Так вот, – продолжала мисс Марпл, – весьма вероятно, что из двадцати человек по крайней мере один – наблюдательный.

– Сдаюсь, – мистер Хейдок поднял руки. – Давайте ваши три возможности.

– Боюсь, получится довольно схематично, – сказала мисс Марпл. – Я не все до конца продумала. Тех, кто был на месте убийства, уже допрашивал инспектор Крэддок, а до него, видимо, Фрэнк Корниш, по идее, будь людям что сказать, они бы уже сказали.

– Это одна из ваших возможностей?

– Нет, разумеется. Ведь этого не произошло. Вопрос в следующем: если кто-то что-то видел, почему он об этом не сказал?

– Продолжайте.

– Возможность первая, – начала мисс Марпл, и щеки ее порозовели от возбуждения. – Человек что-то видел, но не понял, свидетелем чего он явился. Стало быть, человек этот достаточно глуп. То есть у него есть глаза, но туго

с мозгами. Если такого спросить: «Вы видели, как кто-то клал что-нибудь в бокал Марины Грегг?» – он обязательно ответит: «Нет», но если поставить вопрос иначе: «Вы видели, как кто-то держал руку над бокалом Марины Грегг?» – тут он скажет: «Да, конечно, видел!»

Хейдок засмеялся.

– Надо признаться, – заметил он, – мало кто допускает мысль о том, что в его обществе находятся придурки. Хорошо, вашу первую возможность я принимаю. Придурок все видел, но не уловил смысл увиденного. Переходим к возможности номер два.

– Тут шансов меньше, но они все-таки есть. Положить что-то в бокал мог человек, который никого бы этим не удивил.

– Можно пояснее, если не трудно?

– В наши дни люди все время что-то добавляют себе в еду или питье. В годы моей молодости считалось дурным тоном принимать лекарства вместе с едой. Все равно что высморкаться за обеденным столом. Не полагается, и все. Если тебе надо принять таблетки, пилюльки, заглотнуть столовую ложку микстуры, изволь выйти из-за стола и сделать это в другой комнате. Сейчас такого нет и в помине. Я как-то останавливалась у моего племянника Реймонда и видела, что его гости повсюду таскают за собой какие-то бутылочки с таблетками. Принимают лекарство до еды, во время еды, после еды. Таскают аспирин и тому подобные

пилюльки в сумочках и беспрерывно их принимают – с чаем или послеобеденным кофе. Понимаете?

– Конечно, – сказал доктор Хейдок. – Очень даже понимаю, и это весьма интересно. Вы хотите сказать, что кто-то… – Он остановился. – Нет, не буду у вас выхватывать изо рта. Говорите сами.

– Я хотела сказать, что не исключен следующий, довольно-таки дерзкий, но вполне возможный вариант: кто-то берет в руки бокал – разумеется, все считают, что бокал этот его (или ее) – и совершенно в открытую что-то туда подсыпает. Тут ни у кого не возникнет подозрений.

– Ну… он или она быть в этом уверены на сто процентов не могут, – заметил доктор Хейдок.

– Не могут, – согласилась мисс Марпл. – Доля риска, доля игры тут есть – и все же исключить такое нельзя. Но есть, – продолжала она, – и третья возможность.

– Значит, возможность номер один – придурок, – подытожил доктор. – Возможность номер два – азартный игрок, сорвиголова. Возможность номер три?

– Кто-то все видел, но решил попридержать язык.

Хейдок нахмурился.

– Зачем? – спросил он. – С целью шантажа? Но если так…

– Если так, – перебила его мисс Марпл, – положение весьма опасное.

– Да, вы правы. – Он бросил быстрый взгляд на мирную старушку с клубком белой пушистой шерсти на коленях. – Третий вариант кажется вам наиболее приемлемым?

– Нет, – сказала мисс Марпл. – Этого утверждать не стану. Пока нет оснований. Только бы, – тщательно подбирая слова, добавила она, – не убили еще кого-нибудь.

– Вы полагаете, могут убить кого-то еще?

– Надеюсь, этого не случится. Молюсь за это всей душой. Но ведь людей убивают так часто, доктор Хейдок. Это очень грустно и очень страшно. Людей убивают так часто.

Глава 17

Элла повесила трубку, улыбнулась про себя и вышла из телефона-автомата. Она была очень собой довольна.

– Главный инспектор Его Всемогущество Крэддок! – пробормотала она себе под нос. – Да я его работу делаю в два раза лучше, чем он. Вариации на тему «Тайное стало явным».

Она с наслаждением представила себе реакцию человека на другом конце линии. Наверное, ему было не по себе, когда он услышал в трубке угрожающий шепот:

«Я все видела. Видела, как вы…»

Она беззвучно засмеялась, уголки ее рта изогнулись в злобной и жестокой усмешке. Психологу было бы интересно взглянуть на нее в эту секунду. Только в последние дни к ней пришло это ощущение силы, власти. Она сама в полной мере не осознавала, как действовало на нее это пьянящее чувство…

Она прошла мимо Ист-Лоджа, и миссис Бэнтри, как всегда возившаяся в саду, помахала ей рукой.

Черт бы побрал эту старуху, подумала Элла. Поднимаясь по дорожке, она спиной чувствовала взгляд миссис Бэнтри.

Вдруг в мозгу у нее откуда ни возьмись всплыла поговорка: «Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить…»

Чушь. Никто не заподозрит, что именно она шепчет эти угрожающие слова…

Она чихнула.

Черт бы побрал эту сенную лихорадку.

Когда она вернулась в свой кабинет, у окна стоял Джейсон Радд.

Он круто повернулся:

– Где вы были? Я уж тут терялся в догадках.

– Надо было поговорить с садовником. У нас… – Она остановилась, увидев выражение его лица. – Что случилось?

Он совсем осунулся, глаза еще больше спрятались в глазницы. От клоунского веселья не осталось и следа. На него явно давил тяжелый груз. Бороться с перегрузками он умел, но в таком состоянии она не видела его никогда.

– Что случилось? – еще раз спросила она.

Он протянул ей лист бумаги:

– Результаты анализа кофе. Того самого, которое Марина отказалась пить.

– Вы послали его на анализ? – Она даже вздрогнула. – Но вы выплеснули его в раковину. Я сама видела.

Его широкий рот искривился в улыбке.

– Ловкость рук, Элла. Вы не знали, что я настоящий фокусник? Да, я вылил почти все, но кое-что оставил – для анализа достаточно.

Она взглянула на листок, который держала в руке.

– Мышьяк? – В голосе слышалось недоверие.

– Да, мышьяк.

– Значит, Марина была права, когда сказала, что кофе горчит?

– Нет, насчет этого не права. У мышьяка нет вкуса. Но инстинкт ее не подвел.

– А мы думали, что она ведет себя как истеричка!

– Станешь тут истеричкой! Шутка ли дело? Прямо на ее глазах замертво падает женщина. Записки с угрозами сыплются одна за другой… Сегодня, кстати, не было?

Элла покачала головой.

– Кто их подбрасывает, черт побери? Хотя, наверное, ничего сложного нет – все окна нараспашку. Подбрасывай на здоровье.

– Что же теперь, закрыть наглухо все окна и двери? В такую жару? В конце концов, у дома дежурит полицейский.

– Да, к тому же Марина и так испугана, не хочу пугать ее еще больше. На записки с угрозами можно было бы не обращать внимания, но мышьяк, Элла, мышьяк – это совсем другое дело…

– В доме отравить пищу никто не может.

– Так ли уж не может, Элла? Так ли не может?

– Кто-то увидит. Ведь без специального разрешения…

Он перебил ее:

– За деньги, Элла, люди идут на многое.

– Не на убийство же!

– И на убийство тоже. Кстати, человек может и не знать, что совершает убийство. Слуги…

– Уверена, что слуги здесь ни при чем.

– А Джузеппе? Не знаю, так ли я могу доверять Джузеппе, если речь идет о деньгах… Конечно, он работает у нас не первый день, и все же…

– Неужели нужно себя так терзать, Джейсон?

Он плюхнулся в кресло. Подался вперед, длинные руки повисли между колен.

– Что делать? – слабым голосом медленно произнес он. – Господи, ну что же делать?

Элла молчала. Она сидела и смотрела на него.

– Здесь она была счастлива, – сказал Джейсон. Он обращался скорее к себе, чем к Элле. И смотрел на ковер. Если

бы он поднял голову, то, скорее всего, подивился бы выражению ее лица. – Была счастлива, – повторил он. – Надеялась найти здесь счастье и вроде бы нашла его. Она сама сказала это в тот день, когда пришла миссис… забыл, как ее зовут…

– Бэнтри?

– Да. Когда мы пригласили миссис Бэнтри к чаю. Марина сказала тогда: «На душе так покойно». Наконец-то она нашла место, где можно осесть и быть счастливой и ни о чем не тревожиться. Господи, ни о чем не тревожиться!

– И они зажили спокойно и счастливо? – В голосе Эллы послышалась легкая ирония. – Попахивает детской сказочкой.

– Во всяком случае, она в это верила.

– А вы – нет, – сказала Элла. – Вы ни в какую райскую жизнь не верили?

Джейсон Радд улыбнулся:

– Нет. В вечное блаженство я не верил. Но мне казалось, что какое-то время – год или два – можно будет жить в покое и согласии. Я надеялся, что она станет другим человеком. Появится уверенность в себе. Она почувствует себя счастливой. А когда она счастлива, она превращается в настоящего ребенка. Да, в настоящего ребенка. И вдруг – такое.

Элла заерзала в кресле.

– С каждым из нас что-то случается, – резко бросила она. – Такова жизнь. От этого никуда не деться. Кто-то умеет подлаживаться под обстоятельства, кто-то – нет. Она из тех, кто не умеет.

Элла чихнула.

– Опять сенная лихорадка не дает покоя?

– Да. Кстати, Джузеппе уехал в Лондон.

Джейсон слегка удивился:

– В Лондон? Зачем?

– Какие-то семейные дела. У него родственники в Сохо, и кто-то из них серьезно болен. Он обратился к Марине, и она сказала: пусть едет. Вот я его и отпустила. К вечеру вернется. Вы ведь не против?

– Нет, – сказал Джейсон. – Не против…

Он поднялся и стал шагать по комнате.

– Если бы я мог увезти ее отсюда… сейчас же… немедленно.

– И свернуть съемки? Но вы только представьте…

Он повысил голос:

– Я ни о чем, кроме Марины, думать сейчас не могу. Неужели вы не понимаете? Ей угрожает опасность. Мне больше ничего в голову не идет.

Она хотела что-то возразить, но смолчала. Еще раз чихнула в ладошку и поднялась.

– Пойду возьму свой пульверизатор, чуть-чуть подлечусь.

Она вышла из комнаты и направилась в свою спальню, а в мозгу ее эхом гудело одно слово:

«Марина… Марина… Марина… Всегда Марина, и только Марина…»

Подавив забурливший гнев, она вошла в ванную и взяла с полочки свой пульверизатор.

Вставила наконечник в ноздрю и нажала на стеночку.

В мозгу вспыхнул сигнал тревоги, но на долю секунды запоздал… Незнакомый запах горького миндаля… Но пальцы уже совершили непоправимое, роковое движение…

Глава 18

1

Фрэнк Корниш положил трубку.

– Мисс Брюстер сегодня в Лондоне не будет, – объявил он.

– Так и не будет? – спросил Крэддок.

– Вы думаете, что…

– Не знаю. Вроде бы оснований не верить нет, но не знаю… А что Ардуик Фенн?

– Тоже нет. Я попросил, чтобы он позвонил, когда появится. Марго Бенс, девушка-фотограф, работает где-то за городом. Ее женоподобный партнер не знает, где именно… по крайней мере, так он сказал. А дворецкий смылся в Лондон.

– Как бы этот дворецкий не смылся навсегда, – задумчиво произнес Крэддок. – К умирающим родственникам я всегда относился с большим подозрением. Что его вдруг понесло в Лондон?

– Перед отъездом он вполне мог подлить в пульверизатор цианистый калий.

– Это мог сделать кто угодно.

– По-моему, он – самый подходящий кандидат. Вряд ли это кто-то из посторонних.

– Почему? Надо только улучить минуту. Оставляешь машину где-то на боковой дорожке, ждешь, когда все собира-

ются, скажем, в гостиной, влезаешь в окно и пробираешься наверх. Вокруг дома сплошные кусты.

– Уж очень рискованно.

– Наш убийца – любитель рискнуть. Это было ясно с самого начала.

– Но возле дома постоянно дежурит человек.

– Знаю. Значит, одного оказалось недостаточно. Пока дело не шло дальше анонимных записок, я не чувствовал особой опасности. Сама Марина Грегг была под надежной охраной. А что опасность может угрожать кому-то другому…

Зазвонил телефон. Трубку снял Корниш.

– Звонят из «Дорчестера». Мистер Ардуик Фенн.

Он передал трубку Крэддоку.

– Мистер Фенн? Крэддок слушает.

– Я слышал, вы мне звонили. Меня целый день не было.

– У меня, мистер Фенн, неприятные новости: сегодня утром умерла мисс Зелински, отравление цианистым калием.

– Да что вы? Какая беда! Несчастный случай? Или нет?

– Нет. Кто-то добавил синильную кислоту в пульверизатор, которым она всегда пользовалась.

– Понимаю. Да, понимаю… – Последовала небольшая пауза. – А почему, позвольте узнать, в связи с этим прискорбным событием вы звоните мне?

– Вы ведь знали мисс Зелински, мистер Фенн.

– Знал, разумеется. И не один год. Но в число моих близких друзей она не входила.

– Мы рассчитываем на вашу помощь, сэр.

– Какую именно?

– Нам неясен мотив убийства. Может, вы что-то подскажете? В Англию она переехала недавно. Нам почти ничего не известно о ее друзьях, коллегах, обстоятельствах жизни.

– Лучше других на эти вопросы может ответить Джейсон Радд.

– Разумеется. С ним мы уже говорили. Но вдруг вам известно о ней что-то, о чем не знает он?

– Ну, это вряд ли. Что я знаю об Элле Зелински? Что это исключительно способная молодая женщина, блестяще выполняющая свою работу. Это все. О ее личной жизни мне не известно абсолютно ничего.

– То есть никаких соображений по поводу ее смерти у вас нет?

Крэддок был готов услышать решительное «нет», но, к его удивлению, ответа не последовало. Наступила долгая пауза. Было слышно, как на другом конце линии Ардуик Фенн тяжело сопит.

– Вы меня слушаете, главный инспектор?

– Да, мистер Фенн. Слушаю.

– Я сейчас кое-что вам скажу, и, думаю, это вам поможет. Вы поймете, что у меня есть основания держать это при себе. Но все-таки считаю, что скрывать это неразумно. Вот вам факты. Несколько дней назад мне позвонили. Кто-то говорил шепотом. Сказано было следующее, я цитирую: «Я все видела. Видела, как вы… Как вы положили таблетки в бокал… Не ожидали, что у вас есть свидетель? Пока все, скоро вы узнаете, что вам делать дальше».

Крэддок издал удивленное восклицание.

– Поразительно, мистер Крэддок, да? Категорически заверяю вас, что это обвинение ни на чем не основано. Никаких таблеток я в бокал не подкладывал. Пусть кто угодно докажет обратное. Это чистейший абсурд. Зато можно сделать вывод, что мисс Зелински решила заняться шантажом.

– Вы узнали ее по голосу?

– Узнать человека, когда он говорит шепотом, очень трудно. Но это была она, Элла Зелински.

– Откуда вы знаете?

– Перед тем как повесить трубку, шантажистка громко чихнула. Я знал, что мисс Зелински давно болеет сенной лихорадкой.

– И что вы об этом думаете?

– Что ее первая попытка оказалась неудачной, объект для шантажа был выбран неверно. Видимо, со второй или третьей попытки она нашла того, кому было чего опасаться. И вот результат.

Крэддок окончательно взял себя в руки.

– Мистер Фенн, большое вам спасибо. Для проформы я хотел бы точно знать, где вы находились в течение сегодняшнего дня.

– Разумеется. Мой шофер даст вам подробный отчет.

Крэддок повесил трубку и пересказал свой разговор с Фенном. Корниш присвистнул.

– Либо его можно вычеркивать из списка подозреваемых. Либо…

– Либо это великолепный блеф. Почему бы нет? Он как раз из тех, кто на такое способен. И если есть хоть малейшая вероятность того, что свои подозрения Элла Зелински изложила на бумаге, это великолепный ход – взять быка за рога.

– А его алиби?

– Фальшивым алиби сейчас никого не удивишь, – сказал Крэддок. – Он в состоянии раскошелиться за надежное алиби.

2

Когда Джузеппе вернулся в Госсингтон, было больше полуночи. От Мач-Бенэма он взял такси, потому что последний поезд до Сент-Мэри-Мид упустил.

Он был в превосходном настроении. Расплатившись у ворот с водителем, он пошел напрямик через кустарник. Открыл заднюю дверь своим ключом. Дом был окутан тишиной и полумраком. Джузеппе запер дверь, закрыл ее на задвижку. Повернувшись к лестнице, ведшей в его уютную спальню с прилегающим туалетом, он ощутил легкий сквозняк. Наверное, где-то оставили открытым окно. Ну и бог с ним, решил Джузеппе. Улыбаясь собственным мыслям, он поднялся наверх и воткнул ключ в замочную скважину. Свою комнату он всегда держал запертой. Повернув ключ, он распахнул дверь… и тут в спину ему уперлось что-то жесткое и круглое. Голос сказал: «Руки вверх и не вздумай кричать».

Руки Джузеппе быстро взметнулись вверх. Чтобы никто ни в чем не сомневался. Но никто и не думал сомневаться.

Палец нажал на спуск… один раз… второй.

Джузеппе упал лицом вперед.

Бьянка подняла голову от подушки.

Что это было? Выстрел? Ну да, выстрел… Она подождала несколько минут. «Нет, видно, ошиблась», – решила она и снова уснула.

Глава 19

1

– Какой ужас, – сказала мисс Найт. Она положила покупки и теперь стояла, судорожно хватая ртом воздух.

– Что-то случилось? – спросила мисс Марпл.

– Мне так не хочется говорить вам об этом, дорогая, так не хочется. Для вас это будет настоящий удар.

– Не скажете вы, – заметила мисс Марпл, – скажет кто-то еще.

– Вы правы, правы, дорогая моя, – закудахтала мисс Найт. – Ужасно, но это так. Сейчас люди только и знают, что все рассказывают друг другу. Да разве так можно? Лично я никому и ничего не пересказываю. Я – человек осторожный.

– Вы говорили, – перебила ее мисс Марпл, – будто случилось что-то ужасное?

– Я совершенно выбита из колеи, – призналась мисс Найт. – Вы уверены, дорогая, что из окна не сквозит?

– Хочется немножко свежего воздуха.

– Но ведь мы можем простудиться, правда? – игриво стояла на своем мисс Найт. – Знаете что? Я сейчас приготовлю замечательный яичный коктейль, мигом. Мы ведь его любим, правда?

– Не знаю, любите ли его вы, – ответила мисс Марпл. – Но если любите, я буду только счастлива, что вам доведется его отведать.

– Ну-ну, – мисс Найт шаловливо затрясла пальчиком. – Пошутить мы всегда были большие мастерицы, да?

– Но вы что-то хотели мне сказать, – напомнила мисс Марпл.

– Незачем вам об этом беспокоиться, – увильнула мисс Найт, – и лишний раз тратить свои нервы, тем более что нас это совершенно не касается. А удивляться нечему – столько кругом американских гангстеров развелось.

– Еще кого-то убили, – предположила мисс Марпл. – Правильно?

– Вы так проницательны, дорогая моя. Но как вы догадались?

– Между прочим, – задумчиво произнесла мисс Марпл, – именно этого я и ждала.

– Неужели? – воскликнула мисс Найт.

– Всегда найдется человек, который что-то видел. Но иногда он не сразу понимает, свидетелем чего был. Кого же убили?

– Итальянского дворецкого. Застрелили ночью.

– Понятно, – опять-таки задумчиво пробормотала мисс Марпл. – Что ж, вероятно, до него все-таки дошел смысл того, что он видел…

– Интересно! – воскликнула мисс Найт. – Вы говорите так, будто вам об этом все известно. А почему его должны были убить?

– Наверное, потому, – объяснила мисс Марпл, – что он пытался кого-то шантажировать.

– Говорят, вчера он ездил в Лондон.

– Вот как? Это очень любопытно и наводит на размышления.

Мисс Найт удалилась в кухню, намереваясь приготовить целебную жидкую смесь. Мисс Марпл продолжала в задумчивости сидеть, пока ее не вывело из этого состояния назойливое жужжание пылесоса; оно сопровождалось пением Черри, мурлыкавшей последний шлягер «Я сказал тебе, а ты сказала мне».

Из-за кухонной двери высунула голову мисс Найт.

– Черри, не так громко, пожалуйста, – попросила она. – Ведь вы не хотите потревожить нашу дорогую мисс Марпл, правда? Нельзя быть такой эгоистичной.

Она снова закрыла кухонную дверь, и Черри вопросила, то ли про себя, то ли обращаясь ко всему миру в целом:

– А кто тебе позволил называть меня Черри, вешалка ты старая?

Пылесос продолжал подвывать, а Черри – петь, правда, чуть потише. Вдруг раздался ясный и четкий голос мисс Марпл:

– Черри, зайдите на минутку.

Выключив пылесос, Черри открыла дверь в комнату.

– Мисс Марпл, я тут распелась, извините, если потревожила.

– Ваше пение куда приятнее этой кошмарной жужжалки,

– успокоила ее мисс Марпл. – Что поделаешь, примета времени. Ведь никого из вас, нынешней молодежи, не заставишь убирать квартиру по старинке, веником и совком.

– Что-о, ползать на коленях с совком и веником? – поразилась Черри.

– Я понимаю, это нечто неслыханное. Войдите и закройте за собой дверь. Я позвала вас, потому что хочу поговорить.

Черри повиновалась и подошла к мисс Марпл, которая изучающе смотрела на нее.

– У нас не так много времени, – сказала мисс Марпл. – Эта старая… я хотела сказать, мисс Найт может войти сюда в любую минуту с каким-то яичным коктейлем.

– Что ж, он вам полезен. Повышает тонус, – подбодрила свою нанимательницу Черри.

– Вы слышали, – спросила мисс Марпл, – что вчера вечером в Госсингтон-Холле застрелили дворецкого?

– Что, этого итальянца?

– Да. Кажется, его звали Джузеппе.

– Нет, не слышала. Я слышала другое – у секретарши мистера Радда вчера был сердечный приступ, и кто-то даже клялся, что она умерла, но это скорее всего слухи. А кто

рассказал вам про дворецкого?

– Мисс Найт.

– Ну, сегодня утром я еще ни с кем словечком не перекинулась. Вы первая. Наверное, это совсем свежая новость. Выходит, его убрали? – вопросила Черри.

– Предполагают, что так. А уж правда это или нет, пока не знаю.

– Здесь очень удобно разговаривать, – сказала Черри. И тут же задумчиво добавила: – Интересно, успела Глэдис с ним повидаться или нет?

– Глэдис?

– Это как бы моя подружка. Мы живем рядом. Работает в столовой на киностудии.

– И она говорила с вами про Джузеппе?

– Да, ей кое-что показалось чудным, и она хотела спросить его, что он об этом думает. Но это был просто предлог – она к нему неровно дышит, вот и все. Он, конечно, мужчина интересный, и вообще итальянцы к женщинам подход имеют – я ей сказала, ты с ним поосторожней. Сами знаете, что за народ эти итальянцы.

– Вчера он уехал в Лондон, – сказала мисс Марпл. – И, как я поняла, вернулся поздно вечером.

– Интересно, удалось ей увидеть его до отъезда или нет?

– А почему она хотела с ним встретиться, Черри?

– Просто кое-что показалось ей чудным.

Мисс Марпл внимательно посмотрела на нее. Она была в состоянии понять, какой смысл в слово «чудной» вкладывали девушки, подобные Глэдис.

– Она вместе с другими помогала на вечеринке, – объяснила Черри. – В день приема. Когда миссис Бэдкок в ящик сыграла.

– Да? – мисс Марпл сразу насторожилась, будто фокстерьер, обнаруживший крысиную нору.

– Вот она там что-то увидела, что показалось ей чудным.

– Почему же она не сообщила об этом полиции?

– Да она не думала, что тут что-то серьезное. В общем, решила, что лучше сначала спросить мистера Джузеппе.

– Что же она в тот день увидела?

– Если по правде, – призналась Черри, – мне это показалось чистой ерундой. Я еще подумала, это она мне специально голову морочит, а сама только и думает, как бы повидать мистера Джузеппе. По другому поводу.

– И что же она сказала? – терпеливо, но настойчиво спросила мисс Марпл.

Черри нахмурилась:

– Про миссис Бэдкок и ее коктейль, она совсем рядом стояла. Так вот, она якобы сделала это сама.

– Что сделала сама?

– Расплескала коктейль на платье и испортила его.

– В смысле из-за неловкости?

– Нет, не из-за неловкости. Глэдис сказала: она сделала это нарочно, именно хотела расплескать коктейль. Ну, тут как ни крути, а такого быть не может, верно же? Какой в этом смысл?

Мисс Марпл озадаченно покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Нет, конечно… никакого смысла я тут не вижу.

– Ведь она была в новом платье, – добавила Черри. – С этого, кстати, и разговор зашел. Глэдис говорит: вот бы это платье купить! Вычистить его можно без проблем, но уж больно неохота идти с таким делом к мистеру Бэдкоку. Она ведь сама хорошая закройщица, Глэдис то есть, и платье, говорит, просто загляденье. Ярко-синее, из искусственной

тафты. Даже если пятна не отойдут, низ вполне можно ушить – фасон у юбки широкий.

Мисс Марпл на секунду задумалась над этими портняжными тонкостями, но тут же выбросила их из головы.

– Вам кажется, что ваша подруга что-то от вас утаивает?

– Ну, я подумала, может, она еще что-то видела… а то – Хитер Бэдкок вылила на себя коктейль… Я просто не вижу, о чем тут спрашивать мистера Джузеппе.

– Я тоже, – согласилась мисс Марпл. – Но когда ты чего-то не видишь, это еще не значит, что ничего и нет. Не видишь – а вдруг ты неверно выбрал угол зрения? Или у тебя нет полной информации. Похоже, в данном случае дело обстоит именно так. – Она вздохнула. – Жаль, что она не обратилась прямо в полицию.

Дверь открылась, и в комнату вторглась мисс Найт, она держала высокий стакан, в котором соблазнительно пенилось что-то бледно-желтое.

– Вот, дорогая моя, – сказала она. – Вкуснятина, просто пальчики оближешь. Мы это выпьем с превеликим удовольствием, правда?

Она выдвинула небольшой столик и поставила его перед своей нанимательницей. Потом бросила взгляд на Черри.

– Пылесос, – холодно заметила она, – стоит в холле пос-

реди дороги. Я споткнулась о него и едва не упала. От несчастного случая не застрахован никто.

– Это точно, – откликнулась Черри. – Идем трудиться дальше!

И она вышла из комнаты.

– Ох уж эта миссис Бейкер! – проворчала мисс Найт. – Все время я должна ей на что-то указывать. Бросает пылесосы где попало и идет сюда к вам молоть языком, когда вам так нужен покой.

– Я сама ее позвала, – объяснила мисс Марпл. – Хотела с ней поговорить.

– Надеюсь, вы сказали ей, что убирать кровати можно и получше, – сказала мисс Найт. – Я была просто потрясена, когда вчера увидела, как убрана ваша постель. Мне все пришлось перестелить самой.

– Вы очень любезны, – поблагодарила мисс Марпл.

– Да я, если надо помочь, никогда не отказываюсь, – затараторила мисс Найт. – Для чего же еще я здесь? Чтобы некой особе было очень удобно и счастливо – вот для чего. Дорогая вы моя, дорогая, – она всплеснула руками, – вы опять так много развязали!

Мисс Марпл откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

– Я хочу немножко отдохнуть, – сказала она. – Поставьте стакан сюда… спасибо. И пожалуйста, не заходите ко мне как минимум три четверти часа.

– Конечно, конечно, дорогая моя, – заторопилась мисс Найт. – И миссис Бейкер я велю, чтобы не шумела.

И она целеустремленно направилась к двери.

2

Симпатичный молодой американец озадаченно огляделся по сторонам.

Как разобраться в этом переплетении улиц?

Он вежливо обратился к седовласой и розовощекой пожилой даме, кажется единственному живому существу в квартале:

– Извините, мадам, не подскажете ли, как найти Бленхейм-клоуз?

Пожилая дама внимательно посмотрела на него. Он уже решил было, что она туговата на ухо, и собрался задать вопрос погромче, но тут она заговорила:

– Пойдете сюда, повернете направо, потом налево, потом во второй переулок направо и дальше прямо. Какой номер дома вам нужен?

– Шестнадцать. – Он сверился с листочком бумаги. – Глэдис Диксон.

– Правильно, – подтвердила пожилая дама. – Но, по-моему, она работает на студии «Хеллингфорт». В столовой. Скорее всего, вы найдете ее там.

– Она сегодня утром не пришла, – объяснил молодой человек. – Я должен забрать ее и отвезти в Госсингтон-Холл. Там сегодня работать некому.

– Разумеется, – согласилась пожилая дама. – Вчера вечером застрелили дворецкого, да?

Молодого человека эти слова ошеломили.

– Вижу, в ваших краях новости передаются быстро, – вымолвил он.

– Что верно, то верно, – снова согласилась дама. – Насколько я знаю, секретарша мистера Радда тоже умерла, от какого-то приступа. – Она покачала головой. – Кошмар. Сущий кошмар. И куда мы катимся?

Глава 20

1

Чуть позже в дом номер 16 на Бленхейм-клоуз наведался еще один посетитель. Это был детектив-сержант Уильям (Том) Тиддлер.

Он резко постучал по веселенькой ярко-желтой дверке,

ему открыла девочка лет пятнадцати. Ее длинные светлые волосы висели космами, она носила черные брючки в обтяжку и оранжевый свитер.

– Здесь живет мисс Глэдис Диксон?

– Вам Глэдис? Считайте, вам не повезло. Ее нет.

– Где же она? Пошла на свидание?

– Нет. Уехала. Как бы в отпуск.

– Куда?

– Кто ее знает.

Том Тиддлер улыбнулся девочке своей самой обворожительной улыбкой:

– А войти можно? Мама дома?

– На работе. Раньше половины восьмого не придет. Да больше, чем я, она вам все равно не скажет. Глэдис уехала в отпуск.

– Понятно. А когда она уехала?

– Утром. Сразу. Сказала, ее отвезут забесплатно.

– А ты не дашь мне ее адрес?

Светловолосая девочка покачала головой.

– Нету адреса, – сказала она. – Говорит, пришлю адрес, как только узнаю, где остановилась. А сама возьмет да и не пришлет, – добавила она. – Прошлым летом намылилась в Ньюкей и даже открытку нам не бросила. Она насчет этого ленивая и вообще говорит: что это матери все беспокоятся?

– Кто-нибудь дал ей деньги на этот отпуск?

– Наверное, – сказала девочка. – У нее сейчас с деньгами туго. На той неделе на распродажу ездила.

– А может быть, ты знаешь, кто предложил Глэдис эту поездку… кто ее оплатил?

Девочка вдруг вся подобралась, нахохлилась:

– Вы ничего такого не думайте. Глэдис не из таких. Может, она со своим парнем и ездит вместе отдыхать в августе, но ничего такого в этом нет. За себя она платит сама. Так что вы ничего такого не думайте, мистер.

Тиддлер вяло пробурчал, что ничего такого он и не думает, но хотел бы получить адрес, если Глэдис Диксон пришлет открытку.

Все собранные за день сведения он принес в участок. На студии он узнал, что утром звонила Глэдис Диксон и сказала, что примерно неделю ее на работе не будет. Узнал и

еще кое-что.

– У них там на студии настоящий бедлам, – сообщил он. – У Марины Грегг что ни день, то истерика. Тут заявила, что ей подсунули отравленный кофе. Что оно, мол, горчит. Жутко разнервничалась. Муж забрал у нее чашку, выплеснул кофе в раковину и велел ей не сходить с ума.

– Так, – выжидательно сказал Крэддок.

– Но прошел слух, что мистер Радд выплеснул в раковину не все. Сколько-то кофе осталось в чашке, он отдал его на анализ, и там оказался яд.

– Как-то мало похоже на правду, – буркнул Крэддок. – Спрошу об этом его самого.

2

Джейсон Радд был взвинчен, раздражен.

– Инспектор Крэддок, – сказал он, – я имел на это полное право.

– Если вы заподозрили, что с кофе что-то не так, мистер Радд, вам следовало бы передать его нам.

– Да у меня и на секунду не возникло такого подозрения, вот в чем дело!

– Хотя ваша жена уверяла, что кофе горчит?

– Господи! – На лице Радда появилась едва заметная печальная улыбка. – Со дня приема горчит практически все, что моя жена ест или пьет. А если прибавить к этому записки с угрозами…

– Что, были новые?

– Еще две. Одну подбросили в окно. Другую сунули в почтовый ящик. Вот они, можете полюбоваться.

Крэддок взглянул на записки. Как и первая, они были отпечатаны на машинке. Одна гласила: «Теперь уже скоро. Готовься».

На другой был намалеван череп со скрещенными костями, а под рисунком шла надпись: «Это ты, Марина».

Брови Крэддока поползли вверх.

– Уж больно по-детски, – сказал он.

– Вы хотите сказать, их не стоит принимать всерьез?

– Отнюдь, – возразил Крэддок. – Мозг убийцы часто напоминает мозг ребенка. Вы действительно не представляете, мистер Радд, кто автор этих писаний?

– Понятия не имею. Не могу избавиться от чувства, что все это какая-то мрачная шутка, и не более того. Мне даже казалось… – Он заколебался.

– Что, мистер Радд?

– Что это кто-нибудь из местных, может быть, человек, который… вдохновился отравлением в день приема. Может быть, он недолюбливает актерскую братию вообще. Ведь некоторые провинциалы считают актерство орудием дьявола.

– Вы хотите сказать, что в действительности мисс Грегг ничто не угрожает? Но как тогда быть с кофе?

– Я даже не знаю, как вам стало об этом известно, – сказал Радд с некоторым раздражением.

Крэддок покачал головой:

– Слухами земля полнится. Рано или поздно все тайное становится явным. Но вы должны были прийти к нам. Даже получив результат анализа, вы не сочли нужным нам сообщить.

– Не счел, – подтвердил Джейсон. – Но у меня и других забот хватало. Во-первых, смерть бедной Эллы. Теперь еще и Джузеппе. Инспектор Крэддок, когда я смогу увезти отсюда жену? Она на грани срыва.

– Я вас понимаю. Но ведь надо будет присутствовать на дознаниях.

– Вы понимаете, что ее жизнь все еще в опасности?

– Надеюсь, ей ничто не угрожает. Приняты все меры предосторожности…

– Меры предосторожности! Кажется, я это уже слышал… Я должен увезти ее отсюда, Крэддок. Должен.

3

Марина, прикрыв глаза, полулежала в кресле в своей спальне. Вид у нее был изможденный, лицо посерело.

Муж остановился рядом, посмотрел на нее. Глаза ее открылись.

– Кто приходил? Этот Крэддок?

– Да.

– Про кого он расспрашивал? Про Эллу?

– Да… и про Джузеппе.

Марина нахмурилась:

– Джузеппе? Они узнали, кто его застрелил?

– Пока нет.

– Все это словно кошмарный сон… Он разрешил нам уехать?

– Он сказал… пока нет.

– Почему? Мы должны уехать. Ты объяснил ему, что я не могу сидеть здесь и ждать, когда меня убьют? С ума сойти!

– Приняты все меры предосторожности.

– Это они и раньше говорили. Что же они не защитили Эллу? А Джузеппе? Ты что, не понимаешь, в конце концов эти убийцы доберутся и до меня… В тот день на студии они что-то подложили мне в кофе, я уверена… Зачем ты только его выплеснул! Лучше послали бы на анализ или куда полагается. Знали бы наверняка…

– Ну, узнали бы наверняка, тебе стало бы легче?

Она уставилась на него, зрачки заметно расширились.

– Я тебя не понимаю. Если бы полиция точно знала, что меня пытались отравить, нам с тобой разрешили бы уехать отсюда, не стали бы держать.

– Необязательно.

– Но я так больше не могу! Не могу… Не могу… Помоги мне, Джейсон. Сделай что-нибудь. Я живу в таком страхе. В жутком страхе… Где-то рядом ходит злодей. А я не знаю, кто он… Ведь это может быть кто угодно – ну кто угодно. Со студии… или из дома. Этот человек меня ненавидит… но за что? За что? Кто-то жаждет моей смерти… Кто это? Ну кто? Я думала… была почти уверена… что это

Элла. А теперь…

– Ты думала, что это Элла? – В голосе Джейсона послышалось удивление. – Но почему?

– Потому что она меня ненавидела… Да-да, еще как! Неужели мужчины в таких вещах ничего не смыслят? Она же была безумно влюблена в тебя. Ты, наверное, и понятия об этом не имел… Но Элла ни при чем, потому что она умерла. Джинкс, Джинкс, ну помоги мне, увези меня туда, где я буду в безопасности…

Она вскочила на ноги и быстро зашагала по комнате, ломая и выворачивая кисти рук.

Как режиссер, Джейсон с восторгом наблюдал за этими страстными, исполненными муки движениями. Надо их запомнить, подумал он. Может быть, пригодится для роли Гедды Габлер? Тут он опомнился – ведь это он наблюдает за своей женой!

Он подошел к ней и обнял ее за талию:

– Не беспокойся, Марина, все будет хорошо. Я о тебе позабочусь.

– Этот дом мне опостылел, мы должны отсюда уехать – немедленно. Я его ненавижу, этот дом, ненавижу.

– Пойми, мы не можем вот так взять и уехать.

– Почему? Почему?

– Потому что смерть – это всегда какие-то осложнения… и еще кое-что нужно иметь в виду. Разве бегство что-нибудь даст?

– Конечно. Мы убежим от человека, который меня ненавидит.

– Если кто-то ненавидит тебя так сильно, ему ничего не стоит отправиться следом за тобой.

– Ты хочешь сказать… хочешь сказать… что мне от него не убежать никогда? И я всегда буду жить в страхе?

– Дорогая моя, все будет хорошо. Я о тебе позабочусь. Ты будешь в полной безопасности.

Она прильнула к нему:

– Правда, Джинкс? Ты меня защитишь?

Она вдруг обмякла, и он помог ей опуститься в кресло.

– Я такая трусиха, – пробормотала она, – трусиха… Если бы я знала, кто это… и за что?.. Дай мне мои таблетки… желтые… коричневые не надо. Надо что-то принять, успокоиться.

– Ради бога, Марина, не принимай их слишком много.

– Хорошо… хорошо… Иногда кажется, они на меня уже не действуют.

Она подняла голову и взглянула на него. Улыбнулась нежной, тонкой улыбкой.

– Ты обо мне позаботишься, Джинкс? Поклянись, что позаботишься обо мне…

– Я буду заботиться о тебе всегда, – пообещал Джейсон Радд. – Пока не придет час горького расставания.

Глаза ее широко раскрылись.

– У тебя был такой странный вид, когда ты это произнес.

– Странный? Какой же именно?

– Даже не объяснишь. Ты… был похож на клоуна, который смеется над чем-то ужасно грустным, хотя другие причин для грусти не видят…

Глава 21

На следующий день инспектор Крэддок пришел к мисс Марпл. Он выглядел не лучшим образом – усталый, подавленный.

– Садитесь, устраивайтесь поудобнее, – пригласила мисс Марпл. – Вижу, несладко вам пришлось последнее время.

– Не люблю проигрывать, – сказал инспектор Крэддок. –

За двадцать четыре часа – два убийства. Выходит, я не бог весть какой мастер своего дела. Тетушка Джейн, угостите меня чашечкой хорошего чая с тонким бутербродиком и успокойте мою душу воспоминаниями о былых временах в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл сочувственно прицокнула языком.

– Ну, милый мой мальчик, не стоит хандрить, и вообще мне кажется, что чай с бутербродом – не совсем то, что вам нужно. Когда джентльмен разочарован, ему требуется кое-что покрепче.

Как обычно, мисс Марпл произнесла слово «джентльмен» так, будто речь шла о какой-то диковинной особи.

– Хорошая порция виски с содовой – вот что вам надо, – сказала она.

– В самом деле, тетушка Джейн? Что ж, не откажусь.

– Для вас я налью сама. – И мисс Марпл поднялась.

– Нет, нет, зачем же. Лучше я сам. Или ваша эта мисс, как там ее?

– Нет, мисс Найт нам здесь не нужна, – возразила мисс Марпл. – Мой чай она принесет не раньше чем через двадцать минут, так что можем спокойно и мирно побеседовать. Вы поступили очень разумно, подойдя к окну, а не позвонив в парадную дверь. Поболтаем, и никто нас не

потревожит.

Она подошла к угловому шкафу, открыла его и извлекла наружу бутылку, сифон с содовой водой и стакан.

– Ну, от вас так и жди сюрприза, – сказал Дермот Крэддок. – Мне и в голову не приходило, что в вашем угловом шкафчике хранится такое. Уж не выпиваете ли вы потихоньку, тетушка Джейн?

– Будет смеяться над старухой, – пожурила его мисс Марпл. – Я никогда не была сторонницей воздержания. Обязательно надо иметь в доме что-нибудь крепенькое – на случай шока или несчастного случая. Если что-то такое происходит, алкоголь – вещь просто бесценная. Или если неожиданно появляется джентльмен. Вот, держите! – мисс Марпл с видом победительницы протянула ему целебное средство. – И нечего вышучивать старуху. Сидите спокойно и расслабляйтесь.

– Наверное, в годы вашей молодости жены были – просто сказка, – позавидовал Дермот Крэддок.

– Уверена, мой дорогой мальчик, что молодая леди, которую вы рисуете в своем воображении, в наши дни окажется никудышной хозяйкой. В мои времена от девушек не требовался высокий интеллект, очень мало кому из них удавалось закончить университет или преуспеть в науке.

– Преуспеть в науке – это далеко не все, – сказал Дермот. – Есть вещи поважнее. Например, знать, когда мужу хо-

чется виски с содовой.

Мисс Марпл одарила его нежной улыбкой.

– Ну, хорошо, – разрешила она. – Рассказывайте. По крайней мере столько, сколько сочтете возможным.

– Да вы, наверное, знаете не меньше моего. А то и припрятали какой-нибудь козырь. Как насчет вашей рабыни, вашей разлюбезной мисс Найт? Что, если преступление совершила она?

– С чего бы это? – с удивлением вопросила мисс Марпл.

– С того, что она совершенно вне подозрений, – сказал Дермот. – Такие оказываются виновниками очень часто.

– Ничего подобного, – решительно возразила мисс Марпл. – Я всегда твержу – и не только вам, мой дорогой Дермот (не сочтите за фамильярность), – что преступником чаще всего оказывается именно тот, на кого подозрение падает сразу. Первым делом чаще всего подозревают жену или мужа, и чаще всего преступление совершают именно они – муж либо жена.

– Вы имеете в виду Джейсона Радда? – Он покачал головой. – Марину Грегг он просто обожает.

– Я сейчас не имела в виду никого конкретно, – заметила мисс Марпл с достоинством. – Поначалу убили миссис Бэдкок. Какой ответ напрашивался на вопрос об убийце?

Муж – вот какой. И этот вариант пришлось рассмотреть. Потом мы решили, что в действительности объектом преступления была Марина Грегг, мы опять ищем человека, имеющего с ней наиболее близкие отношения, и начинаем этот поиск с кого? С мужа. Совершенно очевидно, что мужья часто хотят от жен избавиться, хотя, конечно, в большинстве случаев дальше желания дело не идет. Но я согласна с вами, мой дорогой мальчик, что Джейсон Радд действительно всем сердцем любит Марину Грегг. Да, его можно заподозрить в очень тонкой игре, хотя я почти не могу в это поверить. К тому же у него нет никакого мотива – зачем ему от нее избавляться? Если бы он хотел жениться на другой, в наши дни нет ничего проще. Ни о какой практической выгоде речи тоже нет. Бедным его не назовешь. У него своя карьера, он ее делает, насколько я могу судить, весьма успешно. Так что надо расширить зону поисков. А это трудно. Очень трудно.

– Да, – согласился Крэддок, – вам в особенности, потому что в мире кино вы почти не ориентируетесь. Не знаете, кто на кого имеет зуб, кто с кем враждует и так далее.

– Я знаю несколько больше, чем вы полагаете, – сказала мисс Марпл. – Я тщательно проработала несколько номеров журналов «Между нами», «В мире кино», «Киносплетни», «Поговорим о кино».

Дермот Крэддок против воли рассмеялся:

– Ну вы даете! Надо же, какой пласт литературы освоили.

– Между прочим, я нашла это чтение довольно занимательным, – сказала мисс Марпл. – Стиль, правда, не очень, если можно назвать это стилем. Отчасти я разочарована – со времен моей молодости ничего нового в этих журналах не появилось. Тогда были журналы «Современное общество», «Пикантные новости» и тому подобное. Сплетни. Скандальные истории. Только и пишут, кто в кого влюбился и так далее. В Сент-Мэри-Мид сплетни на том же уровне. И в Новых Домах тоже. Человеческая природа везде одинакова. И опять-таки возникает вопрос: кому так приспичило убить Марину Грегг, что после неудачи он продолжает слать письма с угрозами и даже повторяет попытки. Наверное, у этого человека… – И она легонько постучала пальцем по лбу.

– Да, – согласился Крэддок. – Вполне возможно. Только симптомы таких заболеваний не всегда проявляются.

– Еще бы, – с жаром согласилась мисс Марпл. – Второй сын старой миссис Пайк, Артур, всегда казался совершенно нормальным и разумным. Можно сказать, до крайности пресным, но на самом деле психика у него была в высшей степени ненормальная. То есть он был просто опасен. А с виду вполне счастливый, всем довольный, да и миссис Пайк всегда это про него говорила, а сейчас он в психиатрической лечебнице «Фэйруэйс». Там его хорошо понимают, доктора говорят – крайне интересный случай. И ему это очень приятно. Так что конец у этой истории счастливый, но раз-другой миссис Пайк, как говорится, едва ноги унесла.

Крэддок мысленно перебрал всех из окружения Марины Грегг, кто мог бы страдать тем же заболеванием, что и второй сын миссис Пайк.

– Итальянский дворецкий, – продолжала мисс Марпл, – которого убили. В день своей смерти он ездил в Лондон. Кому-нибудь известно, что он там делал? Если вы, конечно, можете этим со мной поделиться, – понимающе добавила она.

– В Лондон он приехал днем, в половине двенадцатого, – сказал Крэддок. – Чем он там поначалу занимался, никому не известно, но без четверти два он появился в банке и внес пятьсот фунтов наличными. Могу сказать также, что причина, по которой он якобы поехал в Лондон – навестить больного родственника или какого-то родственника, попавшего в беду, – не подтвердилась. Ни у кого из родственников он в тот день не был.

Мисс Марпл многозначительно кивнула головой.

– Пятьсот фунтов, – повторила она. – Весьма любопытная сумма, правда? Вам не кажется, что это был только первый из целой серии подобных вкладов?

– Очень может быть, – согласился Крэддок.

– Возможно, у человека, которому он угрожал, больше наличных денег просто не нашлось. Дворецкий мог сделать вид, что эта сумма его вполне устраивает, или взять ее в виде первого взноса, а остальные деньги шантажируемый

обещал добыть в ближайшем будущем. Едва ли убийца Марины Грегг – это человек в стесненных обстоятельствах, который решил устроить ей свою частную вендетту. Пожалуй, надо отбросить и другую версию: кто-то специально нанялся работать на студию либо слугой или садовником в дом. Правда, такой вариант все же возможен, – поправилась мисс Марпл, – если человек этот был лишь исполнителем, а наниматель жил где-то в другом месте. Отсюда поездка в Лондон.

– Именно. В Лондоне сейчас Ардуик Фенн, Лола Брюстер и Марго Бенс. Все они были на приеме. Все они могли встретиться в Лондоне с Джузеппе в условленном месте между одиннадцатью и без четверти два. В эти часы Ардуика Фенна в его конторе не было, Лола Брюстер ушла из своего номера и ходила по магазинам, Марго Бенс в студии тоже не было. Кстати…

– Да? – откликнулась мисс Марпл. – Вы хотели что-то сказать?

– Вы спрашивали, – вспомнил Дермот, – насчет детей. Которых усыновила и удочерила Марина Грегг, когда еще не знала, что у нее может появиться свой ребенок.

– Спрашивала.

Крэддок рассказал, что он об этом выяснил.

– Марго Бенс… – задумчиво произнесла мисс Марпл. – А у меня ведь было ощущение, что тут как-то замешаны

дети…

– Не представляю, чтобы после стольких лет…

– Конечно. Конечно. Такое трудно себе представить. Но много ли вы, мой дорогой Дермот, знаете о детях? Вспомните собственное детство. Был ли там какой-нибудь случай, какое-нибудь событие, весьма пустячное и несущественное, но заставившее вас страдать, печалиться или переживать? Нечто, вызвавшее у вас боль, чувство стойкой обиды? Была, если помните, такая мудрая книжка, написал ее замечательный писатель, мистер Ричард Хьюз. Забыла, как она называется, но там речь идет о детях, которые попали в ураган. Да, ураган на Ямайке. И что произвело на них самое сильное впечатление? Их кот, который, ополоумев, носился по дому. Именно это врезалось в их память. В этом впечатлении сосредоточились весь ужас, возбуждение и страх, какие они тогда испытали.

– Странно, что вы об этом рассказали, – почесав затылок, произнес Крэддок.

– Вам это о чем-то напомнило?

– Да, о смерти моей матери. Мне тогда, кажется, было пять лет. Или шесть. Я сидел в детской и ужинал, уплетал рулет с джемом. Я его очень любил. И тут заходит кто-то из слуг и говорит моей гувернантке: «Какой ужас! Миссис Крэддок убилась, несчастный случай…» Когда я думаю о смерти матери, знаете, что я вижу?

– Что?

– Тарелку с рулетом, я сижу и смотрю в нее. И вижу, причем сейчас так же отчетливо, как тогда, что с одной стороны сильно выдавился джем. Я не заплакал, ничего не сказал. Просто сидел, будто меня пригвоздили к месту, и смотрел на рулет. И знаете, даже сейчас, если в магазине, ресторане, у кого-нибудь дома я вижу рулет с джемом, меня окатывает волна ужаса, горечи и отчаяния. Иногда не сразу понимаю почему. Вам не кажется, что тут какая-то патология?

– Нет, – решительно возразила мисс Марпл. – Мне это кажется абсолютно естественным. Интересно… Это наводит меня на одну мысль…

Открылась дверь, и с подносом для чая появилась мисс Найт.

– Боже, боже, – воскликнула она. – Да у нас гости! Как чудесно! Здравствуйте, инспектор Крэддок. Сейчас я принесу вам чашечку.

– Не беспокойтесь, – отозвался Дермот. – Меня тут потчуют напитком покрепче.

Мисс Найт вышла, но тут же сунула голову в дверной проем.

– Простите, мистер Крэддок, можно вас на минуточку?

Дермот проследовал за ней в холл. Она завела его в столовую и плотно прикрыла дверь.

– Вы уж, пожалуйста, поосторожнее, – попросила она.

– Поосторожнее? В каком смысле?

– С нашей дорогой старушкой. Она всем так живо интересуется, но, если она будет возбуждаться из-за всяких убийств и прочих безобразий, как бы это не отразилось на ее здоровье. Мы же не хотим, чтобы ее одолевали мрачные думы, по ночам мучили кошмары. Возраста она преклонного, существо хрупкое, ей нужна жизнь без тревог и волнений. Она так и живет. А все эти разговоры об убийствах, бандитах и прочих ужасах – это для нее очень, очень вредно.

Дермот смотрел на нее с легким изумлением.

– Не думаю, – мягко произнес он, – что наши с вами рассказы об убийствах могут как-то потрясти или сверх меры взволновать мисс Марпл. Уверяю вас, дорогая мисс Найт, что мисс Марпл способна воспринимать убийства, внезапные смерти и вообще любые преступления с полнейшей невозмутимостью.

Он вернулся в комнату мисс Марпл, а мисс Найт, негодующе причитая, проследовала за ним. За чаем она пыталась вести разговор, особо выделяя политические новости, вычитанные из газеты, и распространяясь на разные веселые, как ей казалось, темы. Когда она наконец забрала поднос

с чаем и закрыла за собой дверь, мисс Марпл вздохнула с глубоким облегчением.

– Наконец-то можно спокойно поговорить. Иногда мне хочется ее убить, надеюсь, до этого дело не дойдет. Так вот, Дермот, меня интересует кое-что еще.

– Да? Что же?

– Я хочу четко уяснить, что именно произошло во время приема. Приехала миссис Бэнтри, вскоре появился викарий. Потом прибыли мистер и миссис Бэдкок, а на лестнице в это время находились мэр с женой, этот тип Ардуик Фенн, Лола Брюстер, журналист из газеты «Гералд энд Аргус», что издается в Мач-Бенэме, и девушка-фотограф, Марго Бенс. Марго Бенс, как вы сказали, расположилась с фотоаппаратом на лестнице и снимала встречу гостей. Вы эти фотографии видели?

– Собственно, одну из них я принес показать вам.

Из кармана он вытащил фотографию. Мисс Марпл впилась в нее взглядом. На снимке была Марина Грегг, позади ее и немного сбоку стоял Джейсон Радд. Артур Бэдкок, чуть прикрыв лицо рукой, в некотором смущении стоял в стороне, а его жена держала Марину Грегг за руку, смотрела на нее и что-то рассказывала. Марина же не смотрела на миссис Бэдкок. Она смотрела куда-то ей через голову – казалось, прямо в камеру или чуть левее.

– Какой интересный снимок, – вымолвила мисс Марпл. –

Мне по-разному описывали этот взгляд на ее лице. Застывший взгляд. Пожалуй, эта характеристика верна. Еще было так: ей словно явилась ее судьба. Не знаю… Тут скорее паралич чувств… Вам не кажется? По-моему, это не страх, хотя страх, конечно, может довести человека до такого состояния. Тебя словно парализует от страха. Все-таки, мне кажется, тут что-то другое. Скорее шок. Дермот, мой дорогой мальчик, скажите, записано ли у вас, что именно Хитер Бэдкок говорила Марине Грегг в эту минуту? Примерную суть я, конечно, знаю, но хотелось бы почти дословно. У вас, наверное, есть показания разных людей.

Дермот кивнул:

– Да. Сейчас соображу. Ваша подруга миссис Бэнтри, потом Джейсон Радд и, если не ошибаюсь, Артур Бэдкок. Их показания слегка отличаются друг от друга в смысле словесной оболочки, вы правы, но суть одна.

– Понятно. Как раз варианты меня и интересуют. Они могут нам помочь.

– Но как? – усомнился Дермот. – Ладно, вам и карты в руки. Пожалуй, четче других рассказ миссис Бэдкок описала ваша подруга, миссис Бэнтри. Насколько я помню… погодите… многие записи я ношу с собой.

Он вытащил из кармана небольшой блокнот и заглянул в него, чтобы освежить память.

– Это не стенограмма, – сказал он, – а приблизительный

смысл. Видимо, миссис Бэдкок была очень весела, даже игрива и чрезвычайно собой довольна. Сказала она примерно следующее: «Вы не представляете, какая это для меня радость. Вы, конечно, не помните, но много лет назад вы приехали на Бермуды… У меня была ветряная оспа, но я все равно поднялась с постели и пошла на встречу с вами, вы дали мне автограф, и это один из ярчайших дней в моей жизни, я его никогда не забуду».

– Понятно, – сказала мисс Марпл. – Место она назвала, а дату – нет, так?

– Так.

– А вариант Радда?

– Джейсона Радда? Миссис Бэдкок сказала его жене, что поднялась с постели, несмотря на грипп, пошла на встречу с Мариной и все равно взяла у нее автограф. Он был чуть более краток, чем ваша подруга, но суть та же.

– А время и место он не упомянул?

– Нет. Кажется, нет. Хотя… сказал, что дело было лет десять – двенадцать назад.

– Понятно. А мистер Бэдкок?

– Мистер Бэдкок… Его жена пришла в неописуемый восторг, когда узнала, что увидит Марину Грегг. Она всю жизнь была ее большущей поклонницей; еще совсем де-

вчонкой, лежа больная в постели, она все-таки выбралась на встречу с мисс Грегг и даже взяла у нее автограф. В подробности он не вдавался – видимо, эта история случилась задолго до того, как они поженились. Мне показалось, что этому событию он не придавал большого значения.

– Понятно, – сказала мисс Марпл. – Да, понятно…

– Что понятно?

– Не все, к сожалению, – честно призналась мисс Марпл. – Но у меня такое ощущение, что стоит только узнать, почему она решила испортить свое новое платье…

– Кто? Миссис Бэдкок?

– Да. Это такой странный поступок… совершенно необъяснимый… если только не… ну, конечно… Господи, как же можно быть такой глупой!

В эту минуту дверь открылась, вошла мисс Найт и тут же щелкнула выключателем.

– По-моему, нам нужен свет, – бодро заявила она.

– Вы совершенно правы, мисс Найт, – воскликнула мисс Марпл. – Нам был нужен свет. И мне кажется, наконец-то свет забрезжил.

Аудиенция явно подошла к концу, и Крэддок поднялся.

– Остается, как я понимаю, только одно, – сказал он. – Вам надлежит рассказать, что именно из вашего прошлого занимает вас в данную минуту.

– Все надо мной из-за этого подтрунивают, но, признаюсь, мне вдруг вспомнилась горничная Лористонов.

– Горничная Лористонов? – Крэддок был явно заинтригован.

– Ей, конечно, – начала мисс Марпл, – приходилось подходить к телефону и отвечать на звонки, но не сказать, что она здорово с этим управлялась. Ей что-то передадут, и общий смысл она ухватит, но запишет все так, что иногда выходила полная ерунда. Наверное, у нее хромала грамматика. Случались прямо-таки настоящие казусы. Одну историю я помню. Некий мистер Берроуз, если не путаю, позвонил и передал, что он встречался с мистером Элвастоном по поводу сломанного забора, но ремонт забора – это совсем не его дело. Забор находится на другой стороне собственности, и он хочет уточнить, действительно ли это так, а уж потом действовать дальше, от этого зависит, браться ему за это дело или нет, и прежде чем обращаться к стряпчим, ему нужен четкий план территории. Сами видите, какая вышла невнятица. Картина не прояснилась, а только затуманилась.

– Раз вы называете ее горничной, – со смешком сказала мисс Найт, – это должна быть очень старая история. Я уж бог знает сколько лет ни про каких горничных не слышала.

– Да, давненько дело было, – согласилась мисс Марпл, – но человеческая природа с тех пор не изменилась. И причины ошибок все те же. Господи, – добавила она, – какое счастье, что эта девочка в Борнмауте и ей ничто не угрожает.

– Девочка? Какая девочка? – спросил Дермот.

– Та, которая шьет платья и собиралась в тот день встретиться с Джузеппе. Как ее зовут… Глэдис…

– Глэдис Диксон?

– Да, она самая.

– Она в Борнмауте? А вам-то, черт возьми, откуда это известно?

– Известно, – сказала мисс Марпл, – потому что в Борнмаут ее послала я.

– Что? – Дермот уставился на нее. – Вы? Почему?

– Я с ней встретилась, – объяснила мисс Марпл, – дала денег и велела ей взять отпуск и ничего не писать домой.

– Да почему же вы это сделали?

– Потому что не хотела, чтобы ее убили, неужели не ясно? – И мисс Марпл, близоруко прищурившись, безмятежно заморгала глазами.

Глава 22

– Такое милое письмо пришло от леди Конуэй, – сказала мисс Найт два дня спустя, ставя перед мисс Марпл поднос с завтраком. – Помните, я вам про нее рассказывала? Немножко, знаете ли… – она постучала пальцем по лбу, – не все дома. И память никуда не годится. Никогда не узнает своих родственников и велит им убираться.

– Вполне возможно, что это не потеря памяти, – заметила мисс Марпл, – а просто хитрость.

– Ну уж, ну уж, – закудахтала мисс Найт. – Мы сегодня прямо расшалились. Она проводит зиму в отеле «Белгрейв», в Ландадно. Прекрасный отель с постоянными жильцами. Красивейшие места, шикарная застекленная терраса. Она умоляет меня приехать к ней. – Она вздохнула.

Мисс Марпл выпрямилась в постели.

– Но послушайте, – стала увещевать она, – если вас там хотят видеть… если вы там нужны и сами хотите поехать…

– Нет-нет, я и слышать об этом не желаю! – воскликнула мисс Найт. – Господи, да у меня и мыслей таких не было. Ведь что сказал мистер Реймонд Уэст? Что у меня здесь, скорее всего, работа постоянная. А как же я могу не выполнить свои обязательства? Это я просто мимоходом упомянула, так что, моя дорогая, не тревожьтесь, – добавила она, похлопав мисс Марпл по плечу. – Брошенными мы не останемся. Нет, ни в коем случае! За нами будут ухажи-

вать, нас будут ублажать и нам будет счастливо и уютно.

Она вышла из комнаты. Мисс Марпл сидела с решительным видом, уставившись на поднос, но не притрагиваясь к пище. Наконец она сняла телефонную трубку и энергично набрала номер.

– Доктор Хейдок?

– Да?

– Это Джейн Марпл.

– Что-нибудь случилось? Требуется моя профессиональная помощь?

– Нет. Но я хочу вас видеть как можно быстрее.

Доктор Хейдок застал мисс Марпл еще в постели, она сидела и ждала его.

– Вид у вас – здоровее не бывает, – не без сожаления заметил он.

– Поэтому я и хотела вас видеть. Чтобы вы убедились: я прекрасно себя чувствую.

– Редкий повод для вызова доктора.

– Я совершенно здорова, у меня ничего не болит, и держать человека в доме – это чистейший абсурд. Все равно ко мне

каждый день приходят делать уборку, не вижу надобности в том, чтобы кто-то жил здесь постоянно.

– Вы не видите, а я вижу, – сказал доктор Хейдок.

– По-моему, вы превращаетесь в старую наседку, – довольно невежливо бросила мисс Марпл.

– Попрошу не обзываться! Да, для вашего возраста вы чувствуете себя прилично; вас слегка подкосил бронхит, для людей пожилых он нежелателен. Но в вашем возрасте оставаться одной в доме – это риск. Упадете вечером на лестнице, вывалитесь во сне из кровати, поскользнетесь в ванной. Будете себе лежать, и никто об этом не узнает.

– Выдумать можно что угодно, – парировала мисс Марпл. – Скажем, мисс Найт упадет на лестнице, я примчусь посмотреть, что там стряслось, и упаду через нее.

– Что это вы так распетушились? – вопросил доктор Хейдок. – Вы пожилой человек, за вами нужен надлежащий уход. Вам не нравится эта ваша женщина? Смените ее на другую.

– Не так это просто, – пробурчала мисс Марпл.

– Найдите кого-нибудь из ваших старых служанок, с кем вы уживались, кто жил в этом доме раньше. Я знаю, эта старая квочка вас раздражает. Меня бы она раздражала тоже. Но ваши старые служанки – где-то ведь они есть. Ваш племянник – популярнейший писатель. Вы только

найдите, кого нужно, а уж он раскошелится.

– Конечно, дорогой Реймонд все сделает. Он так щедр и великодушен. Но попробуй найди нужного человека! У молодых своя жизнь, а из моих старых, преданных служанок большинство, увы, уже на том свете.

– А вы на этом, – заявил доктор Хейдок, – и проживете еще о-го-го сколько, если будете следить за собой.

Он поднялся.

– Что ж, задерживаться здесь мне незачем. Ясно, что вы в добром здравии. Не буду тратить время и мерить вам давление, щупать пульс и задавать всякие вопросы. Эта местная сенсация – лучше лекарства для вас не придумать, вы жалеете только, что не можете запустить в нее свой нос еще глубже. До свидания, меня ждут настоящие больные. От восьми до десяти случаев коревой краснухи, человек шесть лежит с коклюшем, есть подозрение на скарлатину, я уж не говорю о моих постоянных пациентах!

И доктор Хейдок, пребывая в хорошем настроении, упорхнул… но мисс Марпл сидела, нахмурив лоб… Что-то такое он сказал… Что же? Навестить пациентов… обычные для деревни заболевания… Обычные? Мисс Марпл деловито отодвинула от себя поднос с завтраком. И позвонила миссис Бэнтри.

– Долли? Это Джейн. Хочу вас кое о чем спросить. Слушайте внимательно. С ваших слов инспектор Крэддок зна-

ет, что в тот день Хитер Бэдкок рассказала Марине Грегг долгую и бессмысленную историю про то, как она заболела ветряной оспой, но все равно поднялась, пошла на встречу с Мариной и взяла у нее автограф. Все так?

– Более или менее.

– Ветряной оспой?

– Кажется. Миссис Олкок все это время приставала ко мне насчет водки, и их разговор я слышала краем уха.

– Вы уверены, – мисс Марпл затаила дыхание, – что речь шла не о коклюше?

– О коклюше? – миссис Бэнтри явно удивилась. – Абсолютно уверена. Будь у нее коклюш, ей не пришлось бы так пудриться да прихорашиваться.

– Понятно… Она что же, распространялась насчет косметики?

– Во всяком случае, сказать она про это сказала… Она была не из тех, кто помешан на косметике. Но, кажется, вы правы, речь шла не о ветряной оспе… Может быть, о крапивнице?

– Вы так говорите только потому, – холодно заметила мисс Марпл, – что у вас самой когда-то была крапивница и вы не смогли пойти на свадьбу. Вы просто безнадежны, Долли, совершенно безнадежны.

Она бухнула трубку на рычаг, хотя мисс Бэнтри пыталась что-то сказать в свое оправдание.

Мисс Марпл раздраженно заурчала – так урчат кошки, когда страшно чем-то недовольны. Для разнообразия она задумалась о собственном комфорте. Как насчет Вернейшей Флоренс? Вернейшая Флоренс – эта женщина-гренадер, ее бывшая горничная, – поддастся ли она на уговоры и покинет ли свой уютный домик ради того, чтобы вернуться в Сент-Мэри-Мид и ухаживать за своей стародавней хозяйкой? Вернейшая Флоренс всегда была ей так преданна. Но поди ее вытащи из уютного домика. Мисс Марпл огорченно покачала головой. Тут кто-то бойко забарабанил в дверь. В ответ на «войдите» на пороге появилась Черри.

– Пришла за подносом, – объяснила она. – Что-нибудь случилось? Вид у вас больно расстроенный.

– Я чувствую себя такой беспомощной, – пожаловалась мисс Марпл. – Старой и беспомощной.

– Будет вам, – сказала Черри, забирая поднос. – Какая же вы беспомощная? Вы не представляете, какие про вас ходят разговоры! Вас в Новых Домах теперь знают почти все! Наслышаны про ваши подвиги! И никто не считает вас старой и беспомощной. Это она вбивает такие мысли вам в голову.

– Она?

Черри энергично кивнула головой назад, в сторону двери.

– Вот эта сюсюкалка, – заявила она. – Ваша мисс Найт. И не позволяйте ей вас расстраивать.

– Вообще-то она очень добрая, – сказала мисс Марпл. – Очень добрая, – добавила она, как бы уговаривая себя самое.

– Знаем мы эти медвежьи услуги. Вам же не надо, чтобы кто-то со своей добротой въедался вам в печенки?

– Да что там, – со вздохом вымолвила мисс Марпл. – У каждого из нас своих печалей хватает.

– Это точно, – согласилась Черри. – Не люблю жаловаться, но иногда мне кажется, что, если так и буду жить по соседству с миссис Хартуэлл, добром дело не кончится. Эта старая мымра только и делает, что сплетничает да скулит. И у Джима терпение лопнуло. Вчера вечером он с ней схлестнулся, да еще как! Мы слушали «Мессию» Генделя, и ей, видите ли, не понравилось, что громко. Вы же ничего не имеете против «Мессии»? Все-таки религиозная вещь.

– А она была против?

– Не то слово. Давай лупить по стене и орать.

– Наверное, музыка играла слишком громко? – поинтересовалась мисс Марпл.

– Джиму так больше нравится. Он говорит, что весь спектр звука можно прослушать только на полной мощности.

– Боюсь, – предположила мисс Марпл, – человеку без музыкального слуха такое может прийтись не по нраву.

– В этих домах не стены, а папиросная бумага, – посетовала Черри. – Если вдуматься, я от этого нового дома не в большом восторге. С виду конфетка, но нет возможностей выразить свою личность: чуть что – тебе живо включают красный свет.

Мисс Марпл улыбнулась:

– Вы действительно личность, Черри, вам есть что выражать.

– Правда? – И Черри, довольная, засмеялась. – Знаете что? – начала она и запнулась. Отчего-то вдруг смутилась. Положила поднос и вернулась к кровати. – Вы уж не сочтите за наглость… Если что, скажите просто «нет», и весь разговор.

– Нужно, чтобы я для вас что-то сделала?

– Не совсем. Я насчет комнат над кухней. Ими ведь сейчас никто не пользуется, да?

– Да.

– Я слышала, в них раньше жил садовник с женой. Только

давно. Вот я и подумала… мы с Джимом подумали… что, если нам их занять? Переселиться сюда, и все тут.

Мисс Марпл уставилась на нее в изумлении.

– Но как же ваше чудесное новое жилище в Новых Домах?

– Да надоело оно нам. Там, конечно, все по-современному, так ведь осовременить можно что угодно, к тому же тут свободного места вагон. А уж если Джиму отдать комнату над конюшнями… Он ее приведет в божеский вид, да и свои модели сможет там держать, не надо будет всякий раз от них избавляться. А если мы и стерео туда поставим, оно вам совсем не будет мешать.

– Вы это серьезно, Черри?

– Ну да. Мы с Джимом не один раз про это говорили. А Джим вам все что хотите отремонтирует – руки-то у него золотые. А я присмотрю за вами не хуже вашей мисс Найт. Знаю, вы думаете, я кое-что делаю шаляй-валяй, но обещаю, что убирать постели и мыть посуду буду как следует… а насчет готовки я вроде и так уже здорово наловчилась. Вчера вечером даже сделала бефстроганов, и оказалось – ничего страшного.

Мисс Марпл смотрела на нее, размышляя.

Черри походила на шаловливого котенка – бойкая, жизнерадостная. Ну а Вернейшая Флоренс? Вернейшая Флоренс,

разумеется, будет содержать дом в большем порядке – насчет обещания Черри мисс Марпл не сильно обольщалась. Но Вернейшей Флоренс по меньшей мере шестьдесят пять лет. И захочет ли она покинуть свое гнездышко? Может, и захочет, потому что предана мисс Марпл всей душой. Но самой мисс Марпл – нужна ли ей такая жертва? Разве она мало страдает от преданности и рвения, с какими исполняет свой долг мисс Найт?

Что же касается Черри… По хозяйству она не очень, зато перебраться сюда хочет сама. И наделена качествами, которые сейчас для мисс Марпл важнее всего на свете.

Человек она душевный, живой, всем интересуется…

– Только я, конечно, не хочу, – сказала Черри, – как-то договариваться за спиной мисс Найт…

– О мисс Найт не беспокойтесь, – перебила ее мисс Марпл, принимая решение. – Она переберется к некой леди Конуэй в Ландадно – и будет там абсолютно счастлива. Надо все обсудить, Черри, и я хотела бы поговорить с вашим мужем… если вы действительно считаете, что будете здесь счастливы…

– Нас все устраивает целиком и полностью, – прощебетала Черри. – А делать все я буду на совесть, не сомневайтесь. Согласна даже подметать веником и совком, если хотите.

Это было поистине королевское предложение – мисс Марпл даже рассмеялась.

Черри снова взяла поднос с остатками завтрака.

– Помчусь. А то я сегодня к вам припозднилась – заслушалась про несчастного Артура Бэдкока.

– Артур Бэдкок? А что с ним случилось?

– Вы разве не слышали? Он сейчас в полиции. Его попросили прийти и «помочь в расследовании», а вы сами знаете, что ничего хорошего это не сулит.

– Когда это произошло?

– Сегодня утром. Наверное, – добавила Черри, – это из-за того, что он когда-то был женат на Марине Грегг.

– Что-о? – Мисс Марпл от удивления распрямила спину. – Артур Бэдкок был женат на Марине Грегг?

– Представьте себе, да. Никто об этом и понятия не имел. Эту новость запустил мистер Апшо. Он несколько раз был в Штатах по делам компании, и кое-какие тамошние сплетни ему известны. А было это очень давно. Тогда Марина Грегг ничего собой не представляла. Поженились они, а через пару лет она на каком-то фильме прославилась, премию получила, и сразу оказалось, что он ей не ровня, вот они и развелись потихоньку, по-американски, и он, если так можно выразиться, слинял. Он из таких, Артур Бэдкок. Не любитель поднимать шумиху. Сменил фамилию и вернулся в Англию. Но все это было бог знает когда. Казалось

бы, к сегодняшнему дню какое это имеет отношение? А вот поди ж ты, оказывается, имеет. По крайней мере, полиция к чему-то там прицепилась.

– Неужели? – воскликнула мисс Марпл. – Неужели? Не может быть. Я и предположить не могла… Так, минуточку. – Она подала Черри знак. – Черри, заберите поднос и пришлите сюда мисс Найт. Я встаю.

Черри повиновалась. Мисс Марпл оделась, пальцы ее слегка подрагивали. Когда что-то приводило ее в возбуждение, она страшно раздражалась. Она одергивала на себе платье, и тут появилась мисс Найт.

– Вы меня звали? Черри сказала…

Мисс Марпл резко оборвала ее.

– Инча сюда, – распорядилась она.

– Простите, кого? – озадаченно переспросила мисс Найт.

– Инча, – повторила мисс Марпл. – Давайте Инча. Позвоните ему, пусть немедленно приезжает.

– Ага, ага, поняла. Вы имеете в виду такси. Но разве его зовут не Робертс?

– Для меня, – заявила мисс Марпл, – он Инч и всегда им останется. Короче, пусть приезжает. И немедленно.

– Хотите немного прокатиться?

– Позвоните ему, сделайте милость. И побыстрее, пожалуйста.

Мисс Найт с сомнением посмотрела на мисс Марпл и исполнила приказание.

– Но мы хорошо себя чувствуем, дорогая моя, ведь правда? – взволнованно спросила она.

– Мы обе очень хорошо себя чувствуем, – отрезала мисс Марпл. – В особенности я. Бездеятельность меня не устраивает и не устраивала никогда. Мне уже давно не хватает живой, кипучей деятельности.

– Это вас миссис Бейкер чем-то расстроила?

– Никто меня не расстроил, – возразила мисс Марпл. – Я чувствую себя прекрасно. Я сержусь на себя за собственную глупость – что есть, то есть. С другой стороны, пока доктор Хейдок сегодня утром не намекнул мне… Надо проверить, верно ли я помню. Где мой медицинский справочник? – Она отмахнулась от мисс Найт как от назойливой мухи и решительно направилась вниз по лестнице.

Искомую книгу она обнаружила на полке в гостиной. Вытащив ее, она посмотрела оглавление, пробормотала:

– Страница двести десять, – открыла на этой странице книгу, несколько мгновений читала, потом удовлетворен-

но кивнула головой. – В высшей степени поразительно, – сказала она, – и в высшей степени любопытно. Думаю, эта мысль не приходила в голову никому. Да и мне она пришла, когда удалось кое-что сопоставить.

Потом она покачала головой, и между глаз ее пролегла морщинка. Эх, будь там еще кто-нибудь…

Она прокрутила в мозгу разные описания этой сцены…

В глазах ее мелькнул огонек. Да, там был еще один человек, но будет ли от него какой-нибудь толк? Никогда не знаешь, чего ждать от этого викария. Совершенно непредсказуемый человек.

Тем не менее она подошла к телефону и набрала номер.

– Доброе утро, викарий, это мисс Марпл.

– Да-да, мисс Марпл, чем могу быть полезен?

– У меня к вам небольшой вопрос. Речь идет о дне приема, когда умерла несчастная миссис Бэдкок. Если не ошибаюсь, когда появились мистер и миссис Бэдкок, вы стояли рядом с мисс Грегг?

– Да… да… я поднялся как раз перед ними. Такая трагедия.

– Да, еще бы. И кажется, миссис Бэдкок напомнила мисс Грегг, что они встречались много лет назад на Бермудах.

Она была больна, но встала с постели специально, чтобы встретиться с мисс Грегг.

– Да-да, я это помню.

– А не помните, не называла ли миссис Бэдкок болезнь, которая у нее тогда была?

– Кажется… сейчас… да, это была корь… только не настоящая… коревая краснуха… это куда менее серьезно. Некоторые вообще переносят ее на ногах. Помню, моя двоюродная сестра Кэролайн…

Мисс Марпл решительно прервала готовые грянуть воспоминания о двоюродной сестре Кэролайн.

– Большое спасибо, викарий, – сказала она и повесила трубку.

Удивительное все-таки дело. Одна из величайших тайн Сент-Мэри-Мид заключалась в следующем: как викарию удается о некоторых вещах начисто забывать? С этой тайной успешно соперничала другая: как викарию удается о некоторых вещах помнить?

– Такси прибыло, дорогая, – ворвавшись с улицы, объявила мисс Найт. – Старая развалюха, да и грязная. Не хотелось бы мне, чтобы вы в таком ехали. Какой-нибудь микроб недолго подцепить.

– Чепуха, – отрубила мисс Марпл. Водрузив на голову

шляпу, застегнув доверху летнее пальто, она направилась к поджидавшему ее такси. – Доброе утро, Робертс, – приветствовала она водителя.

– Доброе утро, мисс Марпл. Вы сегодня раненько. Куда поедем?

– В Госсингтон-Холл, если нетрудно.

– Пожалуй, я поеду с вами, дорогая, – вызвалась мисс Найт. – Я минутку, только уличные туфли надену.

– Нет, спасибо, – решительно возразила мисс Марпл. – Управлюсь сама. Поехали, Инч. То есть Робертс.

Мистер Робертс поехал, пространно заметив:

– Н-да, Госсингтон-Холл. Там все переменилось, как и везде. Кругом строительство! В жизни не думал, что Сент-Мэри-Мид так разрастется.

В Госсингтон-Холле на звонок мисс Марпл откликнулся преемник Джузеппе, человек в летах, уже не вполне доверявший своим ногам.

– Мистер Радд, – с сомнением в голосе сказал он, – никого не принимает, мадам, если заранее не назначено. Тем более сегодня…

– Мне не назначено. – Тут же мисс Марпл добавила: – Но я подожду.

Она быстро прошла мимо него в холл и села в кресло.

– Боюсь, мадам, сегодня утром это невозможно.

– В таком случае я буду ждать до наступления дня.

Сбитый с толку, новый дворецкий удалился. Вскоре к мисс Марпл вышел молодой человек, обладатель приятных манер и веселого, с легким американским акцентом, голоса.

– А я вас однажды видела, – сделала первый ход мисс Марпл. – В Новых Домах. Вы спрашивали у меня, как пройти на Бленхейм-клоуз.

Хейли Престон добродушно улыбнулся:

– Не сомневаюсь, что вы хотели как лучше, но отправили меня совершенно не туда.

– Господи, да неужели? – воскликнула мисс Марпл. – Этих клоузов тут столько, немудрено перепутать. Я могу видеть мистера Радда?

– Честно говоря, вы выбрали крайне неудачное время, – сказал Хейли Престон. – Мистер Радд – очень занятой человек, к тому же… сегодня с утра у него много работы, и тревожить его нельзя.

– Не сомневаюсь, что он очень занят. Я готова подождать.

– Я бы предложил вам поделиться целью вашего визита со мной. У нас так заведено. Я ведь секретарь мистера Радда, так что сначала надо пообщаться со мной.

– Боюсь, – разочаровала его мисс Марпл, – что мне нужен мистер Радд лично. А ждать, – добавила она, – я готова, сколько понадобится.

И поудобнее уселась в большом дубовом кресле.

Хейли Престон заколебался, хотел что-то сказать, потом повернулся и ушел наверх.

Вскоре он привел дородного мужчину в твидовом костюме.

– Это доктор Гилкрист, мисс…

– Мисс Марпл.

– Так вы – мисс Марпл! – воскликнул доктор Гилкрист. Он смотрел на нее с большим интересом.

Хейли Престон проворно скрылся из виду.

– Я о вас слышал, – заговорил доктор Гилкрист. – От доктора Хейдока.

– Доктор Хейдок – мой очень старый друг.

– Да, разумеется. Итак, вы хотите видеть Джейсона Радда.

Зачем?

– У меня на то серьезные причины.

Глаза доктора Гилкриста внимательно оглядели ее.

– И вы готовы караулить его здесь сколько придется?

– Именно.

– Что ж, – сказал доктор Гилкрист. – Тогда знайте, что есть весьма серьезная причина, которая не позволит вам увидеть мистера Радда. Ночью во сне умерла его жена.

– Умерла! – воскликнула мисс Марпл. – Но как?

– Приняла чрезмерную дозу снотворного. Мы пока не хотим, чтобы эта новость просочилась в прессу. Поэтому прошу вас некоторое время держать ее при себе.

– Разумеется. Это был несчастный случай?

– Лично я считаю, что именно так, – сказал Гилкрист.

– Но могло быть и самоубийство.

– Могло, но это маловероятно.

– Или кто-то мог ей эту дозу дать?

Гилкрист пожал плечами:

– Едва ли. К тому же, – строго добавил он, – доказать такое практически невозможно.

– Понятно. – Мисс Марпл вобрала в себя воздух. – Простите, но теперь мне совершенно необходимо увидеть мистера Радда.

Гилкрист взглянул на нее.

– Подождите здесь.

Глава 23

При появлении Гилкриста Джейсон Радд поднял голову.

– Внизу пожилая дама, – сообщил доктор. – Лет под сто. Хочет видеть вас. Ничего не желает слышать и говорит, что будет ждать. Прождет целый день, а то и вечер, а если надо, и ночь – сил у нее хватит. Она явно хочет сказать вам что-то важное. На вашем месте я бы с ней встретился.

Джейсон Радд посмотрел на него. Он был бледен, во взгляде сквозила усталость.

– У нее что, плохо с головой?

– Хорошо. И даже очень.

– Не понимаю, почему я… Впрочем, ладно. Пусть поднимется. Какая разница?

Гилкрист кивнул, вышел из комнаты и кликнул Хейли Престона.

– Мистер Радд готов уделить вам несколько минут, мисс Марпл, – объявил Хейли Престон, снова возникнув в холле.

– Спасибо. Очень любезно с его стороны, – сказала мисс Марпл, поднимаясь с кресла. – А вы давно работаете у мистера Радда?

– Два с половиной года. Контакты, связи, реклама – это все на мне.

– Понятно. – Мисс Марпл задумчиво посмотрела на него. – Вы мне очень напоминаете, – добавила она, – человека по имени Джералд Френч.

– В самом деле? И чем же этот Джералд Френч занимался?

– Да так, ничем. Правда, был очень красноречив, – мисс Марпл вздохнула. – У него было очень тяжелое прошлое.

– Вот как, – отозвался Хейли Престон, которому стало несколько не по себе. – Какое же именно?

– Не буду об этом распространяться. Вспоминать свое прошлое он не любил.

Джейсон Радд поднялся из-за стола, не без удивления гля-

дя на подходившую к нему изящную пожилую даму.

– Вы хотели меня видеть? – спросил он. – Чем могу служить?

– Мне очень жаль, что ваша жена скончалась, – сказала мисс Марпл. – Я вижу, это для вас большое горе, и, поверьте, ни за что бы не стала навязываться или предлагать соболезнования, если бы не крайняя необходимость. Требуется срочно внести ясность, иначе пострадает невинный.

– Невинный? Не понимаю.

– Артур Бэдкок, – объяснила мисс Марпл. – Его сейчас допрашивают в полиции.

– В связи со смертью моей жены? Но это же абсурд, полнейший абсурд. Он к дому и близко не подходил. Вообще он ее не знал.

– Полагаю, что знал, – возразила мисс Марпл. – Когда-то он был на ней женат.

– Артур Бэдкок? Но ведь он был мужем Хитер Бэдкок. Может быть, вы, – он заговорил мягко и как бы извиняясь, – что-то перепутали?

– Он был женат на обеих, – настойчиво повторила мисс Марпл. – На Марине Грегг – когда она была совсем молода и еще не снималась.

Джейсон Радд покачал головой:

– Первого мужа моей жены звали Алфред Бидл. Он торговал недвижимостью. Брак оказался неудачным, и они расстались почти немедленно.

– А потом Алфред Бидл поменял фамилию и стал Бэдкоком, – объяснила мисс Марпл. – А недвижимостью он торгует и по сей день. Даже странно, как некоторые любят свою работу, – ни за что не хотят ее менять. Наверное, из-за этого Марина Грегг и решила, что ей с ним не по пути. Поняла, что ему за ней не угнаться.

– Признаюсь честно, вы меня удивили.

– Уверяю вас, это не плод фантазии, не романтические бредни. Это бесстрастный факт. В деревне, знаете ли, такие новости расходятся быстро, хотя в богатые особняки, – добавила она, – добираются не сразу.

– Ну что ж… – Джейсон Радд попытался выиграть время, не зная, что сказать, потом понял – разговор неизбежен. – Так что вы от меня хотите, мисс Марпл?

– Если не возражаете, я хотела бы встать у вершины лестницы, именно там, где вы с женой принимали гостей в тот злосчастный день.

Он с сомнением взглянул на нее. Еще одна искательница сенсаций? Но нет, лицо мисс Марпл было строгим и даже суровым.

– Пожалуйста, – сказал он, – если вам угодно. Идемте.

Он провел ее к лестнице и остановился в большой нише у ее верхнего основания.

– Вы здесь так много переделали со времен Бэнтри, – заметила мисс Марпл. – Мне нравится. Так, посмотрим. Столы, наверное, стояли там, а вы с женой…

– Жена стояла здесь, – Джейсон Радд указал место. – Гости поднимались по лестнице, она здоровалась с ними и переправляла их ко мне.

– Здесь, – повторила мисс Марпл.

Сделав несколько шагов, она встала туда, где в день приема стояла Марина Грегг. На минуту замерла. Джейсон Радд наблюдал за ней. Интересно, что у нее на уме? Она чуть подняла правую руку, как бы здороваясь, взглянула на лестницу – кто там еще поднимается? Потом посмотрела прямо перед собой. На стене посредине лестницы висела большая картина, копия кого-то из старых итальянских мастеров. По обе ее стороны были узкие окна, одно выходило в сад, другое позволяло видеть край конюшни и флюгер. Но внимание мисс Марпл привлекли не окна. Взгляд ее был устремлен на саму картину. Наконец мисс Марпл заговорила:

– Конечно же, первое впечатление – всегда самое верное. Миссис Бэнтри сказала мне, что ваша жена смотрела на

картину, смотрела «застывшим взглядом». Мадонна… пышные красно-синие одеяния… голова чуть откинута, на руках держит младенца и смеется, глядя на него. «Смеющаяся мадонна» Беллини. Религиозная картина, но она же воспевает и счастливое материнство. Согласны, мистер Радд?

– Пожалуй.

– Теперь мне ясно, – произнесла мисс Марпл. – Да, ясно. И ведь все так просто, да? – Она посмотрела на Джейсона Радда.

– Просто?

– Мне кажется, вы знаете, насколько все просто.

Внизу затрезвонил колокольчик.

– Боюсь, – сказал Джейсон Радд, – я не совсем вас понимаю. – Он посмотрел вдоль лестницы.

Снизу послышались голоса.

– Этот голос я знаю, – оживилась мисс Марпл. – Инспектор Крэддок, да?

– Похоже, это он.

– Он тоже хочет вас видеть. Ничего, если он к нам присоединится?

– Лично я ничего не имею против. Не знаю, согласится ли он…

– Думаю, согласится, – сказала мисс Марпл. – Ведь откладывать дальше некуда. Пора окончательно разобраться, как все произошло.

– Кажется, вы сказали, что все очень просто, – напомнил Джейсон Радд.

– Так просто и очевидно, – подтвердила мисс Марпл, – что никто ничего не заметил.

В эту минуту на лестнице появился стареющий дворецкий.

– Вас хочет видеть инспектор Крэддок, сэр, – объявил он.

– Скажите, что мы его ждем, – попросил Джейсон Радд.

Дворецкий снова исчез, и вскоре по лестнице поднялся Дермот Крэддок.

– Вы! – обратился он к мисс Марпл. – Как вы сюда попали?

– Приехала «в Инче», – сообщила мисс Марпл, приведя всех в смущение, как случалось всегда после этой реплики.

Стоя чуть сзади нее, Джейсон Радд с вопросительным выражением лица постучал пальцем по лбу. Дермот Крэддок покачал головой.

– Я как раз говорила мистеру Радду, – продолжала мисс Марпл, – …только надо подождать, пока уйдет дворецкий…

Дермот Крэддок быстро взглянул вниз.

– Все в порядке, – сказал он. – Дворецкий нас не слышит. За это отвечает сержант Тиддлер.

– Ну что ж, – успокоилась мисс Марпл. – Мы, разумеется, могли бы пойти и в комнату, но лучше поговорить прямо здесь. Мы находимся в том самом месте, где все произошло, и понять случившееся будет гораздо легче.

– Вы говорите, – уточнил Джейсон Радд, – о дне, когда отравили Хитер Бэдкок?

– Да, – подтвердила мисс Марпл, – и я повторяю – все очень просто, если правильно посмотреть на происшедшее. Не будь Хитер Бэдкок такой, какая она есть, ничего бы не случилось. Собственно, с ней обязательно должно было случиться нечто подобное – это было неизбежно.

– Я не понимаю, что вы хотите сказать, – вставил Джейсон Радд. – Совершенно не понимаю.

– Конечно, кое-что требуется объяснить. Дело вот в чем.

Когда моя подруга миссис Бэнтри описала мне разыгравшуюся тут сцену, она процитировала поэму, которую я очень любила в отроческие годы. Это поэма милого моему сердцу лорда Теннисона «Леди из Шалотта».

Мисс Марпл чуть возвысила голос:

На паутине взмыл паук,
И в трещинах зеркальный круг.
Вскричав: «Злой рок!» – застыла вдруг
Леди из Шалотта.

Именно это увидела миссис Бэнтри – по крайней мере, ей так показалось, – хотя она чуть извратила цитату и сказала «судьба» вместо «злой рок» – может быть, в данных обстоятельствах это слово точнее. Она видела, как ваша жена разговаривала с Хитер Бэдкок, слышала, как Хитер Бэдкок пересказывает вашей жене свою историю, и вдруг на лице вашей жены появился такой взгляд, будто ей явилась ее судьба.

– По-моему, мы это уже достаточно обсуждали, – заметил Джейсон Радд.

– Да, но придется обсудить еще раз, – сказала мисс Марпл. – Именно такой взгляд был на лице вашей жены, и смотрела она вовсе не на Хитер Бэдкок, а на эту картину. А там, как мы видим, изображена смеющаяся, счастливая мать, которая держит на руках счастливого младенца. Ошибка заключалась в том, что взгляд Марины Грегг был неправильно истолкован. Со своей судьбой встретилась не она,

а Хитер Бэдкок. Хитер была обречена с той самой минуты, когда начала говорить и хвастаться встречей в прошлом.

– Нельзя ли пояснее? – попросил Дермот Крэддок.

Мисс Марпл повернулась к нему:

– Можно, можно. Есть нечто, вам совершенно неизвестное. Оно и понятно, потому что никто не поведал вам, что же именно сказала Хитер Бэдкок.

– Почему? – запротестовал Дермот. – Поведали. И не один человек, а несколько.

– Да. – Мисс Марпл кивнула. – И все-таки вы этого не знаете, потому что лично вам Хитер Бэдкок этого не сказала.

– И не могла сказать – когда я сюда приехал, она была уже мертва, – сказал Дермот.

– Именно, – согласилась мисс Марпл. – Вы знаете только, что она была больна, но поднялась с постели и отправилась на какое-то торжество, где встретилась с Мариной Грегг, говорила с ней, попросила автограф и получила его.

– Правильно. – В голосе Крэддока послышалось легкое раздражение. – Все это я слышал.

– Но вы не слышали ключевую фразу, потому что никто не придал ей значения, – сказала мисс Марпл. – Хитер Бэдкок лежала в постели… с коревой краснухой.

– С коревой краснухой? Но что, черт возьми, в этом такого ключевого?

– Вообще-то это легкое заболевание. Его почти не чувствуешь. Появляется сыпь, которую нетрудно скрыть с помощью пудры, тебя слегка лихорадит, но ничего особенного. Вроде ты и чувствуешь себя неплохо, и из дому можешь выйти, и с людьми пообщаться, если есть желание. Еще раз повторяю – никто не обратил внимания на то, что речь шла именно о коревой краснухе. Миссис Бэнтри, к примеру, сказала мне, что Хитер лежала в постели то ли с ветряной оспой, то ли с крапивницей. Присутствующий здесь мистер Радд назвал грипп, но он, конечно, сделал это намеренно. Я же считаю, что Хитер Бэдкок сказала Марине Грегг вот что: у нее была коревая краснуха, но она поднялась с постели и пошла на встречу с Мариной. И в этом – ключ ко всему, потому что коревая краснуха – штука исключительно заразная, понимаете? Подхватить ее ничего не стоит. Но у этой болезни есть одна особенность. Если женщина заболевает ею в первые четыре месяца… – следующее слово мисс Марпл произнесла со стыдливым благонравием, – м-м-м… беременности, последствия бывают донельзя серьезными. Ребенок может родиться слепым или умственно отсталым. – Она повернулась к Джейсону Радду: – У вашей жены, мистер Радд, родился умственно отсталый ребенок, правильно? И она так и не пришла в себя от этого потрясения. Она очень хотела иметь ребенка, и, когда он наконец появился, случилась такая трагедия. Ваша жена не забывала о ней никогда, не позволяла себе забыть, эта трагедия въелась в нее как глубокая язва, стала

для нее настоящим наваждением.

– Вы совершенно правы, – подтвердил Джейсон Радд. – Где-то в начале беременности Марина подхватила коревую краснуху, и впоследствии доктор сказал ей, что умственная отсталость ребенка объясняется именно этим. Что никакой дурной наследственности или чего-то в этом роде нет. Доктор думал, что таким образом облегчит ее страдания, но легче ей не стало. Она так всю жизнь и не знала, когда и от кого ей передалось это заболевание.

– Почти всю жизнь, – поправила его мисс Марпл. – Но однажды по этим ступеням поднялась совершенно незнакомая ей женщина и рассказала об этом… Да не просто рассказала, а при этом вся сияла от радости! Она явно гордилась тем своим поступком! Считала, что проявила силу духа, мужество и изобретательность, когда поднялась с постели, наложила на лицо косметику, пошла на встречу с актрисой, от которой была без ума, и даже получила у нее автограф. Она ведь хвасталась этим всю жизнь. Хитер Бэдкок никому не хотела навредить, никогда, но люди, подобные ей (и моей старой подруге Элисон Уайлд), способны причинить много вреда, потому что они – нет, недобрыми их назвать нельзя, добротой они как раз наделены, – потому что они не в состоянии прикинуть, как их поступки могут отразиться на других. Хитер Бэдкок всегда прикидывала, чем тот или другой поступок обернется для нее, а остальное ее совершенно не занимало.

Мисс Марпл чуть кивнула, как бы соглашаясь с собственными мыслями.

– Вот она и умерла, а причиной стал пустяк из ее прошлого. Можете себе представить, что пережила Марина Грегг в минуту их встречи! Думаю, мистер Радд очень хорошо это понимает. Все эти годы в ней, я думаю, тлела ненависть к неизвестному человеку, ставшему причиной ее трагедии. И вдруг этот человек – женщина! – оказывается перед ней лицом к лицу. Женщина радостная, веселая, довольная собой. Для Марины Грегг это было чересчур. Имей она время подумать, успокоиться, расслабиться и отвлечься… но она не дала себе этого времени. Перед ней стояла женщина, отнявшая у нее счастье, отнявшая разум и здоровье у ее ребенка. Наказать ее! А еще лучше – убить! К сожалению, орудие убийства оказалось под рукой. Она носила с собой это знаменитое средство, «Калмо». Довольно опасное средство, потому что стоит превысить дозу… Совершить убийство оказалось очень легко. Она опустила лекарство в свой собственный бокал. Если бы кто и заметил, что она это сделала, наверняка не придал бы этому значения, решил бы, что она хочет себя взбодрить или, наоборот, успокоиться, – к этому все привыкли. Возможно, один человек все-таки заметил, хотя сильно сомневаюсь. Я говорю о мисс Зелински, но могло статься, что она просто догадалась. Свой бокал Марина Грегг поставила на столик и тут же толкнула Хитер Бэдкок под локоть, и та расплескала свой коктейль на новое платье. И тут в этой истории возник некий ребус, а почему? Потому что некоторые люди не умеют пользоваться личными местоимениями.

Помните, – обратилась она к Дермоту, – я вам рассказывала про горничную, которая путалась, когда по телефону ее

просили что-то передать? Здесь вышло что-то похожее. Я знала лишь то, что Глэдис Диксон сказала Черри – а именно ее беспокоила судьба платья Хитер Бэдкок, на которое выплеснулся коктейль. Но странная штука, сказала Глэдис, она вроде бы сделала это нарочно! Так вот, «она», на которую ссылалась Глэдис, была вовсе не Хитер Бэдкок, это была Марина Грегг! Глэдис сказала: «Она сделала это нарочно!» То есть Марина Грегг толкнула Хитер Бэдкок под локоть. Не случайно, а вполне намеренно. Мы знаем, что она стояла совсем рядом с Хитер, потому что отерла платком не только платье Хитер, но и свое, а уже потом сунула Хитер свой коктейль. Это, если вдуматься, – мисс Марпл словно размышляла вслух, – было блестящее убийство, просто блестящее. Понимаете, оно было совершено под влиянием момента, без всякой паузы на обдумывание, подготовку. Она захотела, чтобы Хитер Бэдкок умерла, и через несколько минут та была мертва. Скорее всего, Марина Грегг даже не поняла серьезности того, что совершила, наверняка не осознала, какой опасности подвергает при этом себя. Зато все это она поняла и осознала потом. И ее охватил страх, кошмарный страх. Она боялась, что кто-то видел, как она подсыпала отраву в свой бокал, как намеренно толкнула Хитер Бэдкок под локоть, что кто-то обвинит ее в отравлении Хитер Бэдкок. Она увидела только один выход из положения – представить дело так, будто убить хотели ее, будто предполагаемой жертвой была она. Первым, кому она подбросила эту мысль, был доктор. Однако она велела ему не говорить об этом мужу – видимо, знала, что мужа провести не удастся. Она вытворяла нечто немыслимое. Писала себе записки и умудрялась находить их в самых неожиданных местах в самое неожиданное вре-

мя. Подсыпала отраву в свой собственный кофе на студии. Собственно, раскусить ее игру было достаточно просто, задумайся кто-нибудь над этим всерьез. И один человек ее раскусил.

– Это лишь ваша теория, – заметил Джейсон Радд.

Мисс Марпл взглянула на него.

– Пусть так, если угодно, – согласилась она, – но вы, мистер Радд, прекрасно знаете – я говорю правду. Ведь так? Знаете, потому что все знали с самого начала. Потому что при вас Хитер Бэдкок упомянула про коревую краснуху. Вы знали и изо всех сил стремились защитить жену. Но вы не представляли, каких затрат потребует от вас эта защита. Не представляли, что замять одну смерть – смерть женщины, которая, могли считать вы, сама навлекла на себя кару божью, – этим дело не ограничится. Последовали другие смерти – Джузеппе… Правильно, он был шантажист, но все-таки человек. Умерла Элла Зелински, к которой вы, как я понимаю, относились с большой симпатией. Вы изо всех сил стремились не только защитить Марину, но и помешать ей совершить новое зло. Хотели увезти ее куда-нибудь подальше отсюда. Старались, чтобы она все время была у вас на глазах, чтобы больше ничего не случилось.

Она смолкла, подошла к Джейсону Радду и мягко коснулась рукой его запястья.

– Мне вас очень жаль, – сказала она. – Очень. Я прекрасно понимаю, какие мучения выпали на вашу долю. Вы ведь

так ее любили, да?

Джейсон Радд чуть отвернулся.

– Это, я полагаю, ни для кого не секрет, – сказал он.

– Она была таким прелестным созданием, – мягко заговорила мисс Марпл. – И обладала таким чудесным даром. Пылкая, страстная, она умела всей душой любить и всей душой ненавидеть, но под ее ногами всегда была зыбкая почва. Это прискорбно, но многие ощущают эту зыбкую почву под ногами с самого рождения. Она не умела расстаться со своим прошлым, а будущее видела лишь таким, каким оно ей казалось. Она была выдающейся актрисой, была прекрасной, но очень несчастной женщиной. А какая это была блестящая Мария, королева Шотландская! В этой роли я никогда ее не забуду.

На лестнице вдруг появился сержант Тиддлер.

– Сэр, – обратился он к старшему по званию, – можно вас на минуту?

Крэддок обернулся.

– Сейчас вернусь, – сказал он Джейсону Радду и пошел к лестнице.

– Помните, – крикнула ему вдогонку мисс Марпл, – несчастный Артур Бэдкок тут совершенно ни при чем. Он пришел на прием, чтобы взглянуть на женщину, на кото-

рой много лет назад был женат. А она его даже не узнала. Верно? – спросила она Джейсона Радда.

– По-моему, не узнала. Во всяком случае, мне она не сказала об этом ни слова. Едва ли, – задумчиво добавил он, – она могла его узнать.

– Возможно, – мисс Марпл кивнула. – Так или иначе, у него и в мыслях не было ее убивать или совершать нечто подобное. Помните об этом, – еще раз воззвала она к Дермоту Крэддоку, который уже спускался по лестнице.

– Уверяю вас, ему ничего не грозит, – заверил ее Крэддок. – Но когда мы узнали, что он был первым мужем мисс Марины Грегг, мы не могли его не допросить. Не тревожьтесь о нем, тетушка Джейн, – почти пробормотал он себе под нос и поспешил вниз.

Мисс Марпл повернулась к Джейсону Радду. Он стоял, погруженный в свои мысли, глаза смотрели куда-то вдаль.

– Вы позволите мне взглянуть на нее? – попросила мисс Марпл.

Секунду-другую подумав, он кивнул.

– Да, пожалуйста. Мне кажется, что вы… очень хорошо ее понимали.

Он повернулся, и мисс Марпл последовала за ним. Он вошел в большую спальню и чуть раздвинул занавески.

На постели, словно в большой белой усыпальнице, лежала Марина Грегг – глаза закрыты, руки сложены на груди.

Вот так, подумала мисс Марпл, могла лежать и Леди из Шалотта, лежать в лодке, что везла ее к замку Камелот. А рядом, погруженный в глубокое раздумье, стоял человек с грубыми и некрасивыми чертами лица – его вполне можно было принять за Ланселота.

Мисс Марпл негромко произнесла:

– Для нее большое счастье, что она… приняла роковую дозу. Смерть – другого способа спастись у нее не было. Большое счастье, что она приняла роковую дозу… или… ей предложили ее принять?

Их взгляды встретились, но он не ответил.

Потом надтреснутым голосом сказал:

– Она была… так прелестна… и всегда так страдала.

Мисс Марпл еще раз взглянула на неподвижную фигуру.

И процитировала последние строчки поэмы:

«Она прекрасна, – он изрек. —
Вознаградил красою бог
Леди из Шалотта».[5]

Примечания

1

Перевод В. Лунина.

2

Территория собора с прилегающими постройками, как правило огороженная.

3

Ссылка на нашумевшие в Англии дела об убийстве женщин в 1910 и 1949 гг.

4

Двусмысленность (фр.).

5

Перевод В. Лунина.